

КНЯЗЬ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

ДОЛГОРУКОЙ

И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

ДОЛГОРУКОЙ

И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень.
Если ты не человѣкъ!
Державинъ.

СОЧИНЕНІЕ М. А. ДМИТРІЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,
обработанное вновь, исправленное и значительно дополненное.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.
1863.

Дозволено цензурой. Москва. 2 Ноября 1862 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда я въ первый разъ писалъ о жизни Князя Долгорукаго, я слѣдовалъ моей памяти и нѣкоторымъ краткимъ выпискамъ, полученнымъ мною отъ его младшаго сына, (котораго уже нѣтъ на свѣтѣ) и отъ его зятя. Память мнѣ ни въ чемъ не измѣнила; но выписки оказались и недостаточными, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрными. По напечатаніи моей статьи въ Москвитянинѣ и въ отдѣльныхъ экземплярахъ (1851), сыновья и дочь Князя Ивана Михайловича были чрезвычайно довольны моимъ описаніемъ: вслѣдствіе этаго я получилъ отъ его дочери, для прочтенія и справокъ, полную рукопись его записокъ, состоящую болѣе, чѣмъ изъ тысячи страницъ, въ большой листъ и довольно мелкаго письма.

Эти записки изображаютъ его жизнь и самаго его во всей простотѣ безпристрастія и со всѣми мельчайшими под-

робностями, описанными погодно. Я думаю, ни одинъ біографъ писателя не имѣлъ въ своихъ рукахъ такихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Онѣ были для меня полезны въ двухъ отношеніяхъ: какъ вѣрное зеркало его жизни, и какъ матеріалъ для исправленія прежняго моего труда. — Не смотря на короткое время, которое я могъ ими воспользоваться, я сдѣлалъ изъ нихъ нужныя для меня выписки; но увидѣлъ, что мнѣ надобно не только переправлять и дополнять написанное прежде, а почти передѣлывать снова: что и исполнено мною для предлагаемаго теперь втораго изданія, которое, за исключеніемъ начала и конца, составляетъ почти совершенно новый трудъ, вчетверо большій прежняго и представляющій подробности, тамъ, гдѣ прежде было одно общее указаніе происшествій.

По напечатаніи первой статьи о жизни и характерѣ Князя Долгорукаго, я предполагалъ написать вторую о его сочиненіяхъ. Но увидѣвъ, какъ сказано выше, что первая статья неполна и требуетъ совершенной переработки, я счелъ совершенно лишнимъ доканчивать трудъ, которымъ я самъ имѣлъ причины быть недовольнымъ, и отложилъ мое намѣреніе до изданія вновь написанной біографіи. Теперь представляю ее читателямъ въ той полнотѣ, до какой только могъ я достигнуть, по краткости времени, въ которое имѣлъ въ рукахъ его записки; и съ тѣмъ вмѣстѣ предлагаю вторую часть моего труда, т. е. о его сочиненіяхъ. — Теперь это изданіе оконченное и полное.

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ писали о первомъ изданіи біографіи Князя Долгорукаго. Замѣчаній

сдѣлано было много, и какъ всегда это бываетъ, одни дѣльныя, другія нѣтъ. Было предложено нѣсколько вопросовъ и сомнѣній, на счетъ неясности, или сбивчивости нѣкоторыхъ моихъ указаній. Я не отвѣчалъ ни на одну изъ этихъ критикъ, хотя не оставилъ ни одной безъ должнаго вниманія Теперь отвѣтомъ на нихъ служитъ, такъ сказать, самый текстъ втораго изданія біографіи: всѣ сомнѣнія и вопросы критиковъ разрѣшены мною, или исправленіемъ ошибки, или включеніемъ пропущеннаго, или яснѣйшимъ указаніемъ и болѣе опредѣленнымъ разсказомъ. А гдѣ прежнее оставлено мною, какъ было, не смотря на замѣчанія критиковъ, это значитъ, что замѣчаніе было неосновательно и что я не имѣлъ причины измѣнять написанное. — Желательно бы было, чтобы всегда можно было авторамъ такъ отвѣчать на критики. Впрочемъ я обязанъ благодарить тогдашніе журналы за ихъ отзывы о трудѣ моемъ; самыя замѣчанія ихъ доказываютъ, что они обратили на него серьозное вниманіе.

Еще одно слово. О многомъ я не могъ иначе говорить, какъ ходя, такъ сказать, около предмета окружными линіями, особливо о происшествіяхъ, сопровождавшихъ послѣднюю отставку Князя Долгорукаго. Я могъ бы вполнѣ оправдать его отъ нареканій людей ему современныхъ; но въ то время, когда писана эта біографія, я не могъ входить въ подробности, скажу всѣмъ понятною фразой, *по причинамъ отъ меня независящимъ.* Часто я долженъ былъ удерживать мысль и руку. У насъ появившаяся съ нѣкотораго времени, гласность — болтаетъ, бранится и шалитъ иногда, какъ ребенокъ; но къ сожалѣнію, не пришло еще время той

взрослой гласности, которая однихъ спокойно обвиняетъ, другихъ смѣло оправдываетъ, передъ судомъ современниковъ и отомства. Есть и такія имена, которыя можно только съ похвалою, а не съ обличеніемъ выставить въ печати.

29 Іюня 1860 года.

Село Богородское.

ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕРЪ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКАГО.

Натура жизнь дала,
А страсти воспитали.
К. И. М. Д.

Я зналъ коротко Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Трудно найти автора, который бы столько выразилъ себя въ своихъ произведеніяхъ. А открывать въ поэтѣ человѣка — это драгоцѣнное пріобрѣтеніе и литературы и человѣчества: литературы — потому, что тогда поэзія заключаетъ въ себѣ много неподдѣльной истины; а человѣчества — въ томъ отношеніи, что живость ума и откровенность сердца, свойственныя поэтамъ, представляютъ тогда человѣка, какъ въ зеркалѣ, вѣрно и безпристрастно, чѣмъ не можетъ похвалиться и сама философія. Живость ума, чувствительность сердца, неистощимая веселость, смѣняемая иногда приступами дурнаго расположенія духа, которое Князь Долгорукой называлъ, посвоему, хандрою; неограниченная привязанность къ друзьямъ и какая-то дѣтская простота шутливости; любовь къ человѣкамъ и къ обществу, вмѣстѣ съ недовѣрчивостію вообще къ людямъ, которыхъ онъ и имѣлъ-таки причину не любить; благородство мыслей и чувствъ, вмѣстѣ съ простонародностію въ ихъ выраженіи, доходившей иногда до прекрасной простоты, иногда почти до пошлости;

высокость, нерѣдко глубина чувства; умѣнье предаваться совершенно настоящей минутѣ, какъ скоро не было помѣхи отъ внѣшняго міра; наблюденіе всѣхъ свѣтскихъ приличій, вмѣстѣ съ наружною небрежностію въ одеждѣ и въ домашнемъ быту, и съ какою-то оригинальностію, съ какимъ-то своевольствомъ обычаевъ; наблюденіе съ людьми взаимныхъ отношеній, какъ скоро не мѣшала этому нетерпѣливость, или припадокъ веселости, доходившей иногда до крайности; наконецъ, непритворное религіозное чувство, любовь къ семейству, добродушіе: вотъ черты, изъ которыхъ состояла разнообразная и безпримѣрная смѣсь оригинальнаго характера этаго замѣчательнаго человѣка!— Таковъ является онъ и въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ моей молодости я бывалъ у него почти ежедневно. А кто изъ знавшихъ Князя Долгорукаго можетъ вспомнить объ немъ безъ вздоха? Что въ немъ было хорошаго —это принадлежало собственно ему, его счастливой натурѣ; что въ немъ было худаго — это происходило не отъ дурнаго направленія сердца: это были ошибки, это была пылкость и нерасчетливость поэта, которыми всегда искусно пользуются хладнокровные и расчетливые люди. Расчетъ составляетъ весь разумъ мірскаго человѣка; пылкость и восторгъ передъ нимъ всегда останутся въ проигрышѣ. Можетъ быть, по этой самой причинѣ, не смотря на познаніе свѣта, онъ ошибался въ людяхъ; они не поняли или не хотѣли понять его, и жестоко отмстили, оскорбивъ въ немъ самое лучшее чувство его сердца, любовь къ человѣкамъ. Другой бы ихъ возненавидѣлъ, а онъ только потерялъ къ нимъ довѣрчивость; а мстилъ за нихъ по временамъ себѣ же, своею хандрою, которая впрочемъ

скоро проходила и уступала мѣсто природному добродушію и врожденной веселости.

Жизнь всякаго человѣка, выступающаго изъ сферы обыкновенной, т. е. матеріальной, животной жизни, представляетъ для наблюдательнаго ума замѣчательныя, только ей свойственныя стороны. Жизнь полководца и мужа государственнаго занимательна для гражданина и поучительна для людей, идущихъ по тому же поприщу; но жизнь поэта, смѣю сказать, имѣетъ свое преимущество: она, при недостаткѣ внѣшнихъ дѣйствій, представляетъ непрерывную нить внутреннихъ ощущеній и увлеченій, или порывовъ сердца и воображенія, которые часто опредѣляютъ характеръ и внѣшнихъ дѣйствій человѣка. Тѣмъ замѣчательнѣе жизнь такого поэта, которая выразилась въ его произведеніяхъ.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой происходилъ отъ роднаго брата Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, знаменитаго и подвигами и безстрашною правдивостью, современника и сподвижника Петра Перваго. Князь Григорій Ѳедоровичъ, братъ его, служилъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ и пользовался тоже отличною довѣренностію Государя. У нихъ былъ сынъ Князь Алексѣй Григорьевичъ; сынъ этаго — былъ Князь Иванъ Алексѣевичъ; а его сынъ былъ отецъ описываемаго мною Князя Ивана Михайловича. И такъ сей послѣдній былъ внукъ Князя Ивана Алексѣевича, извѣстнаго въ нашей исторіи любимца Петра II-го, знаменитаго быстрымъ своимъ возвышеніемъ и быстрымъ паденіемъ и кончившаго жизнь на плахѣ. — Супруга сего послѣдняго и родная бабка поэта, Княгиня Наталья Борисовна, урожденная Графиня Шереметева, была дочь славнаго своими подвигами, тоже современника Петра I-го, Графа Бориса Петровича.

Она оставила послѣ себя записки о своей жизни, или правильнѣе сказать, о своей ссылкѣ въ Сибирь, которыя донынѣ хранятся въ семействѣ Князей Долгорукихъ и были напечатаны въ одномъ журналѣ (*). Многіе изъявляли сожалѣніе, что она ихъ не продолжала и не описывала своего пребыванія въ Сибири; но не многимъ извѣстна причина этому: изъ записокъ ея внука видно, что ихъ семейству запрещено было имѣть тамъ бумагу и чернила, и даже запрещено было учить своихъ дѣтей грамотѣ. Знаменитая своими бѣдствіями, твердостію, добродѣтелью и любовію къ несчастному супругу, она была воспѣта однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, И. И. Козловымъ, въ небольшой поэмѣ, которая въ недавнее время имѣла большую извѣстность и возбуждала общее участіе. Князь Иванъ Михайловичъ помнилъ еще свою бабку. Будучи ребенкомъ, онъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, ѣзжалъ къ ней въ Кіевъ, гдѣ она была пострижена въ инокини, подъ именемъ Нектаріи. Я видалъ у него въ домѣ, въ домовой церкви, портретъ ея, въ монашеской одеждѣ и въ черномъ покрывалѣ, закрывающемъ верхнюю часть лица ея. Мать Князя Ивана Михайловича, Княгиня Анна Николаевна, была урожденная Баронесса Строганова. Вотъ какъ говоритъ поэтъ о своихъ предкахъ и родителяхъ:

Я мелкая кроха Князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ, во дняхъ недавныхъ,
Великому Царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ Князь и громкой человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ; отцу его былъ другомъ.

(*) Въ Другѣ Юношества 1808 г., изд. Невзоровымъ.

Внукъ этаго, мой дѣдъ, позналь, какъ говорятъ,
Что вправду близъ Царя—близъ смерти всякъ нашъ братъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
Тамъ сосланъ и казненъ.... и поминай какъ звали!
Жена его все съ нимъ дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)
Душою былъ богатъ, а счастіемъ убогъ!
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ;
А я Jeannot tout court, и голъ, такъ какъ соколъ,
Служа осмнадцать лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ!

Князь Иванъ Михайловичъ родился въ Москвѣ, 1764 года, 7 Апрѣля, въ Середу на Страстной недѣлѣ, передъ полуднемъ, въ собственномъ домѣ отца его, на Тверской, близъ Страстнаго монастыря. „Роскошь," говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „окружала колыбель мою." — Но эта роскошь младенческой колыбели не перешла въ наслѣдство къ его мужескому возрасту. О нѣкоторыхъ причинахъ упадка состоянія ихъ семейства будетъ сказано мною послѣ. Теперь скажу только, что подъ конецъ своей жизни онъ не могъ похвалиться не только богатствомъ, но даже и достаточнымъ состояніемъ. На второмъ году своей жизни Князь Долгорукой занемогъ оспой, отъ которой едва не лишился жизни. Я не упомянулъ бы объ этомъ, еслибы отрывокъ изъ его записокъ, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ выздоровленіи, не свидѣтельствовалъ о той сильной вѣрѣ, которая никогда его не оставляла. — Вотъ слова его: «Марта 26, 1765 года, сестра «моя занемогла оспою; отъ нея пристала оспа и ко «мнѣ съ такою силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣ-

«мѣлъ. (*) Тогда еще не умѣли прививать сей заразы «и смягчать ея жестокость. Все лице мое покрылось «корою, и въ такомъ положенiи оставалось только ожи-«дать смерти. Богъ сохранилъ животъ мой —*да повѣмъ «дѣла Господня.* Его великимъ промысломъ натура «открыла вспомогательныя свои средства — и болѣзнь «уступила ея силамъ. Тутъ явно совершилось надо «мною чудотворенiе отъ иконы Смоленскiя Божiя Ма-«тери, что въ Донскомъ монастырѣ надъ царскими вра-«тами. Когда родители мои, болѣзнью моею огорчен-«ные, съ теплою вѣрою прибѣгнувъ къ Богу, под-«няли икону къ себѣ въ домъ и меня къ оной при-«ложили, то вдругъ я получилъ употребленiе всѣхъ мо-«ихъ чувствъ, сталъ видѣть и слышать; струпъ свалился «съ лица моего; оспа миновалась. *Сiе я всей мыслiю «утверждаю*: ибо вѣрю родителямъ моимъ, меня о томъ «извѣстившимъ; *вѣрю паче Создателю моему, вся «сверхъ-естественная могущему.*»

До восмилѣтняго возраста надзоръ за малолѣт-нымъ Княземъ Долгорукимъ и первоначальное ученiе его ввѣрены были французкенкѣ mad. Constantin, которая была принята въ домъ Долгорукихъ для старшей се-стры его и которая, какъ онъ говоритъ, прiучала его *лепетать по своему* съ самаго ребячества. Она бы-ла, по словамъ его, первымъ стороннимъ человѣкомъ, котораго попеченiямъ и ласкѣ онъ былъ обязанъ пер-воначальнымъ своимъ образованiемъ. «Благодарность,

(*) То есть *сдѣлался нѣмымъ.* Онѣмѣть говорится не объ языкѣ, а о другихъ членахъ тѣла, потерявшихъ чувствительность, напримѣръ: онѣмѣ-нiе руки. Но нынче часто встрѣчается у нашихъ авторовъ глаголъ *онѣмѣть* вмѣсто сдѣлаться нѣмымъ. Это солецизмъ. Такъ говорится нынче *заболѣлъ* вмѣсто *занемогъ.* Заболѣть должно употребляться только о боли отдѣльныхъ частей тѣла, и никогда о внутренней болѣзни всего орга-низма. Можно сказать: *заболѣла рука, заболѣлъ палецъ;* но должно го-ворить: *занемогъ лихорадкою, горячкою, ревматизмомъ.*

«прибавляетъ онъ къ этому, есть изящнѣйшая добродѣ«тель. Человѣкъ, безъ нея возмужавшій, уподобляется «хищному звѣрю, который равно пожираетъ и того, «кто гладитъ, и того, кто его кусаетъ!» — Прекрасное правило и прекрасное сравненіе! — Съ осмилѣтняго возраста Князь Долгорукой взятъ былъ изъ женскихъ рукъ. Къ нему принятъ былъ въ воспитатели иностранецъ *Руле*, съ которымъ, по его словамъ, привыкалъ онъ лепетать по латинѣ и по французски и запасался первыми матеріалами къ методическому ученію.

Отецъ Князя Ивана Михайловича, съ самаго его отрочества,началъ заботиться о его ученіи и воспитаніи. Предназначая его къ службѣ дипломатической (цѣль, которая впослѣдствіи не исполнилась,) онъ почиталъ для этаго нужнымъ не только знаніе иностранныхъ языковъ, но и положительныя познанія въ наукахъ. Сообразно этому, первоначальный планъ, предначертанный имъ для ученія своего сына, обнималъ языки: латинской, нѣмецкой и французской; исторію, географію, литературу и математику. По тогдашнему времени, это былъ довольно широкой объемъ образованности: политическія науки были мало извѣстны; а физика съ другими науками, объясняющими силы природы, были и въ слабомъ состояніи, и предметомъ спеціалистовъ. Онѣ не входили еще ни въ жизнь, ни въ общую образованность. Въ религіи былъ первымъ наставникомъ Князя Долгорукаго кроткій и добрый, пожилой священникъ. «Онъ,» говоритъ Князь Долгорукой, «руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ ме«ня исподволь къ тѣмъ истинамъ, кои по времени долж«ны были озарить мою душу; изъ его краткихъ хри«стіанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распозна«вать что̀ грѣхъ и что̀ добро передъ Богомъ.»

Столь тщательно заботился умный и попечительный отецъ, съ самаго его младенчества, о его воспитаніи, которое, конечно, много содѣйствовало къ укрощенію его пылкой натуры. Но Князь Долгорукой не умѣлъ притворяться. Онъ въ своихъ запискахъ, говоря доброе, не скрывалъ о себѣ и худаго. — Вотъ какъ онъ описываетъ свои физическія и нравственныя свойства: «По наружности я былъ чистъ, румянъ, но дуренъ ли-«цемъ и обезображенъ отъ природы нижней челюстью, «непомѣрно широкой и толстой губой, по которой, «когда я ее распускалъ, называли меня часто *разиней*. «Сложенія я былъ мокротнаго и очень подверженъ зо-«лотушнымъ болѣзнямъ; отъ нихъ я терпѣлъ много «скорбей различныхъ. Темпераментъ мой съ малолѣтства «казался по сей причинѣ флегматическимъ; но напро-«тивъ я былъ холерикъ. Умственныя мои способно-«сти развертывались медленно. Я былъ тупъ, понималъ «уроки съ трудомъ; лучшее сокровище мое была па-«мять: твердить наизусть былъ мастеръ. Съ языка ли-«лось, какъ у попугая; но забывалъ назавтра. Душевно «былъ открытъ, сердоболенъ, но горячъ и страстенъ, а «болѣе всего упрямъ. Отъ этаго меня жестоко унимали.“

Въ 1775 году, родной дядя и крестный отецъ Князя Долгорукаго, Баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ, командовавшій кирасирскимъ полкомъ и стоявшій съ нимъ въ Польшѣ, при выходѣ оттуда, вздумалъ потѣшить сестру свою и выпросилъ у тогдашняго короля, Станислава Понятовскаго, десятилѣтнему своему племяннику чинъ полковника; а для его учителя, г. Руле, чинъ маіора. Такимъ образомъ Князь Долгорукой до вступленія своего въ службу былъ уже полковникомъ: такъ улыбалась ему фортуна въ малолѣтствѣ и даже въ молодыхъ лѣтахъ, измѣнившая ему подъ старость, когда всего нужнѣе человѣку и покой.

и почести, и почетъ, неразлучный съ ними и съ богатствомъ.

Это перемѣнило прежнее намѣреніе отца Князя Долгорукаго о будущемъ дипломатическомъ поприщѣ сына. Новое предположеніе состояло въ томъ, чтобы молодой человѣкъ довершилъ свое ученіе въ чужихъ краяхъ и потомъ отправился въ Польшу, для вступленія въ службу по своему чину. Можетъ быть, этому причиною была отчасти и память всего, что̀ претерпѣли Долгорукіе въ Россіи, и шаткость придворной и служебной фортуны прежняго времени, ненадежныхъ еще такъ недавно, при самой Елизаветѣ, хотя съ тѣхъ поръ времена и перемѣнились. Но послѣ первыхъ семейныхъ восторговъ и по зрѣломъ размышленіи, и это послѣднее намѣреніе было оставлено.

Между тѣмъ, съ одиннадцатилѣтняго возраста, молодой Князь Долгорукой продолжалъ свое ученіе уже болѣе основательнымъ образомъ. Онъ получилъ другаго хорошаго наставника въ иностранцѣ *Совере*, который былъ родомъ французъ; служилъ нѣкогда въ Испаніи и носилъ испанскій мундиръ; потомъ принадлежалъ къ обществу іезуитовъ и былъ человѣкъ умный, свѣдущій и крайне осторожный. Съ нимъ въ латинскомъ языкѣ молодой воспитанникъ дошелъ уже до такой степени, что могъ заниматься Гораціемъ, Виргиліемъ и другими римскими писателями; а легчайшихъ, напримѣръ Корнелія Непота, читалъ, по собственному его выраженію, какъ русскую книгу. *Совере* жилъ въ домѣ Долгорукихъ семь лѣтъ, до самаго вступленія въ свѣтъ своего питомца, и довершилъ домашнее образованіе его юности.

Я сказалъ уже, что отцу хотѣлось отправить его въ чужіе краи и усовершенствовать его познанія въ хорошемъ иностранномъ университетѣ. Отчасти раз-

строенное имѣніе, но болѣе совѣты Ивана Ивановича Шувалова, главнаго попечителя московскаго университета измѣнили и это намѣреніе. Латинской языкъ, благодаря урокамъ *Совере*, онъ зналъ уже столько, сколько нужно было, чтобы слушать лекціи университета, которыя преподавались тогда на языкѣ латинскомъ. — И такъ, на четырнадцатомъ году возраста, (1777 г.) онъ былъ *записанъ* въ университетъ и принятъ по экзамену слушателемъ. „Настоящій годъ (говоритъ онъ по этому случаю въ своихъ запискахъ), «долженъ особенно быть мною замѣченъ, потому что «въ ономъ я первый шагъ сдѣлалъ изъ родительскаго «дома *въ общее семейство московскаго университе-«та.»* — Тамъ слушалъ онъ лекціи поэзіи — у Барсова, логику и метафизику — у Аничкова, всеобщую исторію — у Рейхеля, высшую русскую словесность — у Чеботарева, физику — у Роста; а у протоіерея Петра Алексѣева — Законъ Божій.

Въ слѣдующемъ (1778) году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, университетъ, по случаю рожденія Великаго Князя Александра Павловича, праздновалъ это радостное событіе торжественнымъ актомъ. Съѣздъ былъ огромный. Вся столица была приглашена слушать рѣчи и стихи, произносимые на разныхъ языкахъ профессорами и студентами. Князь Долгорукой, не бывшій еще студентомъ, былъ удостоенъ чести быть на этотъ разъ причисленъ къ ихъ сословію и произнести съ каѳедры публичную рѣчь, сочиненную профессоромъ Чеботаревымъ. А въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года былъ произведенъ въ студенты и получилъ шпагу изъ рукъ тогдашняго директора университета, Приклонскаго.

Науки, какъ сказано выше, преподавались тогда въ московскомъ университетѣ на латинскомъ языкѣ. Въ концѣ 1778 года, по смерти профессора Рейхеля,

заступилъ его мѣсто Чеботаревъ и первый началъ преподавать исторію не на латинскомъ языкѣ, а на русскомъ; скоро послѣдовали его примѣру и въ другихъ классахъ, и съ этаго времени, мало по малу, русской языкъ сдѣлался наконецъ общимъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ; но латинской былъ столь знакомъ молодому Князю Долгорукому, что въ бытность въ Москвѣ и въ университетѣ (1780) Римскаго Императора Іосифа II Князь Долгорукой, произведя передъ нимъ опытъ посредствомъ пневматической машины, на требованіе Императора объяснить сей опытъ, объяснилъ его по латинѣ. Одного нѣмецкаго языка не любилъ Князь Долгорукой и не дѣлалъ въ немъ никакихъ успѣховъ; къ рисованію и музыкѣ былъ рѣшительно неспособенъ.

Въ то время существовало при университетѣ литературно-ученое общество, подъ названіемъ *Вольнаго Россійскаго Собранія.* Оно учреждено было въ 1771 году попеченіемъ тогдашняго куратора И. И. Мелиссино. Цѣлію его было исправленіе и обогащеніе русскаго языка изданіемъ полезныхъ сочиненій и переводовъ прозою и стихами, также обработаніе русской исторіи. Дѣйствительными членами были профессоры университета; секретаремъ профессоръ Барсовъ. — Но къ собраніямъ его допускались, по выбору, и молодые люди, окончившіе курсъ наукъ въ университетѣ и подававшіе добрую надежду; они принимались подъ именемъ слушателей. Это общество занималось, между прочимъ, составленіемъ русскаго словаря, и съ 1774 по 1783 годъ издало шесть томовъ, подъ названіемъ: *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,* въ которыхъ находятся, между прочимъ, историческія статьи, сообщенныя Миллеромъ и протоіереемъ Петромъ Алексѣе-

вымъ, сочинителемъ Церковнаго Словаря, разсмотрѣннаго и одобреннаго Обществомъ. Занятія его продолжались 14 лѣтъ. (*)

Въ это общество (осенью 1779) былъ принятъ молодой Князь Долгорукой, за первый опытъ его въ литературѣ, переводъ книги Le Mercier: les Songes philosophiques, произведенный впрочемъ подъ руководствомъ *Совере* и исправленный другими домашними учителями. — Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ онъ о принятіи его въ общество: «университетъ, же„лая сохранить меня еще нѣкоторое время между сво„ими *счастливыми питомцами*, соизволилъ меня про„извести въ *авскультанты* Вольнаго Россійскаго Соб„ранія, при немъ учрежденнаго; и тутъ я, бывая при „конференціяхъ ученыхъ, продолжалъ полезныя мои „занятія.“ — Обязанность же его въ этомъ званіи состояла въ томъ, чтобы, сидя за секретарскимъ столомъ, записывать въ особый журналъ голоса членовъ и ихъ пренія.

Переводъ его былъ напечатанъ (1780) и посвященъ Ив. Ив. Шувалову, за что̀ получилъ онъ благодарственное письмо отъ знаменитаго основателя перваго нашего университета. Такъ важны были тогда и малѣйшіе опыты въ литературѣ, и такъ цѣнили ихъ люди, стоявшіе во главѣ просвѣщенія, чувствуя, что поощреніе еще необходимо и что всякая попытка важна въ дѣлѣ, только что начинающемся. Такъ поступалъ и Новиковъ, покупавшій иногда у молодыхъ людей и такіе переводы, которыхъ совсѣмъ не печаталъ.

Кончивши, шестнадцати лѣтъ отъ роду (1780), трехлѣтній курсъ университетскаго ученія, по бла-

---

(*) Взято изъ Исторіи русской литературы Греча, съ нѣкоторымъ дополненіемъ.

городному обычаю тогдашняго дворянства, Князь Долгорукой началъ свое поприще съ военной службы. Тогда всѣ молодые люди хорошихъ фамилій въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію и, получивши уже офицерской чинъ, являлись на дѣйствительную службу. (Такъ и я, біографъ Князя Долгорукаго, семи мѣсяцевъ отъ роду, былъ записанъ въ Семеновской полкъ). Не знаю почему, по причинѣ ли полковничьяго чина, который открывалъ молодому человѣку особое поприще, или по другой причинѣ, но это тогдашнее средство быть, не служа, офицеромъ гвардіи, какъ говоритъ самъ Князь Долгорукой, было для него опущено. Оставался одинъ способъ: воспользоваться правомъ студенчества; тогда студентъ, изучившій латинской языкъ, былъ принимаемъ въ армію офицеромъ. Военная коллегія выдала (3 Іюня 1860 года) патентъ и включила его въ списокъ Перваго Московскаго пѣхотнаго полка. „И такъ я, пишетъ онъ, вопреки общему обы„чаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ „офицеромъ и сталъ между своей братьей, дворянами, „нѣчто необыкновенное, потому что всѣ почти безъ „изъятія благородные люди, и съ малымъ достаткомъ, „наполняли гвардейскіе полки. Мнѣ одному суждено „было показаться въ свѣтъ армейскимъ прапорщикомъ.“ „Третье число Іюня,“ говоритъ онъ потомъ, сближая обстоятельства, важныя въ его жизни, «сдѣлалося для „меня сугубо замѣчательнымъ на всю мою жизнь: въ „этотъ день скончалась бабка моя, схимонахиня Некта„рія, и въ тотъ же самый день, нѣсколькими годами „позже, я вступилъ на службу Царю и отечеству.»

Говоря въ своихъ запискахъ объ окончаніи своего юношества и обозрѣвая свои свойства, Князь Долгорукой замѣчаетъ въ нихъ нѣчто странное, что онъ приписываетъ болѣе своему физическому расположенію,

и о чемъ упомянуть и я не считаю излишнимъ. Онъ боялся, напримѣръ, пройти одинъ посреди большой комнаты; приходилъ въ робость отъ всякаго насѣкомаго; пугался ночныхъ тѣней въ саду, а еще болѣе на кладбищѣ. Отецъ принималъ противъ этаго строгія средства. Живучи въ деревнѣ, въ Волынскомъ, онъ посылалъ его часто одного послѣ ужина, при сіяніи полнаго мѣсяца, на ближнее кладбище, и стоя самъ на крыльцѣ, смотрѣлъ въ слѣдъ за сыномъ. Онъ повиновался; но никогда не возвращался оттуда безъ трепета и нервическихъ судорогъ. Это не прошло у него и въ совершенномъ возрастѣ. Иные боятся смотрѣть съ высоты внизъ; ему это было ничего; но посреди обширнаго поля или большой залы у него дрожали колѣни. Взоръ его искалъ около себя границъ; безпредѣльность его смущала. Врачи полагали, что это происходитъ отъ особаго свойства зрѣнія.

Будучи прапорщикомъ, по особенному благоволенію бывшаго тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ, не родственника его, а однофамильца, Князя Василья Михайловича Долгорукаго-Крымскаго, онъ былъ причисленъ къ его *штату*, что̀ было важнымъ отличіемъ для молодаго человѣка, только что вступившаго въ службу. Сначала онъ находился при немъ *на безсмѣнныхъ ординарцахъ*. Это было не то, что̀ нынѣ состоять при особыхъ порученіяхъ, но болѣе—состоять при свитѣ вельможи. Потомъ онъ былъ произведенъ въ секретари; а какъ секретарь былъ по штату въ чинѣ поручика, то это производство и доставило ему чинъ поручика.

Отецъ его служилъ въ то время въ Петербургѣ, а мать оставалась со всѣмъ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ молодой Князь Долгорукой продолжалъ обучаться разнымъ приятнымъ искусствамъ, и вообще не те-

рялъ времени. „*Дабы уменьшить*, какъ выражается самъ онъ, *до самой крайней степени праздные часы дня,*" мать желала имѣть его чаще на глазахъ своихъ. Будучи глубоко набожна, она заставляла его читать въ домовой церкви, во время отправляемыхъ у ней разныхъ богослуженій. „Тутъ, говоритъ онъ, кромѣ „неоцѣненной пользы духовной и коренныхъ навы„ковъ наружнаго благочестія, приобрѣлъ я еще и по„знаніе славянскаго языка изъ частаго чтенія церков„ныхъ книгъ." Отъ этаго чтенія, вмѣстѣ съ познаніемъ языка славянскаго, онъ такъ пристрастился вообще къ красотамъ языка отечественнаго, что съ этаго времени началъ постоянно заниматься словесностію; и отсюда, какъ говоритъ онъ, начинается склонность его къ стихотворству и къ упражненіямъ пера.

Князь Долгорукой-Крымской готовилъ его къ себѣ въ адъютанты; но смерть прекратила дни его благодѣтеля, и потому, (1782) недостигши еще 20-лѣтняго возраста, онъ остался безъ службы и безъ должности Тогда отецъ взялъ его въ Петербургъ. Между тѣмъ весь штатъ, состоявшій при главнокомандующемъ, въ уваженіе заслугъ его, получилъ послѣ его кончины чины и другія награды. По этому особому случаю и онъ былъ переведенъ изъ арміи въ гвардейской Семеновской полкъ прапорщикомъ, гдѣ въ Генварѣ 1785 года, по докладу полка, былъ произведенъ въ поручики, и изъ трехъ очистившихся адъютантскихъ вакансій получилъ старшую.

Гвардейская служба, кромѣ многихъ приятностей свѣтскаго общежитія и многихъ приятныхъ и просвѣщенныхъ знакомствъ, сдѣлала его извѣстнымъ Великому Князю Павлу Петровичу: это было въ 1783 году. Зимою у двора Великаго Князя давались обыкновенно два бала въ недѣлю: одинъ по вторникамъ,

въ городѣ; другой по субботамъ, въ его увеселительномъ дворцѣ, на Каменномъ островѣ. — На эти балы, по волѣ Его Высочества, постановлено было правиломъ назначать съ каждаго полка гвардіи по два офицера, по очереди; именамъ ихъ подавалась въ тотъ же день записка самому Великому Князю. Такимъ образомъ досталось ѣхать и Князю Долгорукому. Онъ былъ въ первый разъ на балѣ, бывшемъ въ городѣ, „гдѣ его," говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „такъ „все завеселило, что онъ за верхъ блаженства бы „почелъ и всякой разъ туда ѣздить, даже безъ оче„реди." Но въ послѣдствіи Князь Долгорукой былъ уже принимаемъ и въ приватное общество Государя Наслѣдника. Великой Князь, какъ извѣстно, будучи самъ и просвѣщенъ, и любезенъ, и остроуменъ, цѣнилъ и въ другихъ эти качества; и потому мудрено ли, что скоро ему понравился Князь Долгорукой?—Впрочемъ на все надобенъ случай; вотъ какой случай представился къ этому.

Между знатнѣйшими домами въ Петербургѣ, по рожденію и по богатству, могъ считаться въ это время домъ Принцессы Гольштейнъ-Бекъ. Она была Принцесса крови и имѣла орденъ св. Екатерины, первой степени. Вышедши за мужъ за Князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, но будучи съ нимъ въ разводѣ, она, съ двумя дѣтьми своими, сыномъ и дочерью, жила безвыѣздно въ Петербургѣ; а мужъ ея, въ чинѣ генералъ-поручика, былъ посломъ въ Парижѣ. Она имѣла одиннадцать тысячь душъ; всѣ привыкли звать ее Принцессой, и всякой почиталъ себѣ за особливую честь быть принятымъ въ ея домѣ, потому что, кромѣ своего титла, она была почтенна, любезна, ко всѣмъ привѣтлива, безъ гордости и чванства, обращалась со всѣми равно и была въ то время еще мо-

лода: всѣ эти качества привлекали къ ней всю лучшую молодежь Петербурга. Однако въ обществѣ ея была большая разборчивость; приемъ къ ней былъ аттестатомъ для молодаго человѣка: она строго смотрѣла на поведеніе и свойства, какъ тѣхъ, которые были представляемы въ ея знакомство, такъ и тѣхъ, которые ихъ представляли.

Въ 1786 году, у Принцессы Гольштейнъ-Бекъ былъ благородный спектакль, гдѣ играли французскую комедію: La soirée à la mode. Въ этой комедіи Князь Долгорукой былъ поставленъ придворнымъ актеромъ Офреномъ въ роли пожилаго человѣка, такъ, что его принимали за самаго Офрена. Игравши и прежде много на благородныхъ театрахъ, съ этаго времени и въ этомъ родѣ онъ получилъ славу хорошаго актера. Эта слава, разнесшаяся по Петербургу, побудила предложить ему отъ двора Великаго Князя роль отца въ драмѣ: L'honnête criminel, въ спектаклѣ, который давала Великая Княгиня Марія Ѳедоровна для сюрприза своему супругу. Такъ какъ Князь Долгорукой не принадлежалъ еще тогда къ обществу Великаго Князя, а сюрпризъ требуетъ тайны, то по этой причинѣ онъ ни подъ какимъ предлогомъ не могъ быть ему представленъ. И потому, по приказанію Великой Княгини, во все время репетицій онъ долженъ былъ жить въ Гатчинѣ скрытно. Такимъ образомъ онъ жилъ въ продолженіи двухъ недѣль, таясь отъ всѣхъ, у г-жи Беккендорфъ. которой мужъ, отставной маіоръ, смотрѣлъ за хозяйствомъ Великой Княгини въ Павловскѣ. Днемъ Князь Долгорукой прятался, а вечеромъ его выпускали погулять по саду. По его нетерпѣливости и охотѣ быть въ обществѣ, это время, говоритъ онъ, было ему чрезвычайно скучно, особенно потому, что долженъ былъ выслу-

шивать отъ своей хозяйки одни разсужденія о картофелѣ и о другихъ принадлежностяхъ домашняго хозяйства. Другаго разговора не было; репетиціи же были съ 11 часовъ вечера до двухъ и до трехъ часовъ за полночь. Наконецъ наступилъ день его освобожденія, т. е день спектакля. Въ этомъ спектаклѣ Князь Долгорукой пріобрѣлъ совершенный успѣхъ. Ему хотѣли подарить за это часы; но при этомъ, какъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, его бросило въ жаръ, и онъ отказался отъ подарка. Его ожидала лучшая награда: онъ жилъ въ Гатчинѣ еще три дня, обѣдая и ужиная за столомъ Великаго Князя; и съ того времени утвердилось его личное съ нимъ знакомство.

Къ этой же счастливой эпохѣ его жизни относится первая его женидьба. Кроткая и добродѣтельная Евгенія Сергѣевна Смирнова была многимъ обязана своему несчастію. Отецъ ея былъ казненъ Пугачевымъ. Мать съ четырьмя сыновьями и двумя дочерьми, осталась въ бѣдномъ состояніи, имѣя только 17 душъ, въ Тверской губерніи, въ деревнѣ Подзоловой. Въ одно изъ путешествій Императрицы Екатерины она нашла случай, чрезъ супругу фельдмаршала, Графиню Румянцеву, исходатайствовать соизволеніе Государыни на помѣщеніе дочерей своихъ въ учебныя заведенія. Первая супруга Великаго Князя Павла Петровича, Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, взяла четырехлѣтнюю Евгенію подъ свое покровительство и такъ полюбила ее, что она и жила въ ея комнатахъ. Потомъ, по кончинѣ Великой Княгини, но по ея желанію, она была помѣщена въ Смольный монастырь, гдѣ была особенно замѣчена и отличена между всѣми воспитанницами. При выпускѣ изъ монастыря она получила вензель, и въ послѣдствіи вре-

мени съ такою же любовію была покровительствуема Великою Княгинею Маріею Ѳедоровною, второю супругою Великаго Князя. Князь Долгорукой имѣлъ случай видать ее во дворцѣ у Великой Княгини и играть съ нею въ придворныхъ спектакляхъ: сближеніе усилило первую наклонность, и взаимная любовь была увѣнчана бракомъ; свадьба ихъ была праздновала великолѣпно во дворцѣ Великаго Князя, 31 Генваря 1787 года.

Это было самое веселое время въ жизни Князя Долгорукаго. Читая его записки, удивляешься, какъ тогда жили свѣтскіе молодые люди. Кажется, никакой мысли о заботахъ не входило имъ въ голову. По крайней мѣрѣ для него все это время его жизни было безпрерывнымъ праздникомъ: балы, спектакли, гулянья, маскарады, катанья въ саняхъ, блестящее общество— поглощали все время; некогда было не только задуматься, но даже и одуматься!—Одно прерывало безпрестанное веселье: это временныя заботы и неудачи сердечныхъ склонностей, которыя случались нерѣдко; но то самое, что онѣ случались нерѣдко, доказываетъ, что и онѣ были мимолетны. Слѣдовательно и онѣ, эти тогдашняго времени страданія сердца, были только тѣнью картины, тѣнью, которая нисколько не омрачала жизни, а придавала ей рельефность и перспективу.

Объ этомъ времени, когда онъ часто бывалъ въ обществѣ Великаго Князя и игралъ въ его спектакляхъ, и о самой свадьбѣ упомянуто поэтомъ, по своему, въ стихахъ его, подъ заглавіемъ *Везетъ*.

Везло и мнѣ.....
Везло, когда въ дворянску шайку
Попалъ *театрить* во дворцѣ!...
Съ богатыремъ играли въ свайку, (*)

(*) О комъ здѣсь упоминается—неизвѣстно.

Или въ воланы на крыльцѣ;
Ходилъ за столъ къ его обѣду;
И на вечернюю бесѣду
Никто дверей не затворялъ!
А какъ женился я, то право
Такой былъ балъ, огонь, забава,
Какихъ я вѣчно не давалъ!

Стихотворенія поэта исполнены воспоминаніями о *Евгеніи*. Въ нѣкоторыхъ стихахъ она же названа *Ниною*, по тому случаю, что въ одномъ благородномъ спектаклѣ, бывшемъ на дачѣ у Графа Строганова, она превосходно сыграла роль Нины, въ піесѣ Nina, ou la folle par amour, и что съ того времени получила въ свѣтскомъ обществѣ названіе Княгини Долгорукой—*Нины*. Въ этой роли она была даже изображена во весь ростъ, въ небольшомъ размѣрѣ, на портретѣ, который донынѣ хранится у ея сына, Князя Александра.

Здѣсь я долженъ обратиться назадъ, къ холостымъ годамъ Князя Долгорукаго, и упомянуть, въ какой школѣ, по собственнымъ словамъ его, приобрѣлъ онъ свѣтскость обращенія. Это я почитаю нелишнимъ и потому, что оно показываетъ отчасти образчикъ того времени. Въ домѣ его дяди, Графа Строганова, жила воспитательница его малолѣтной дочери, m-me Villeaux Clercs, умная, живая, смѣтливая и хорошо образованная женщина, лѣтъ сорока отъ роду. Какъ француженка, она собирала у себя кругъ иностранцевъ, и болѣе французовъ. Къ ней съѣзжались всякой день актеры, художники, ученые, и каждый день для нихъ, на дѣтской половинѣ, былъ особенный столъ. „Туда-то", говоритъ Князь Долгорукой (1786), „повадился и я „ѣздить часто. Общество было очень заманчиво, бесѣда „занимательна и шутки остроумны. И въ этомъ-то об- „ществѣ, я могу сказать, что выучился быть свѣтскимъ

„человѣкомъ. Меня осмѣивали, критиковали; я выраба-„тывалъ свои мысли, чувства, выраженія, и признаюсь, „что если я слылъ въ большомъ свѣтѣ любезнымъ, обя-„занъ я этимъ точно попеченіямъ г-жи Ville-aux-Cleres, „которая, полюбя мена, снова воспитала и ознакомила „съ тѣми приемами приятнаго общежитія, безъ кото-„рыхъ молодой человѣкъ можетъ быть многихъ похвалъ „достоинъ по качествамъ своимъ; но приятенъ—никогда! „А кто же не хочетъ нравиться!“—Можетъ быть, нынче улыбнутся этой мысли Князя Долгорукаго; но это было общее понятіе людей лучшаго круга того времени. Нынче иные вѣроятно встрѣтятъ это требованіе любезности насмѣшкой пренебреженія; другіе совсѣмъ не поймутъ, въ чемъ оно состоитъ. Но тогда не было еще того смѣшенія въ обществѣ—людей разнаго воспитанія и тона, которое встрѣчается нынѣ. Оно показалось бы нѣсколько дикимъ. Это понятіе о любезности заключало въ себѣ не *любезничанье*, какъ могли бы подумать теперь иные: нѣтъ! оно имѣло основаніемъ, какъ и свѣтская вѣжливость, то благоволеніе другъ къ другу, которое хотѣло выражать себя и въ наружномъ обращеніи; и потому оно было необходимымъ слѣдствіемъ, признакомъ и требованіемъ хорошаго свѣтскаго воспитанія.

Въ 1788 году, по докладу Семеновскаго полка, 1 Генваря Князь Долгорукой былъ пожалованъ въ капитанъ-поручики. Съ этаго года онъ началъ собирать всѣ свои стихи, которые писалъ съ осмнадцатилѣтняго своего возраста, и съ того же года началъ писать исторію своей жизни, или свои записки; ибо онъ съ первыхъ лѣтъ молодости каждый, сколько нибудь важный для себя случай вносилъ въ записную книжку. Первые напечатанные стихи его вышли въ томъ же году: это стихи *На смерть Горича*. При взятіи Оча-

кова, въ 1787 году, убиты были Князь Волконской и славный казачій наѣздникъ Горичъ. Первому тотчасъ появились стихи; о второмъ всѣ какъ-будто забыли. „Мнѣ стало досадно," говоритъ Князь Долгорукой въ своихъ запискахъ, „что и въ самомъ подвигѣ патріоти„ческой смерти льстецы полагаютъ различіе между Кня„埋земъ и казакомъ, тогда какъ всякой солдатъ, поло„жившій животъ свой за отечество, равно съ вельмо„жей получаетъ право на звучный отголосокъ похва„лы."—И по этому благородному чувству справедливости и патріотизма Князь Долгорукой воспѣлъ Горича. Стихи были написаны тогда же; но напечатаны уже въ 1788 году. „Ученая и духовная цензура," говоритъ онъ, „ихъ пропустили; гражданская же, т. е. „полицейская ихъ задержала. — Для чего? — Не знаю. „Но другой причины не вижу, кромѣ той, что Горичъ „былъ не Князь."—Однако, по многомъ спорѣ, стихи были выпущены, на особыхъ листочкахъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ (*).

Въ этомъ же году, которымъ началось его литературное поприще, перевелъ онъ, или, какъ тогда говорили, переложилъ на русскіе нравы комедію Poinssinet: „La soirée à la mode," въ которой такъ часто игралъ онъ въ благородныхъ спектакляхъ. Я не знаю этаго перевода; но извѣстно, что такія передѣлки состояли обыкновенно въ перемѣнѣ именъ, мѣста дѣйствія и отчасти наружныхъ обычаевъ: все это составляло рѣзкую несообразность съ чужеземными нравами, характерами и положеніями дѣйствующихъ лицъ. Этотъ переводъ былъ однако исправленъ бывшимъ учителемъ

(*) Странно, что въ этихъ стихахъ авторъ говоритъ о Горичѣ: «*я лично зналъ его*;» а въ запискахъ сказано: «*я рѣшился сочинить стихи* въ честь казаку, *мнѣ совсѣмъ неизвѣстному*.»—Послѣ этаго прошу критиковать біографіи, по догадкамъ и своимъ соображеніямъ!

и наставникомъ Князя Долгорукаго въ литературѣ, профессоромъ Чеботаревымъ. Эту піесу рѣшился переводчикъ отдать на театръ. Ее играли 29 Декабря; но неудачно. Напечатать ее также нашлись препятствія. Вмѣсто le faubourg Saint-Germain переводчикъ выставилъ московскую Нѣмецкую слободу; полицеймейстеру, тогдашнему цензору, что-то показалось обиднымъ для ея жителей. Такимъ образомъ этотъ переводъ былъ сыгранъ только три раза, не былъ напечатанъ и наконецъ брошенъ самимъ переводчикомъ. „Туда ему и дорога!“ простодушно говоритъ въ своихъ запискахъ переводчикъ комедіи: „это мнѣ, право, „ни слезки не стоило! Оставалось только пожелать „для россійской литературы цензоровъ, не столько „осторожныхъ!“

При открывшейся въ 1780 году войнѣ съ Швеціею, когда начали отправлять туда гвардейскіе баталіоны, Князь Долгорукой, будучи въ Москвѣ, въ отпуску, написалъ къ полковнику Брюсу о готовности своей возвратиться въ полкъ и идти въ походъ; но на этотъ разъ желаніе его не было исполнено.

Возвратясь въ Петербургъ и явившись въ полкъ —это было уже въ 1789 году,—онъ нашелъ въ казармахъ все въ движеніи и въ сборахъ къ походу. Съ каждаго полка гвардіи велѣно было отправить по два баталіона: одинъ назначался дѣйствовать на сухомъ пути, а другой долженъ былъ отправиться на галерахъ, для десанта. Сухопутными войсками командовалъ Графъ Ив. Петр. Салтыковъ, а галернымъ флотомъ Принцъ Нассау. Князю Долгорукому, какъ младшему изъ капитанъ-поручиковъ, доставалось на галеры; но Графъ Брюсъ не захотѣлъ употреблять въ этомъ походѣ тѣхъ офицеровъ, которымъ онъ особенно доброжела-

тельствовалъ: Князь Долгорукой былъ въ числѣ ихъ, и потому опять не попалъ въ назначеніе.

Между тѣмъ, какъ солдаты назначались на галеры со всѣхъ ротъ, то и ему поручено было выбрать до шестидесяти человѣкъ изъ 8-й роты. Порученіе не важное; но онъ упоминаетъ объ немъ въ своихъ запискахъ, по особенному случаю. „Назначеніе мое, говоритъ онъ, „было самое роковое: всѣ, кого я ни внесъ „въ списокъ, погибли. Лодку, на которую они были „посажены, взорвало на воздухъ, и ни одинъ не „спасся.—И такъ я былъ прикомандированъ къ этой „ротѣ, на нѣсколько часовъ, можно сказать, только для „того, чтобъ выбрать шестдесятъ жертвъ!—Пусть говорятъ послѣ этаго, что нѣтъ судьбы!"

Въ первый день 1790 года, (тогда всѣ производства гвардіи были въ день новаго года), досталось Князю Долгорукому въ капитаны. Только въ этомъ году, 31 Марта, удалось ему отправиться въ походъ, чего онъ столько добивался.—Онъ пробылъ въ сухопутныхъ дѣйствующихъ войскахъ до самаго заключенія мира; но по стеченію обстоятельствъ и по расположенію той части войскъ, въ которой онъ находился, ему не удалось быть ни въ одномъ сраженіи. Скука бездѣйствія и переходовъ была вознаграждена для него самымъ неожиданнымъ образомъ и самою пріятною нечаянностію. Жена его, его обожаемая Евгенія, пріѣхала къ нему въ Финляндію и провела нѣсколько дней съ нимъ вмѣстѣ. Этотъ подвигъ любви супружеской тѣмъ болѣе восхитилъ пылкое и нѣжное сердце молодаго мужа, что по близости непріятельскихъ форпостовъ, пріѣздъ туда былъ не безопасенъ: это все таки была жертва, которая доказывала и любовь жены, и необыкновенную твердость духа молодой женщины.

Въ томъ же году, 3 Августа, въ деревнѣ *Вереле*, или, какъ называли ее русскіе, *Верелла*, былъ заключенъ миръ. По близкому разстоянію отъ столицы, 8 Августа курьеръ привезъ уже изъ Петербурга ратификацію трактата, и съ этаго дня сообщенія между русскими и шведами сдѣлались свободны. Лагери бывшихъ непріятелей стояли на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другаго; офицеры переходили другъ къ другу безпрестанно; и самъ Король, Густавъ III, прискакалъ въ Вереллу. На другой день баронъ Игельстромъ, заключившій съ нашей стороны трактатъ о мирѣ, былъ у Короля, въ сопровожденіи большой свиты, въ которой находился и Князь Долгорукой. На пути къ лагерю, въ томъ самомъ шатрѣ, въ которомъ былъ подписанъ трактатъ, данъ былъ Игельстромомъ завтракъ шведскимъ офицерамъ. По прибытіи же въ шведской лагерь вся свита введена была въ королевскую палатку, гдѣ русскіе офицеры, въ числѣ ихъ и Князь Долгорукой, были представлены Королю, который принималъ всѣхъ съ большою благосклонностію. „Улыбка", замѣчаетъ авторъ записокъ, „съ лица его не сходила." Потомъ былъ обѣдъ. Генералы и полковники обѣдали съ Королемъ; прочіе за столомъ гофмаршала. „Нѣко-„торые офицеры гвардіи", говоритъ Князь Долгорукой, „немножко-было поспорили на этотъ счетъ; но Игель-„стромъ насупилъ брови, слова два-три произнесъ весь-„ма увѣсистыхъ, и фанфароновъ урезонилъ."—Послѣ обѣда Князь Долгорукой былъ свидѣтелемъ *блистательной церемоніи* размѣна ратификацій. Въ слѣдующій день всѣ были опять у Короля, который, при звукѣ барабановъ и музыки, проѣхавши съ русскими свои войска, стоявшія въ парадѣ, пригласилъ всѣхъ нашихъ присутствовать при торжественномъ молебствіи, во время котораго, по временамъ, молился, стоя на колѣ-

нихъ; потомъ говорилъ рѣчь къ своимъ войскамъ, провозглашалъ новые чины и надѣвалъ знаки отличія съ присягою подъ знаменами, между которыми съ удивленіемъ видѣлъ на нѣкоторыхъ Князь Долгорукой поношенные лоскутья съ вензелемъ еще Густава Вазы. На возвратномъ пути къ своей ставкѣ, Король провелъ всѣхъ русскихъ мимо своей артиллеріи; потомъ въ 5 часовъ опять угостилъ ихъ; а на вечеръ всѣ русскіе приглашены были снова въ шведской лагерь на иллюминацію и ужинъ и были опять въ палаткѣ Короля, который, обходя всѣхъ, остановился передъ Княземъ Долгорукимъ и сдѣлалъ ему пять-шесть вопросовъ.

Такимъ образомъ Князю Долгорукому не удалось участвовать въ опасностяхъ войны; но удалось видѣть блистательное ея заключеніе, чѣмъ и кончилось его военное поприще, къ которому впрочемъ онъ, кажется, не чувствовалъ большой склонности. Вѣроятно, болѣе молодость, требующая дѣятельности, и чувство чести, а не наклонность, заставляли его такъ настойчиво два раза проситься на мѣсто военныхъ дѣйствій. Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ въ одномъ изъ самыхъ оригинальныхъ своихъ стихотвореній; а его стихи можно приводить въ доказательство: ибо въ нихъ изображаетъ онъ себя во всей истинѣ.

Въ герои не влечетъ меня мой тихой шагъ;
По склонности ушелъ отъ рыцарскихъ отвагъ;
Не зная лучше что изъ этихъ двухъ игрушекъ—
Пырнуть ножемъ въ углу, иль дать туза изъ пушекъ;
По логикѣ моей давно я разсудилъ,
Что такъ ли, или сякъ, да плохо какъ убилъ.

И такъ, въ слѣдующемъ году (1791), будучи 26 лѣтъ отъ роду, онъ вышелъ въ отставку, уволенный съ

чиномъ бригадира, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

„Въ наружныхъ преимуществахъ, говоритъ онъ, „какимъ бы званіемъ ихъ ни окрестили, нѣтъ ни че„сти, ни славы.“—Чинъ бригадира въ столь молодыя лѣта былъ конечно важнымъ отличіемъ; но бездѣйственность отставки и московской жизни вскорѣ наскучила молодому человѣку. Правда, онъ все утро проводилъ съ перомъ въ рукахъ въ своемъ кабинетѣ; но послѣ петербургской, какъ мы видѣли, блестящей жизни новый образъ жизни, совершенно домашней, конечно не могъ удовлетворить его. — Онъ обѣдалъ ежедневно дома; рѣдко въ гостяхъ; и весь день до вечера, какъ добрый сынъ, проводилъ съ отцомъ и съ матерью. Между тѣмъ жена его, не привыкшая къ Москвѣ, стала тужить о разлукѣ съ Петербургомъ; отецъ былъ тоже замѣтно грустенъ, что сынъ его ничего не дѣлаетъ, ничѣмъ не занятъ. Ему хотѣлось поскорѣе доставить молодому человѣку мѣсто въ гражданской службѣ и занять его полезными трудами.

Приступъ его къ гражданской службы, по собственному его выраженію, былъ тяжелъ. Онъ начался неудачею. Тогдашній главнокомандующій Москвы, Князь Прозоровской представилъ его на открывшуюся ваканцію предсѣдателя верхняго земскаго суда; но Государыня, какъ отвѣчали главнокомандующему изъ Петербурга, изволила назначить на это мѣсто другаго. Однако, какъ нѣтъ худа безъ добра, то и его неудача обратилась къ его же счастію.

Разсуждая однажды съ отцомъ объ этой неудачѣ и о своей праздной жизни, Князь Долгорукой замѣтилъ изъ словъ отца, что ему хотѣлось, чтобы сынъ ѣхалъ въ Петербургъ добиваться мѣста.—„Легко ска-

„зать, говоритъ онъ: но тяжело исполнить! Доѣхать „туда, жить тамъ, и воротиться ни съ чѣмъ!... *Убы-„токъ вѣрный!*“ — Грустно читать это въ подлинныхъ запискахъ Князя Долгорукаго, потомка богачей, потомка всевластныхъ вельможъ и любимцевъ царскихъ!—Да, недостаточность состоянія препятствуетъ не только къ исполненію многаго; но и къ попыткамъ! — Коротки средства! — Инаго неудача только оставляетъ на томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи; другаго отодвигаетъ назадъ: рискъ не одинаковъ! — Богатство, конечно, не даетъ счастія: „и при золотѣ слезы текутъ,“ говоритъ пословица; но оно углаживаетъ дорогу, отстраняетъ мелочныя препятствія жизни!

Въ этомъ раздумьѣ Князь Долгорукой рѣшился на самый отважный поступокъ; однако не иначе, какъ съ разрѣшенія родителя, безъ совѣта и благословенія котораго не предпринималъ ничего. Онъ адресовалъ на имя Императрицы, въ собственныя ея руки, письмо, въ которомъ, изъявляя желаніе трудиться и быть полезнымъ, просилъ объ опредѣленіи его къ должности. „Сіе письмо,“ говоритъ онъ, „я долженъ почи-„тать однимъ изъ счастливѣйшихъ произведеній моего „пера; ибо премилосердая Императрица, получа его, „въ тотъ же день (19 Сент. 1791) Высочайше указать „соизволила опредѣлить меня вице-губернаторомъ въ „Пензу.“—Случилось такъ, что въ это же утро докладывали Государынѣ просьбу пензенскаго вице-губернатора Копьева объ увольненіи его отъ должности; прочтя письмо Князя Долгорукаго, Государыня тутъ же и приказала помѣстить его на открывшуюся вакансію.—„Охотниковъ на нее, говоритъ Князь Долгорукой, „было много; но какъ между ваканціей и ея замѣще-„ніемъ прошло можетъ быть четверть часа, то всѣ эти „ходатаи и не успѣли спохватиться!....“

До полученія указа, когда не было еще обязанности прямо явиться къ дожности, Князь Долгорукой вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, „дабы," говоритъ онъ, „пасть къ ногамъ Екатерины, воздать ей должную благодарность *жертвою колѣнопреклоненной*; а „потомъ объѣздить всѣхъ бояръ, ознакомиться со всѣ„ми новыми моими властями и нижайше благодарить „*всякаго изъ нихъ, кому угодно будетъ похвастаться* „*въ вспомоществованіи мнѣ въ полученіи мѣста*. Все „это есть дань необходимая свѣту; но въ совѣсти мо„ей я увѣренъ былъ, что одинъ Богъ устроилъ такимъ „образомъ мой жребій. Его единаго ищу я въ радости „и печали, на него крѣпко надѣюсь, и отъ него „только, яко отъ источника всѣхъ благъ, жду мира, „тишины и благоденствія нынѣ и вовѣки!"—Драгоцѣнныя строки, въ которыхъ, за иронiей поэта, такъ непосредственно и такъ естественно слѣдуютъ чувства человѣка, вѣрующаго и вполнѣ преданнаго провидѣнію!

Въ половинѣ Ноября отправился онъ въ Пензу, куда прибылъ 3 Декабря вечеромъ и остановился въ домѣ Чемезова. (Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ для того, что многіе изъ семейства Князя Долгорукаго и его знакомыхъ еще живы: для нихъ все это напоминаетъ прежнія знакомства и связи, которыя ведутъ къ другимъ воспоминаніямъ, и потому, надѣюсь, мнѣ извинятъ это посторонніе читатели) Жизнь въ Пензѣ, кажется, не представляла ему другихъ удовольствій, кромѣ тѣхъ, которыя общи всѣмъ городамъ Россіи, и которыя, послѣ блестящей петербургской жизни, не могли вполнѣ удовлетворить его наклонности къ свѣтской разсѣянности и быть для него особенно привлекательны. За то Князь Долгорукой, чувствуя важность своего мѣста, со всею горячностію

молодости принялся за исполненіе новыхъ своихъ обязанностей. Онъ вникалъ во всѣ подробности сборовъ, рекрутскихъ раскладокъ, оброчныхъ статей и другихъ многочисленныхъ предметовъ своей должности. Но эта точность и требовательность не всегда нравятся старымъ сослуживцамъ молодаго ревнителя порядка: рутина, старая привычка не любятъ, чтобъ ихъ безпокоили. Онъ встрѣтилъ много противорѣчій. Къ этому присоединились интриги и непріятныя столкновенія, неразлучныя съ тѣсными отношеніями провинціальнаго города. Князь Долгорукой, кажется, вообще чувствовалъ тамъ себя не въ своей привычной сферѣ. Умные люди есть вездѣ; но въ сторонѣ незнакомой онъ живо чувствовалъ отсутствіе людей, къ которымъ привыкъ, и того круга, который сдѣлался для него необходимымъ.

Между немногими, которые были тамъ къ нему близки, особенно одно семейство вознаграждало для него отсутствіе прежняго. Это было — семейство Загоскиныхъ, отца и матери извѣстнаго въ послѣдствіи автора романовъ, Михайла Николаевича. Здѣсь отдыхало его сердце; у нихъ онъ былъ, какъ между своими. Особенно къ хозяйкѣ дома чувствовалъ онъ влеченіе дружбы и уваженія, и до конца своей жизни сохранилъ объ ней самую нѣжную память. Тамъ узналъ онъ Михайла Николаевича, бывшаго еще ребенкомъ, и потому всегда особенно любилъ его, соединяя мысль объ немъ съ воспоминаніемъ всего ихъ семейства, особенно его матери; поэтому, даже и въ зрѣломъ возрастѣ Загоскина, онъ обращался и шутилъ иногда съ нимъ, какъ съ ребенкомъ.

Въ числѣ особенно пріятныхъ дней, встрѣченныхъ имъ въ Пензѣ, былъ для него пріѣздъ туда (въ 1793 году) академика Палласа. Ученый путешествен-

никъ ѣхалъ въ Астрахань, и захватилъ на своемъ пути Пензу и Саратовъ. Онъ имѣлъ къ Князю Долгорукому рекомендательныя письма; но былъ и прежде знакомъ ему. „Свиданіе съ нимъ, говоритъ Князь Долгорукой, было еще приятнѣе тутъ, нежели въ другомъ мѣстѣ; ибо, „живучи внѣ своей родины, обрадуешься и самому равнодушному знакомцу, который подъ однимъ съ тобою „небомъ жилъ прежде. Съ нимъ же сопутствовали „жена его, женщина любезная, и дочь, дѣвица милая, „которая къ пригожеству лица присоединяла приятные „таланты и играла на арфѣ." — Эти самыя строки доказываютъ, какъ дѣйствовало на него и сколько было ему необходимо, какъ жизненная стихія, все, украшающее жизнь приятными впечатлѣніями. Скажутъ: кто же ихъ не любитъ?—Такъ! но не для всякаго они составляютъ необходимыя условія жизни!—Онъ былъ именно человѣкъ впечатлѣній!—Какъ малѣйшее соприкосновеніе приятныхъ обстоятельствъ, малѣйшій приятный случай, въ мигъ размягчали его сердце, погружали его почти въ блаженство и навсегда оставались у него въ благодарной памяти; такъ и огорченія поражали его сильнѣе, чѣмъ другаго, въ одинъ мигъ погружали его въ какую-то бездну и не давали мѣста ни терпѣнію, ни утѣшеніямъ холоднаго разсудка. Судьба не берегла его; но надобно сказать, что люди подобныхъ свойствъ и сами не берегутъ себя.

Благородныя занятія литературою не только не были имъ забыты при новыхъ трудахъ по должности; но напротивъ, какъ противоположность сухимъ занятіямъ служебнымъ, какъ отдыхъ, сдѣлались для поэта необходимѣе. Со времени жизни его въ Пензѣ можно считать наибольшую его извѣстность. Къ поэзіи, къ самозабвенію, доставляемому этою успокоительницею сердца, прибѣгалъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ и

счастія, и неудачи; ей же началъ онъ ввѣрять тѣ сильныя черты негодованія, которыя такъ часто встрѣчаются въ его стихотвореніяхъ. Вотъ что̀ говоритъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „Я стихотворство почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ; способомъ наиприятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда досады и злоключеніе изъ минутъ „дѣлаютъ намъ годы.“ — Не станемъ искать въ этихъ словахъ опредѣленія поэзіи, какъ искусства; въ нихъ выражается только благотворное дѣйствіе ея на поэта, какъ человѣка, и съ ними согласится всякой, испытавшій самъ это состояніе.

Одно изъ первыхъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ Пензѣ (1793), было посланіе *Къ швейцару*, обратившее на себя въ Москвѣ большое вниманіе оригинальностію своего содержанія, хотя иные видѣли въ немъ хвастовство молодаго вице-губернатора, желающаго выставить свою правдивость и доступность; другіе находили откровенность, неприличную его званію. — Теперь мы можемъ судить объ этомъ вѣрнѣе современниковъ поэта. Эти приличія свѣта и званія, въ произведеніяхъ поэзіи, лишили насъ, можетъ быть, многихъ произведеній, въ которыхъ отразился бы человѣкъ во всей истинѣ; приличіе вкуса — одно, которое безусловно требуется отъ поэта. Князь Долгорукой, какъ и Державинъ, не всегда были вѣрными послѣднему; но за то не сковывали себя условными приличіями общества. Они оба сходны въ томъ, что выразили въ поэзіи самихъ себя, пренебрегая тою условною поэзіею, которая въ ихъ время налагала на многое свои оковы. Посланіе *Къ швейцару* извѣстно. Оно начинается такимъ простымъ и необыкновеннымъ въ то время воззваніемъ, которое врѣзывается въ памяти:

Андрюшка! кинь топоръ! я въ знать тебя пустилъ,
Изъ русскихъ мужиковъ швейцаромъ окрестилъ!
Живи подлѣ сѣней, опрятно одѣвайся,
Носи большую трость и шпагой величайся!
Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ;
И здѣсь вѣдь ужь большой открылся нынѣ свѣтъ!

Князь Долгорукой любилъ общество, любилъ веселости; но общество большаго свѣта, но веселости свѣтскаго круга. Въ противоположность этому, онъ любилъ и толкаться въ народѣ; но провинціализмъ всегда возбуждалъ въ немъ скуку и отвращеніе. Къ нему никогда онъ не могъ привыкнуть, особливо, если видѣлъ съ одной стороны гордость, съ другой угодливость и низпоклонничество. Въ кругу высшемъ все это прикрывается по крайней мѣрѣ приличными формами.— Тогда въ Пензенской губерніи, въ своемъ богатомъ помѣстьѣ, жилъ одинъ вельможа въ отставкѣ; содержа откупа и потому имѣя нужду во всѣхъ должностныхъ лицахъ губерніи, особенно въ вице-губернаторѣ, онъ давалъ имъ въ своей деревнѣ жирные обѣды и великолѣпные праздники, на которые не только усердно приглашалъ ихъ, но ухаживалъ за ними, угождалъ имъ, и даже нѣкоторымъ дѣлалъ подарки. Князь Долгорукой не могъ видѣть этаго безъ отвращенія, и упомянулъ о немъ въ стихотвореніи *Къ швейцару*:

Случалось мнѣ видать — и право я не лгу —
Какъ знатный господинъ, согнувшись весь въ дугу,
Зывалъ къ себѣ въ село судей уѣздныхъ кушать.
По нуждѣ, хоть не радъ, готовъ ихъ вздору слушать;
Вина имъ рѣки льетъ, подноситъ тьму плодовъ,
И смучилъ цѣлый полкъ французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ свое съ доводами толкуетъ,
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ!
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:

„Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ!"
. . . .
А тотъ же господинъ, я самъ видалъ нерѣдко,
За тридевять земель такъ подчиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за то, чѣмъ ихъ язвитъ,
Съ поклоновъ и теперь еще спина болитъ!

Поэтъ правъ, описавши его такъ нельстиво въ стихахъ своихъ. Онъ какъ будто угадалъ мысль позднѣйшаго французскаго поэта, Альфреда Мюссе:

Qui peut lécher peut mordre, et qui peut embrasser—
Peut étouffer!

Этотъ вельможа въ послѣдствіи времени, при вступленіи на престолъ Императора Павла, получилъ важную должность, а потомъ, въ 1807 году, сдѣлался начальникомъ Князя Долгорукаго и поступалъ съ нимъ совершенно уже не съ тою привѣтливостію, какъ въ Пензѣ, когда самъ имѣлъ въ немъ нужду.

Князь Долгорукой не только пренебрегалъ, такъ названною мною, условною поэзіею своего времени; онъ былъ въ своихъ стихахъ даже какъ то странно откровененъ, ввѣряя имъ всѣ движенія, проходившія черезъ его душу, и дѣлая изъ нихъ, такъ сказать, лѣтопись внутреннихъ своихъ ощущеній. Такъ изъ посланія *Къ Людмилѣ*, написаннаго имъ тоже въ Пензѣ (1794), видно, что, не смотря на счастливое супружество, сердце поэта зашевелилось другою склонностію:

Женидьбы по любви вкушая плодъ семь лѣтъ,
Съ женою на печи забылъ я цѣлый свѣтъ;
Какъ дома рай сыскать я твердо научился;
Подмигивать отвыкъ, отъ женщинъ удалился;
Казалось, пересталъ отъ нихъ съ ума сходить!
Но, знать, мнѣ на роду написано такъ жить,
Чтобъ личикомъ вездѣ пригожимъ воспламеняться

И слабо отъ любви разсудкомъ защищаться!
. . . .
. . . .
Посмотришь съ стороны — сентенціи прекрасны,
И логикѣ прямой всѣ кажутся подвластны;
Но дерни струнку тамъ, гдѣ сердце защемитъ
Кто сколько ни уменъ, а всякой дребезжитъ!

Здѣсь же, въ 1795 году, написалъ онъ философическую оду: *Каминъ*, которая приобрѣла ему въ свое время великую извѣстность. Я, біографъ поэта, еще помню оттолосокъ этой славы, хотя стихотвореніе это написано за годъ до моего рожденія. — Я не стану разсматривать право на эту славу; скажу только, что многое оправдывается своимъ временемъ. Въ первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, только для знакомыхъ автора; но распространившаяся извѣстность этихъ стиховъ побудила его напечатать ихъ вторично, съ французскимъ переводомъ d'Aviat, которымъ однако поэтъ былъ недоволенъ. Однимъ словомъ, это стихотвореніе, наполненное унылой, но утѣшительной философіи, получило такую далекую извѣстность, что знаменитый Делиль, по одной наслышкѣ объ немъ, просилъ французскаго его перевода у знакомыхъ автора, бывшихъ въ Парижѣ.

Я сказалъ уже, что Князь Долгорукой чреавычайно живо сохранялъ впечатлѣнія. Они оставались у него навсегда въ памяти, какъ у другаго происшествія. И потому онъ оставилъ намъ всю обстановку, всѣ впечатлѣнія, при которыхъ рождалась эта піэса. — Это было въ Октябрѣ; день былъ сырой и мрачный; въ кабинетѣ ихъ было только двое: жена его сидѣла за пяльцами; онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и подкладывалъ дрова въ каминъ; все влекло его

къ задумчивости, а мысли и чувства развивались, складывались въ стихи сами собою, и тутъ же ложились на бумагу. Одинъ только предметъ мѣшалъ полной, сладкой задумчивости поэта: противъ самыхъ его оконъ былъ домъ прокурора Ступишина. «Я не могъ «равнодушно смотрѣть, говоритъ Князь Долгорукой, «на жилище моего врага; мнѣ все казалось, что онъ «занимается крамольными противъ меня предложеніями, «въ то время, какъ стихи мои, по волѣ пылкаго вооб«раженія, ложились плавно на бумагу одинъ возлѣ дру«гаго.» — Но такъ называемые практическіе люди не понимаютъ, до какой степени они оскорбляютъ душу поэта, идущаго путемъ правды, просто, прямо, безъ оглядокъ; душу, страждущую отъ одного дуновенія навѣта и ябеды! — Имъ какая нужда! Они не понимаютъ, что тутъ важны не стихи, которымъ они помѣшаютъ, какъ игрушкѣ: важно то, что они возмущаютъ тишину души, разрушаютъ до основанія тотъ свѣтлый міръ, въ которомъ она блаженствуетъ, чуждая на эту минуту и грѣшной земли, и ихъ происковъ; важно, наконецъ, то, что они убиваютъ духъ, который тотъ же и въ минуты вдохновенія поэзіи, и въ минуты стремленія къ добру, правдѣ и долгу!

Въ этомъ же году написано имъ посланіе *Къ судьбѣ*, гдѣ онъ, пробѣгая разныя перемѣны судьбы съ великими и малыми лицами, и съ самыми народами, дѣлаетъ ей упреки въ перемѣнахъ своей жизни; между прочимъ упоминаетъ и о вечерахъ Великаго Князя, на которые онъ такъ часто бывалъ приглашаемъ на Каменный островъ, во время своей гвардейской службы и петербургской жизни:

Бывало, какъ зимы дни мрачны наступаютъ,
Во всѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ!

Не рѣдко скороходъ на островъ звать ѣзжалъ!
А нынче такъ и въ клубъ съ подпиской не пускаютъ!

Послѣдній стихъ относится къ одному смѣшному случаю, по проискамъ противъ него, которые нерѣдки въ провинціяхъ. Образецъ подобныхъ происковъ представленъ имъ въ послѣдствіи (1816) въ комедіи *Дурылом*ъ. Здѣсь онъ удовольствовался однимъ стихомъ, который въ свое время вѣрно много смѣшилъ и былъ памятенъ многимъ.

Съ самой юности любилъ Князь Долгорукой утромъ, въ свободные часы дня, заниматься въ кабинетѣ, обѣдать дома, а вечеръ посвящать обществу. Такъ онъ жилъ и въ Пензѣ. Говоря о томъ, что будучи вицегубернаторомъ, онъ любилъ забавляться по вечерамъ разными общественными играми, онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что его за это осуждали, и прибавляетъ по этому случаю «Вездѣ выказывать свой чинъ, «по моему, есть самое низкое свойство. Я любилъ въ «своемъ мѣстѣ быть настоящимъ предсѣдателемъ, а до«ма, или въ гостяхъ, человѣкомъ лѣтъ въ тридцать, «рѣзвымъ и веселымъ. Что за польза Государю и оте«честву въ принужденной измѣнѣ нашихъ нравовъ, «когда они въ настоящемъ своемъ видѣ не ведутъ къ «худому?»—Вездѣ, при всякомъ новомъ, несчастномъ, или неприятномъ приключеніи, говоритъ онъ, надобно ему было разсѣяніе; ибо сердце его, довольно мужественное, бѣды переносить имѣло силы; но воображеніе, столь пламенно и живо въ немъ дѣйствовавшее, подвергало его частымъ умственнымъ болѣзнямъ, которыя могли сдѣлаться для него опасными. Чтò онъ разумѣлъ подъ этими умственными болѣзнями, разрѣшить трудно: вѣроятно, сильное уныніе, близкое къ отчаянію.

Подъ конецъ своей службы въ Пензѣ, онъ испыталъ

многія неприятности и неудачи. Къ нимъ должно присоединить еще тревогу, хоть и временной, но пылкой склонности, которая (конечно, не безъ его вины) привела его къ большимъ неприятностямъ и подала врагамъ его, въ слѣдствіе явной ссоры, вѣрное орудіе мести, противъ котораго не было уже защиты.

О неприятностяхъ, испытанныхъ имъ въ послѣднее время жизни своей въ Пензѣ, онъ оставилъ намъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Пусть судитъ меня мое по«томство. Когда дѣла мои въ этой исторіи (т. е. въ «запискахъ о его жизни) будутъ на его судищѣ, тогда «уже меня на этомъ свѣтѣ не будетъ; тогда немздо«пріимный судія живыхъ и мертвыхъ положитъ на вѣсы «и горести мои и преступленія. *Онъ язвы сердца моего «уврачуетъ и грѣхъ юности моей, конечно, не помя«нетъ.* А вы, о судіи міра! соблазняйтесь наружными «видами! Такова на свѣтѣ участь смертныхъ! Ошибки «и бѣды — вотъ вся основа нашей жизни!»

Говоря же о службѣ своей въ Пензѣ, вотъ что онъ пишетъ: «Тогда еще я любилъ службу страстно! «Въ восхищеніи юнаго человѣка, который на все смот«ритъ съ желаніемъ образовать свѣтъ и сдѣлать луч«шимъ, я писалъ не приказнымъ словомъ, а вдохновен«нымъ самою природою; то есть: какъ я думалъ и «чувствовалъ.»—Предоставляю судить знатокамъ, приличенъ ли этотъ слогъ, такъ называемой, дѣловой литературѣ, также и о возможности писать на службѣ то, что̀ думаешь и чувствуешь, но я не могъ пропустить этой черты прямаго образа мыслей и открытаго нрава, которыми всегда отличался Князь Долгорукой, и въ жизни, и въ стихахъ, и въ службѣ.

Изъ служебной жизни Князя Долгорукаго, какъ въ Пензѣ, такъ и въ послѣдствіи, можно вывести такое заключеніе: что въ службѣ нужны—не столько умъ,

сколько характеръ; не ревность, а разсудительная холодность; не прямота, а осторожность и искусство пользоваться случаями. У Князя И. М. Долгорукаго ничего этаго не было! Будь онъ, какъ человѣкъ, хотя съ тѣми же страстями; но умѣй только различать въ себѣ, какъ сказалъ баснописецъ: „двухъ человѣкъ въ одномъ: параднаго съ приватнымъ,“—онъ сидѣлъ бы спокойно на своемъ мѣстѣ, и сидѣлъ бы долго.„..

Въ Пензѣ прослужилъ Князь Долгорукой до самой кончины Императрицы Екатерины, которая не любила разрѣшать узлы правосудія, какъ Александръ Македонскій гордіевъ узелъ.—При восшествіи на престолъ Государя Императора Павла I онъ былъ „отставленъ отъ дѣлъ,“ и переѣхалъ опять на житье въ Москву, къ своему отцу.—Вмѣстѣ съ лишеніемъ мѣста, само собою разумѣется, лишился онъ и жалованья, и средствъ къ жизни: надобно было служить. Самъ Князь Долгорукой не хлопоталъ объ этомъ,—жилъ въ своемъ кабинетѣ; но уединеніе дѣйствовало на него неблагоприятно: оно производило въ немъ уныніе; ему нужна была дѣятельность. Жена его, хотя и не слыхала отъ него о дѣйствіи на него внезапной перемѣны жизни и особенно невольнаго и непривычнаго отшельничества; но зная хорошо его характеръ, угадывала состояніе души его и рѣшилась стараться сама достать ему мѣсто.

Съ этой цѣлью отправилась она въ Петербургъ, гдѣ ее еще помнили, гдѣ она сохранила еще нѣкоторыя связи.

На пути туда, заѣзжала она къ своей матери, въ ея тверскую деревеньку *Подголово*. Не упуская ничего, что̀ можетъ выставить во всей красотѣ душу Княгини Евгеніи, я не могу не упомянуть здѣсь о ея любви и уваженіи къ матери, старушкѣ простой и безъ всякаго воспитанія. «Она, говоритъ Князь Долгорукой,

«была женщина съ природнымъ разсудкомъ; но выросла «и состарѣлась въ крайнемъ невѣжествѣ: не училась «грамотѣ, не знала счета. Все сіе не освобождало до«чери отъ внутренняго къ ней почтенія, и она всегда «вездѣ волѣ ея повиновалась. Рѣдко писывала къ ней, «но помнила ее повсюду, дѣлилась съ ней избытками «своими и не стыдилась деревенскаго ея обращенія». Въ это свиданіе съ матерью, когда она заѣхала къ ней, ѣдучи въ Петербургъ, чтобъ возбудить къ мужу милосердіе Павла, мать дала ей на дорогу ржаной сухарь съ солью. Этотъ кусокъ хлѣба сохранила она до кончины своей, какъ святыню. Она завернула его въ бумагу и надписала: *Благословеніе матери моей, въ проѣздъ мой черезъ Подзолово, когда ѣхала въ Питеръ просить о принятіи опять моего мужа въ службу.* Этотъ черствый кусокъ хлѣба найденъ былъ, по ея смерти, сохранившимся между ея вещами.

Много надобно было преодолѣть ей затрудненій въ Петербургѣ; но наконецъ ея исканія получили успѣхъ, «хотя несовершенный, говоритъ Князь Долгору«кой, но по тогдашнему нашему положенію весьма «важный.»—Онъ былъ взятъ опять въ службу и опредѣленъ тѣмъ же чиномъ (1797) въ Петербургъ, въ Каммеръ-коллегію, на вновь учрежденное мѣсто *присутствующаго*, который считался выше совѣтниковъ. Но не успѣлъ еще онъ явиться къ своему мѣсту, не успѣлъ даже отъѣхать далеко отъ Москвы, какъ получилъ въ Клину письмо отъ жены и копію съ указа о пожалованіи его въ дѣйствительные статскіе совѣтники и перемѣщеніи въ Главную соляную контору, находившуюся въ Москвѣ; при чемъ дано ему было 1875 рублей жалованья. При тогдашнемъ курсѣ денегъ, когда серебряный рубль равнялся еще ассигнаціонному, и при тогдашней дешевизнѣ товаровъ и всѣхъ жизненныхъ потреб-

лостей, это было не маловажнымъ окладомъ. Но въ слѣдъ же за этими милостями получилъ онъ отъ генералъ-прокурора Князя Куракина письмо, которымъ онъ, по именному повелѣнію, дѣлалъ ему выговоръ за его худое обращеніе съ своею женою. Такъ все скоро слѣдовало одно за другимъ въ это время. Выговоръ послѣдовалъ по докладу прежняго его дѣла, по пензенской ссорѣ, за которое онъ былъ уже отставленъ отъ дѣлъ и тѣмъ самымъ получилъ уже возмездіе.

Въ Москвѣ, на своей родинѣ, было бы очень приятно Князю Долгорукому продолжать свою службу, пользуясь въ то же время всѣми приятностями знакомства и свѣтскаго общества, еслибъ, по отношеніямъ служебнымъ, не мѣшали этому нѣкоторыя несогласія съ главнымъ директоромъ конторы, Мясоѣдовымъ, который очевидно не благоволилъ къ нему. Но удовольствія свѣта и занятія литературою вознаграждали его за мелкія неприятности. Вообще онъ былъ спокойнѣе и довольнѣе, чѣмъ въ Пензѣ.

Здѣсь, въ 1798 году, написана имъ комедія *Отчаяніе безъ печали* и опера *Любовное волшебство.* — Первая сочинена имъ по слѣдующему обстоятельству. Князь Долгорукой долженъ былъ играть, въ домѣ Волконскихъ, въ благородномъ спектаклѣ, роль въ комедіи Le philosophe marié. —„Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, нѣсколько смертей останавливали насъ почти за кулисами.“—Въ самый день спектакля онъ былъ отмѣненъ по случаю смерти Князя Друцкаго, родственника хозяину, которому онъ не былъ близкимъ и не былъ съ нимъ въ прямыхъ родственныхъ отношеніяхъ. Авторъ видѣлъ въ этомъ одну жертву приличіямъ, безъ участія сердца. „Обрядъ требовалъ, говоритъ онъ, наружности печальной.“ — Этотъ самый случай былъ поводомъ къ комедіи *Отчаяніе безъ печали.* — Но такой же случай

помѣшалъ представить и ее.—Въ слѣдующемъ году (1799), когда долго ожидаемый спектакль Волконскихъ состоялся, Князю Долгорукому хотѣлось, чтобъ сыграли и его комедію; „но опять-таки, по словамъ автора, обрядъ помѣшалъ сыграть ее.“ — Наконецъ, въ 1808 году, во Владимірѣ, она была сыграна дѣтьми автора. „Нынѣ,“ говоритъ онъ по этому случаю, въ первый и „послѣдній разъ видѣлъ я ее на театрѣ моемъ.“

Возвращаюсь по порядку къ моему повѣствованію.—Судя по стихамъ Князя Долгорукаго, писаннымъ въ 1798 году, онъ въ это время былъ неравнодушенъ къ Княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Волконской. Ихъ всѣхъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и потому объ этомъ говорить можно. Она-то была воспѣта имъ въ двухъ стихотвореніяхъ подъ именемъ *Глафиры*. Ей же, черезъ нѣсколько лѣтъ, посвятилъ онъ и третье стихотвореніе, подъ тѣмъ же именемъ, наполненное уже упрековъ мнѣнію свѣта, не различающему пламенной дружбы отъ любви.—Эти посланія *Къ Глафирѣ*, какъ и многіе изъ его стиховъ, писанныхъ къ женщинамъ, не прибавляя ничего къ славѣ поэта, заслуживаютъ быть упомянутыми по тому только, что указываютъ на слѣды его жизни; но въ то время читали ихъ много. Впрочемъ, и въ нихъ встрѣчаются иногда стихи замѣчательные, напримѣръ слѣдующіе:

Бывало, чуть при ней о чемъ нибудь сгрустнулось,
Какъ паръ съ стекла сойдетъ, лишь только-бъ улыбнулась!

Вообще стихи его, даже и посредственные, замѣчательны тѣмъ, что они, какъ зеркало, иногда тусклое, но всегда вѣрное, изображаютъ всѣ перемѣны души его.

Къ ней же написаны имъ въ то время еще нѣсколько другихъ стиховъ, исполненныхъ уже чувства

нѣжной и спокойной дружбы. Изъ нихъ стихи *На именины*, отличающіеся легкостію стиха, не всегда удававшеюся Князю Долгорукому, повторялись тогда всѣми и у всѣхъ были въ памяти. Вотъ ихъ начало:

Дай богъ, Княжна, чтобъ ты отнынѣ
Счастливо дни свои вела
И въ лучшей смертнаго судьбинѣ
По волѣ сердца бы жила!..
Съ утра до вечера смѣялась
Сегодня, завтра, всякой день,
И скуки мрачной не касалась
Тебя ниже малѣйша тѣнь!

Въ это время онъ писалъ много стиховъ къ женщинамъ; между прочимъ, къ Княжнѣ В. Н. Долгорукой, къ Княгинѣ Варварѣ Александровнѣ Трубецкой, къ которой относятся также стансы: *Споръ о лунѣ*, бывшіе тогда въ большой славѣ; съ послѣдней онъ имѣлъ даже переписку въ стихахъ, напечатанную въ его сочиненіяхъ. Всѣ эти стихи къ прекрасному полу увѣнчалъ поэтъ двумя лирическими піесами: одна подъ названіемъ *Досада*, гдѣ изображена холодность и легковѣрность женщинъ; другая подъ названіемъ *За женщинъ*, въ которой поэтъ отказывается отъ своихъ обвиненій:

Мы сплошь на женщинъ негодуемъ;
За вздоръ вспылимъ и приревнуемъ!
Непримиримые враги!
Но чуть лишь милая взоръ кинетъ,
Тотчасъ досада вся простынетъ,
И мы—покорные слуги!

Тогда все это не было страннымъ!—Время на время не приходитъ!—Поклоненіе прекрасному полу и прославленіе въ стихахъ красоты, или пламенное выраже-

ніе своей страсти было тогда въ нравахъ времени; но объ этомъ я буду говорить послѣ: здѣсь же нельзя было не упомянуть о его стихахъ къ женщинамъ, какъ о чертѣ страстной натуры поэта и о замѣчательной чертѣ его времени.

Въ 1798 году скончалась сестра Князя Долгорукаго, Графиня Ефимовская. Объ ней-то упоминаетъ онъ въ прекрасныхъ и сильныхъ стихахъ своихъ: *Завѣщаніе*, которые написаны были въ слѣдующемъ 1799 году, въ селѣ Введенскомъ, принадлежавшемъ ея мужу, Графу Ефимовскому. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ въ первый разъ обнаружилъ ту глубину души, которая съ того времени встрѣчается во многихъ его произведеніяхъ. Эту философическую оду можно бы назвать новою эпохою его таланта, еслибъ онъ всегда былъ ровенъ и не возвращался къ прежнимъ предметамъ, слишкомъ обыкновеннымъ, и къ всегдашней своей небрежности. Въ концѣ 1798 года написаны имъ стихи, подъ названіемъ: *1799-й годъ*, которые замѣчательны воспоминаніемъ о Екатеринѣ и похвалою, всегда непритворною послѣ смерти:

Душой, умомъ жила, и не мѣшала жить!

стихъ, напоминающій ея любимое изреченіе: „Vivons, et laissons vivre les autres," къ которому относится и стихъ Державина: „Живи, и жить давай другимъ!" —Блаженны подданные, могущіе повторять подобныя изреченія своихъ Государей! Счастливы и поэты, живущіе въ такое время, когда и самая простая истина возвышается до поэзіи, или когда поэзія становится истиною!

Видно, что въ это время Князь Долгорукой былъ вообще доволенъ своею жизнію. Онъ написалъ еще *Спасибо 1799-му году*.—Это стихотвореніе свидѣтельствуетъ, что въ этотъ періодъ московской своей жизни

онъ успокоился наконецъ отъ многихъ тревогъ прежней жизни и прежней службы; что онъ, по своимъ простымъ и не требовательнымъ понятіямъ о счастіи, былъ въ мирѣ съ судьбою. Вотъ что̀ говоритъ онъ о себѣ:

Въ семействѣ жилъ весь годъ, спокоенъ, безъ докукъ;
Съ женою не терпѣлъ мучительныхъ разлукъ;
Друзья мои со мной вседневно обращались,
Я ими, мной они всѣмъ сердцемъ занимались;
Любя стихи писать, Глафирѣ ихъ читалъ....
Изъ глазъ ея хвалы безцѣнны принималъ...

Чего же болѣе?—Здѣсь все, что̀ было нужно для счастія поэта: и мирная семейная жизнь, и кругъ друзей (т. е. короткихъ знакомыхъ, потому что поэты принимаютъ слово: другъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ), и въ добавокъ... вниманіе милой женщины.

При восшествіи на престолъ Государя Императора Александра Павловича, когда вся Россія исполнена была радостію и надеждою, появилось множество торжественныхъ одъ, относящихся къ сему случаю.—Князь Долгорукой избралъ самое лучшее средство въ похвалу кроткаго Государя. Онъ написалъ стихи *На освобожденіе Князя Сибирскаго*, „для ознаменованія," какъ говоритъ онъ, „черты благости въ новомъ, вожделѣнномъ правленіи.—Не могу, прибавляетъ онъ къ этому, сочинять „ни по наряду, ни изъ угожденія, ни изъ корысти, „еще менѣе изъ выслуги; потому что стихи не должны „быть выслугою для благороднаго человѣка: онъ на то „имѣетъ другіе способы."

Въ началѣ 1801 года Князю Долгорукому, который почиталъ себя обойденнымъ по службѣ, захотѣлось чина. Упоминаю объ этомъ, какъ о странности пылкой головы поэта, который рѣдко умѣлъ сладить съ своими фантазіями и порывами и обнаруживалъ ихъ

тотчасъ же въ дѣйствія. Вспомня счастливый исходъ своего письма къ Екатеринѣ, онъ рѣшился написать такое же письмо къ Императору Александру. Не дождавшись отвѣта, онъ вздумалъ послать еще къ Государю четверостишіе, un quatrain!—На чемъ же онъ основывалъ свою надежду?—„Мнѣ сулилъ удачу," говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „*одинъ вольтеровъ стихъ:* „онъ теперь изъ памяти моей вышелъ, но смыслъ его „тотъ, что добрые Государи любятъ стихи читать. „По крайней мѣрѣ, думалъ я, что одна *новость и стран-„ность поступка* заставятъ обратить на себя вниманіе. „Изъ четырехъ стиховъ мудрено выдумать способъ „сдѣлать еще экстрактъ; надлежало ихъ подлинникомъ „показать."—Вотъ это четверостишіе:

Великій Государь! Ты благъ и правосуденъ!
Я двадцать лѣтъ служу; невинно обойденъ!
Тронись, и дай мнѣ чинъ!—Сей даръ тебѣ не труденъ!
Двѣ строчки напиши—и буду я блаженъ!

„Ошибся я въ своемъ расчетѣ," продолжаетъ авторъ, „стихи мои были поднесены; но если вѣрить директору „конторы (Мясоѣдову), Государь изъявилъ Трощин-„скому, при докладѣ оныхъ, негодованіе,—за то, что „прошенія подданныхъ посылаются въ стихахъ." —„Мо-„жетъ быть это и неправда," заключаетъ онъ простодушно: „но нѣтъ! приятнѣе этому не вѣрить! *Языкъ „боговъ* можетъ ли быть противенъ тѣмъ, кои образъ „власти Бога носятъ на землѣ!"

Все это сколько выказываетъ, конечно, самаго поэта, человѣка довольно оригинальнаго въ своихъ порывахъ, столько же принадлежитъ и его времени.— Это выраженіе: *языкъ боговъ;* эта вѣра въ силу поэзіи, или просто въ уваженіе къ стихотворной рѣчи,—все

это, въ наше время, смѣшно, и даже невозможно! но тогда это имѣло нѣкоторое основаніе: ибо поэтъ дѣйствительно почитался какимъ-то существомъ одареннымъ свыше и отличнымъ отъ людей обыкновенныхъ, отъ толпы, утопающей въ житейскихъ попеченіяхъ! — Это было тогда, когда одно какое нибудь четверостишіе, написанное въ альбомъ и напечатанное въ журналѣ, давало уже право на имя поэта!—И кто знаетъ, (разумѣется, не въ отношеніи къ искусству, а въ отношеніи къ жизни), которое время лучше: простосердечной ли увѣренности, или недовѣрчивости обманутаго опыта? —Съ анализомъ уменьшается сумма наслажденій! Вспомнимъ стихъ Гёте: So geht es dir, Zergliedler deiner Freuden!

Однако прозаическое письмо не осталось безъ отвѣта и оказалось дѣйствительнѣе поэзіи! — Отказавшись уже отъ всякаго успѣха, вдругъ получилъ Князь Долгорукой, объявленное ему черезъ генералъ-прокурора Беклешова, высочайшее соизволеніе, чтобъ онъ избралъ себѣ губернаторское мѣсто, *гдѣ пожелаетъ;* ибо та должность, которую онъ занимаетъ, несовмѣстна съ слѣдующимъ ему чиномъ.

Вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе Правительствующему Сенату избрать на открывшіяся губернаторскія ваканціи до десяти кандидатовъ. Сенатъ помѣстилъ въ своемъ спискѣ Князя Долгорукаго первымъ. Но, между тѣмъ, прошелъ съ того времени цѣлый мѣсяцъ; многіе изъ кандидатовъ получили уже губернаторскія мѣста по губерніямъ, присоединеннымъ отъ Польши, и по другимъ отдаленнымъ губерніямъ; Князь Долгорукой льстился надеждою, что онъ попадетъ въ губернаторы при назначеніи начальника въ нижегородскую губернію, и почти оставался спокоенъ.—Случается нерѣдко, что многія извѣстія получаются прежде

посторонними лицами, а не тѣми, до кого они относятся; замѣчено также, что иногда распространяются слухи прежде самаго событія, а молва, по непостижимому ея свойству, доходитъ прежде курьерской почты!—Такъ было и въ этомъ случаѣ. — Князь Долгорукой игралъ въ благородномъ спектаклѣ, въ домѣ Корсакова. Представляли комедію Колень-д'Арлевиля: Les châteaux en Espagne. Страстный актеръ конечно не думалъ въ это время о губернаторствѣ, и чрезвычайно удивился рукоплесканіямъ всего партера, при произнесенномъ имъ стихѣ: „De quelque emploi brillant je puis me voir chargé." —„Долго, говоритъ онъ, я не могъ понять, что это значитъ. Не было здѣсь никакой игры, никакихъ „страстей въ движеніи; рѣчь холодная, простая!"—Сошедъ со сцены, узналъ Князь Долгорукой, что онъ опредѣленъ губернаторомъ во Владиміръ и что публика примѣнила къ нему произнесенный имъ стихъ комедіи.—„Всѣ меня поздравляли," говоритъ онъ, „всѣ „привѣтствовали; я поворачивался на всѣ стороны, кла„нялся и не успѣлъ еще разобрать—радъ ли, или нѣтъ, „такой новости!"

Вотъ какъ получилъ онъ наконецъ оффиціальное увѣдомленіе о своемъ опредѣленіи. Разскажу подлинными его словами, какъ онъ говоритъ о томъ въ своихъ запискахъ. Пусть видятъ читатели, что онъ, не смотря на легкость и живость своего характера и уступчивость страстямъ пылкаго сердца во всѣхъ случаяхъ своей жизни видѣлъ перстъ божій, и все, что съ нимъ случалось, приписывалъ его волѣ. „Будучи," говоритъ онъ, „недостаточенъ и безъ возможности платить день„ги за все, чему надобно было выучить дѣтей, я обучалъ „ихъ самъ закону вѣры и проходилъ съ ними св. писаніе „по Воскресеньямъ.—Въ одно изъ нихъ, 18 Февраля, въ „день рожденія старшей дочери моей, я изъяснялъ, въ

„кругу моихъ ребятишекъ, то мѣсто изъ Новаго Завѣта, „гдѣ повѣствуется о десяти прокаженныхъ, и бесѣдо„валъ съ ними о *благодарности*, какъ вдругъ приносятъ „мнѣ письменное извѣстіе, что 8 числа Февраля „(1802) вышелъ указъ быть мнѣ губернаторомъ во Вла„димірѣ.—Закрывъ книгу и заплакавъ, воздалъ я хвалу „Богу, какъ виновнику всѣхъ случаевъ, насъ постига„ющихъ, котораго обязаны мы благодарить за все; ибо „все, чтò онъ ни творитъ, творитъ намъ во благое." — На другой день онъ получилъ уже указъ по формѣ, и надлежало готовиться къ отъѣзду.

Горько ему было разстаться съ Москвою. У жены его открылась чахотка и быстро приближалась къ послѣднему своему періоду. Онъ долженъ былъ оставить ее въ Москвѣ и ѣхать одинъ; дѣтей тоже оставилъ съ нею. Сможетъ ли она пріѣхать послѣ, это было неизвѣстно. Не хотѣлось ему разстаться и съ домомъ, къ которому привыкъ. Обвиняя себя въ малодушіи, онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ и о томъ, что ему жаль было разстаться съ московскими забавами, съ театромъ, съ хорошимъ обществомъ; горько было жить опять въ провинціи, съ людьми мало образованными — и „ѣхать (говоритъ онъ, какъ будто по предчувствію) искать „новыхъ бѣдъ и новыхъ поношеній."

Недостаточность состоянія въ званіи губернатора есть тоже горе, почти препятствіе къ благонамѣреннымъ успѣхамъ, которые много зависятъ отъ расположенія къ нему жителей губернскаго города. Въ провинціяхъ любятъ, чтобы ихъ тѣшили и веселили: этимъ почти опредѣляется достоинство губернатора; подъ этимъ условіемъ спѣшатъ на перерывъ содѣйствовать любимому начальнику. Всѣмъ губернаторамъ давали тогда по три тысячи рублей ассигнаціями на переѣздъ, или, какъ говорится технически, на подъемъ: Князю

Долгорукому и того не дали: „или потому“ говоритъ онъ, „что переѣздъ былъ недалекъ, или для „того, чтобы предвозвѣстить ему некрасную судьбу „въ новомъ состояніи.“—Занять было негдѣ; заложить нечего: всѣ вещи давно были въ ломбардѣ.—Но изъ всѣхъ родственниковъ выискались двое: Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой далъ ему двѣ тысячи рублей взаймы, и тысячу рублей подарила ему тетка его, Княгиня Шаховская. Вотъ въ какомъ положеніи отправился онъ въ Владиміръ.

Подъѣхавъ къ границѣ губерніи, гдѣ каменный столбъ съ чугуннымъ гербомъ означалъ, что кончилась Московская губернія, Князь Долгорукой вышелъ изъ коляски, поклонился до земли своей родинѣ и, по примѣру предковъ, взялъ кусочикъ родимой земли въ карманъ. Такъ въѣхалъ онъ въ свою губернію. „Простите „мнѣ,“ говоритъ онъ, „эту романическую выходку. „Вспомните, что я ѣду изъ Москвы, изъ царства ро„скоши, довольства и свободы!“—Какъ обнаруживается во всемъ, (скажу мимоходомъ,) его непритворный характеръ и человѣкъ, не умѣвшій сладить съ своими наклонностями и привычками!—Грусть о разлукѣ съ Москвою, какъ съ родиной; грусть о разлукѣ съ женою; благочестивое исполненіе древняго обычая предковъ, и въ то же время суетная дань воспоминанія—роскоши и свободѣ, если не забавамъ столицы!—Эти-то искренніе и безотчетныя чувства, которыя сквозятъ во всемъ у Князя Долгорукаго и которыя изображаютъ во всей наготѣ и отдѣльнаго и общественнаго человѣка, онѣ-то, повторяю, составляютъ и достоинство его стихотвореній: то достоинство, въ которомъ не многіе изъ нашихъ поэтовъ могутъ съ нимъ состязаться, хотя бы въ другихъ его и превышали!

Принявъ губернію, Князь Долгорукой почелъ сво-

ею обязанностію прежде всего объѣхать и осмотрѣть ее.—При этомъ обзорѣ губерніи, кромѣ предметовъ, входившихъ въ прямую обязанность губернатора, осмотра дорогъ и мостовъ, числа дѣлъ и арестантовъ, Князь Долгорукой не оставлялъ безъ вниманія и замѣчательныхъ мѣстностей, не пренебрегалъ народными преданіями, не уклонялся отъ впечатлѣній поэтическихъ, и все, замѣченное имъ, не осталось безъ послѣдствій.

Въ Суздальскомъ уѣздѣ вошелъ онъ во всѣ подробности тамошняго Спасо-Ефимьевскаго монастыря, (который, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ мѣсто заключенія) и написалъ о немъ *Историческое повѣствованіе*, „которое, говоритъ онъ, не пошло никуда и осталось при мнѣ.“ — Однако, въ 1808 году, эта ли рукопись, или другая, изъ нея же составленная, подъ заглавіемъ: *Меморіалъ о Суздальскомъ монастырѣ*, была представлена имъ министру внутреннихъ дѣлъ Князю Куракину (преемнику Графа Кочубея.) „Рукопись эта,“ говоритъ онъ объ историческомъ повѣствованіи, „найдется въ моихъ прозаическихъ сочиненіяхъ. „Я прошу тѣхъ, кому она попадется въ руки, обратить „вниманіе не на слогъ, а на предметъ и сердечное „расположеніе автора, и тогда можетъ быть сей трудъ „вознаградитъ меня, хоть поздно, признательностію филантропа.“—Вѣроятно, эта рукопись хранится и донынѣ у кого нибудь изъ дѣтей его. Я не знаю ея; но изъ словъ автора должно заключить, что цѣлію ея было улучшеніе участи арестантовъ. Это входило въ прямую обязанность губернатора, которой въ этомъ случаѣ конечно много помогло и чувство человѣка. Желательно бы было сдѣлать ее извѣстною, особенно теперь, когда человѣколюбіе, вспомоществуемое газетною гласностію, громко проповѣдуетъ улучшенія.

О самомъ городѣ *Суздалѣ*, расположенномъ на

суходолѣ, Князь Долгорукой сообщаетъ намъ въ своихъ запискахъ молву, слышанную имъ отъ стариковъ, что имя его произошло отъ соединенія двухъ словъ: *сушь* и *доль*, „составившаго въ обыкновенномъ выговорѣ со„кращенную рѣчь *Суздаль*."—Такъ ли это, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ сохраненіе преданія старины имѣетъ свою цѣну.

Въ *Переславлѣ-Залѣсскомъ*, при озерѣ *Плещеевѣ*, или *Плещовѣ*, на которомъ былъ выстроенъ ботикъ Петромъ Первымъ, онъ съ вниманіемъ осмотрѣлъ мысъ *Гремячій*, гдѣ, по преданію, былъ построенъ домикъ, въ которомъ жилъ Петръ, во время построенія ботика. „Вѣроятно, замѣчаетъ онъ, подвиги Петра дали ему и „сохранили это названіе."—При воззрѣніи на ботикъ, Князю Долгорукому—первому пришла мысль о необходимости сохранить его для потомковъ и ходатайствовать о дозволеніи употребить для этаго тутъ же придуманныя имъ средства. Вотъ собственныя слова его: „Между предметами, подѣйствовавшими на меня болѣе „прочихъ, съ огорченіемъ и досадою видѣлъ я, что „ботикъ Петра Перваго, въ Переславлѣ, хранился въ „чужомъ селѣ, близь города и озера, на владѣльческой „землѣ, въ ничтожномъ сараѣ, и начиналъ уже разру„шаться. Съ небреженіемъ крайнимъ присматривалъ за „этимъ сокровищемъ послѣдній членъ земскаго суда. „Такъ-то время и люди уничтожаютъ самые значитель„ные трофеи. Я принялъ намѣреніе ходатайствовать о „возможномъ памятникѣ Петру Великому на самомъ „мѣстѣ его начальныхъ подвиговъ."—Эта мысль такъ заняла Князя Долгорукаго и такъ казалась ему счастливою, что онъ боялся даже, чтобы, изъ зависти къ ней, не помѣшали ея успѣху.—„Я въ разныхъ случа„яхъ видѣлъ." продолжаетъ онъ, „обнаженныя сердца „человѣческія, и зналъ, что зависть хитра сквернить не-

„порочность. Чтобъ оградить себя отъ нея, я письменно отнесся къ г. Трощинскому, государеву секретарю; „объявилъ ему мое намѣреніе и просилъ увѣнчать его „успѣхомъ. Оно состояло въ томъ, чтобы построить „приличное каменное зданіе, въ которомъ могли бы охраняться отъ поврежденія, какъ ботикъ, такъ и всѣ остатки петрова дома (*). Желая соединить съ честію такого пожертвованія дворянскаго и существенную пользу, я предполагалъ поставить жилые покои человѣкъ „на шесть отставныхъ инвалидовъ матросскаго званія, „кои бы, по очереди, караулили все строеніе и, получая за то готовую пищу, не шатались по-міру."

Государь обратилъ вниманіе на предположеніе Князя Долгорукаго и утвердилъ его. По этому случаю онъ удостоился получить первый рескриптъ Государя Императора. Въ слѣдующемъ (1803) году послѣдовало, съ большимъ торжествомъ, перенесеніе ботика во вновь устроенное зданіе. На строеніи была простая надпись: *Петру Великому усердный Переславль*; на другой сторонѣ выставлены были годъ и число основанія дома.—При описаніи этаго торжества Князь Долгорукой говоритъ: „Я мысленно переносился „за столѣтіе назадъ; воображеніе мое кипѣло; сердце „трепетало отъ радости, что привелъ меня Владыка „всѣхъ міровъ исполнить патріотическое сіе предпріятіе. — Легкія волны озера, едва движимыя тонкимъ „вѣтромъ, протекали къ берегу Гремячаго мыса и, омывая ступеньки зданія, какъ-бы поклонялись памятнику того, кого нѣкогда носили на себѣ, прообразуя

(*) Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Князь Долгорукой говоритъ, что дома и слѣдовъ не осталось. Чтобы согласить это противорѣчіе, можно заключить такъ, что не осталось слѣдовъ, гдѣ стоялъ этотъ домикъ; а уцѣлѣли его остатки: ибо нельзя же предполагать, чтобы онъ ходатайствовалъ о сохраненіи того, чего вовсе не осталось.

„въ юности его исполинскія силы." — При этомъ торжествѣ читана была *Ода* Князя Долгорукаго на этотъ случай, замѣчательная не торжественною громкостію, которою отличались тогдашнія оды, не державинскою высотою; но тѣмъ, чѣмъ отличаются всѣ стихотворенія Князя Долгорукаго: глубоко-почувствованною мыслію, смѣло и просто выраженною. Вотъ для примѣра изъ этой оды мысли простыя, не громкія, но замѣчательныя и смѣлыя мысли поэта:

Когда потомокъ предка хвалитъ,
Ужель симъ подвигомъ умалитъ
Онъ современниковъ своихъ?
О нѣтъ!—Для мудрыхъ на престолѣ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалятъ и другихъ!

***

Не лесть, *въ сей день восклицновенья*,
Наполнивъ душу восхищенья,
Внушаетъ намъ ихъ имена!
Не лесть: исчезла ихъ награда;
Не рабій страхъ: уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна!

Неизвѣстно, какъ въ послѣдствіи времени сохранялось это зданіе и самый ботикъ; но такъ какъ у насъ всякое новое учрежденіе соблюдается только вновѣ, покуда живы современники, а потомъ приходитъ въ забвеніе и въ пренебреженіе: такъ, видно, случилось и съ этимъ; потому что въ послѣдніе годы своего царствованія Государь Императоръ Николай Павловичъ долженъ былъ снова обратить царской взоръ и употребить силу власти на сохраненіе этаго ботика великаго своего прародителя. Село Веськово, при которомъ онъ хранился, куплено было однимъ помѣщи-

комъ, который, видно, мало сочувствуя сокровищамъ, когда они принадлежатъ только исторіи, препятствовалъ жителямъ Переславля, въ извѣстное время, по давнему обычаю, собираться для прогулки около этаго зданія и осматривать ботикъ; это дошло до свѣдѣнія Государя Николая Павловича. Государь разрѣшилъ владимірскому дворянству купить въ общее дворянское владѣніе село Веськово; и теперь охраненіе ботика находится, такъ сказать, подъ нераздѣльнымъ вѣдѣніемъ тамошняго дворянства. — Такимъ образомъ, слишкомъ черезъ полвѣка, заботливость Князя Долгорукаго принесла новые плоды, еще болѣе прочные, нежели тѣ, о которыхъ смѣлъ помышлять онъ. Дѣло въ томъ, что если бы не онъ, памятникъ трудовъ Петра былъ бы давно разрушенъ и уничтоженъ временемъ.

На обратномъ пути по губерніи, мы видимъ уже въ немъ живую впечатлительность поэта. Кончивъ обзоръ, какъ обязанность, онъ предается всей свободѣ мечты и красотамъ природы.—По дорогѣ изъ Коврова, между Гороховца и Вязниковъ, „нельзя не плѣ„ниться, говоритъ онъ. уголкомъ земли, въ которомъ „природа разсыпала столько прелести. Погостъ Архи„діакона Стефана, на крутой горѣ, подъ которой из„вивается Клязьма, есть мѣсто превосходной красоты. „Унылое воображеніе находитъ здѣсь самую приятную „пищу. Нигдѣ разумъ человѣческой не сыщетъ такой „сладкой мечты, какую тутъ видъ естественной карти„ны подаритъ сердцу чувствительному, и при восходѣ „солнца, и при закатѣ. Я здѣсь часто забывалъ, въ „размышленіяхъ разнородныхъ, откуда, и куда, и гдѣ „я.“—Эти впечатлѣнія произвели потомъ стихотвореніе: *Размышленіе на берегу Клязьмы, при погостѣ Архидіакона Стефана.* Справедливость требуетъ сказать,

что это стихотвореніе не соотвѣтствуетъ живости впечатлѣнія, которой мы могли бы ожидать, судя по словамъ поэта о подѣйствовавшей на его душу картинѣ природы; но тѣмъ не менѣе, кто отмѣтилъ бы въ своихъ запискахъ красоту какого нибудь мѣстоположенія, еслибъ оно дѣйствительно не очаровало его душу?

Объѣхавъ всю губернію и возвращаясь уже во Владиміръ, замѣтилъ онъ еще одно мѣсто и одно преданіе. „Въ семнадцати верстахъ, или еще ближе отъ „города, говоритъ онъ, есть озеро, почти сгнившее, „подобное большому болоту, въ которое, какъ повѣст„вуетъ преданіе, брошены были Кучковы дѣти (сы„новья боярина Кучки), шуренья и убійцы Андрея Бо„голюбскаго. Это подало поводъ къ сказкѣ народной, „будто бы въ Петровъ день, въ самую полночь, слы„шенъ въ озерѣ стонъ, и вѣтръ кидаетъ коробы съ „мѣста на мѣсто. Чего, заключаетъ онъ, не предста„витъ прихотливое воображеніе?"

Такъ этотъ объѣздъ губерніи, кромѣ оффиціальнаго служебнаго обзора, требуемаго обязанностію губернатора, и кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ важныхъ пунктовъ, на которые, какъ мы видѣли, онъ обратилъ свое вниманіе, показываетъ въ немъ въ то же время и живое чувство, сродственное человѣку и поэту.

Въ томъ же (1803) году, бывши, по случаю набора рекрутъ, опять въ нѣкоторыхъ городахъ своей губерніи, и между прочимъ въ городѣ Александровѣ, Князь Долгорукой познакомился тамъ съ госпожею Пожарскою, которая незадолго передъ тѣмъ овдовѣла, и съ которою въ послѣдствіи суждено ему было соединить судьбу свою.

Еще съ 1801 года, до своего губернаторства, Князь Долгорукой началъ заниматься изданіемъ своихъ стихотвореній. Къ сему побудили его, говоритъ онъ,

недостатокъ дѣятельности и тогдашнія неудачи его по службѣ. Это первое изданіе подъ названіемъ: *Бытіе моего сердца*, напечатано въ 1802 году; но вышло только въ 1803. Оно было принято публикой съ участіемъ равнымъ ея ожиданію; ибо Князь Долгорукой считался уже однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ и возбуждалъ горячее сочувствіе въ обществѣ того времени, которое вообще съ участіемъ принимало произведенія поэзіи и не пропускало безъ справедливой оцѣнки ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного счастливаго выраженія поэта!

Въ 1804 году, въ Владимірской губерніи послѣдовало открытіе трехъ уѣздныхъ городовъ: Коврова, Судогды и Александрова. При открытіи двухъ первыхъ находился самъ губернаторъ. Въ Ковровѣ получилъ онъ 7 Февраля письмо изъ Владиміра, отъ жены своей, извѣстившее его о пожалованіи въ тайные совѣтники. Хотя въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ и говоритъ Князь Долгорукой: „я пожертвую другу, „пріятелю, достаткомъ, судьбой, самою жизнію; но „нѣтъ такой связи въ привычкахъ нашихъ моральныхъ, „для которыхъ пренебрегъ бы я цѣну заслугъ моихъ „по службѣ,“ — что̀ какъ будто показываетъ въ немъ наклонность къ честолюбію: со всѣмъ тѣмъ, по случаю пожалованія въ этотъ чинъ, онъ написалъ стихи, которые замѣчательны чертою характера, свойственнаго только человѣку, предпочитающему любовь и дары природы—честолюбію, столь обольстительному для всякаго, проходящаго служебное поприще. Вотъ эти стихи:

Надёжа—Государь пожаловалъ мнѣ чинъ!
Прекрасно; но увы! натура подшутила:

Черкнула *свой* указъ—кровь пылку простудила;
Амуръ сказалъ: прости! остался я одинъ!

***

Что въ чинѣ, если нѣтъ огня и восхищенья!
Лѣтъ двадцать бы назадъ—о! какъ я счастливъ былъ!—
Леталъ бы по Москвѣ, всѣмъ голову кружилъ,
Съ родными на пирахъ вкушалъ бы наслажденья!

***

Теперь осталась честь; а радость утекла!
Такъ стало быть народъ не попусту болтаетъ,
Что служба за Царемъ хотя не пропадаетъ,
Но поздно и корысть, когда пора прошла!

Пора честолюбія, судя по лѣтамъ и по обыкновенному ходу страстей человѣческихъ, не только не прошла еще тогда для Князя Долгорукаго, но развѣ только что наступила: ему было всего 40 лѣтъ. — Онъ дѣйствительно былъ радъ полученію чина, и въ это время имѣлъ, кажется, всѣ причины быть довольнымъ своей судьбой. Почетная служба, извѣстность литературная, семейное счастіе: чего болѣе! — Но судьба не даетъ ничего вполнѣ человѣку! Вспомнимъ при этомъ философскую мысль Шиллера въ его балладѣ: *Кольцо Поликрата*. Всякой долженъ заплатить судьбѣ дань несчастія; благополучіе безъ примѣси горя — опасно; тутъ-то и стережетъ человѣка бѣдствіе!—Такъ и Князя Долгорукаго тревожило темное, неодолимое предчувствіе, которому онъ вѣрилъ, или безотчетно, или по прежнимъ опытамъ.—„Я давно питалъ, говоритъ онъ, „суевѣрную мысль, что въ жизни моей каждая сильная радость предварять должна была сильную печаль. „Постоянная мысль о томъ тревожила воображеніе мое

„всечасно. Я не видалъ еще готовящагося мнѣ несча„стія; но, какъ бы предчувствуя его, тосковалъ уже, „и скрытая сія тоска поколебала мои силы. Пока въ „разъѣздахъ я такъ мыслилъ и чувствовалъ, жена моя „во Владимірѣ разнемогалась простудой, и я, воротясь „домой, нашелъ ее уже нездоровой." — Предчувствіе оправдалось. Князя Долгорукаго, среди его спокойствія и успѣховъ по службѣ, ожидалъ ударъ судьбы, который положилъ на всю жизнь—печать горя на его любящее сердце.

У Княгини Евгеніи открылась чахотка. Мужъ не подозрѣвалъ еще той степени, до которой достигла ея болѣзнь; но медики опредѣлили конецъ ея такъ близкимъ, что узнавъ объ этомъ, въ Москвѣ, отъ знаменитаго тогда доктора Фреза, Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой поспѣшилъ пріѣхать въ Владиміръ на всю первую недѣлю поста, чтобы укрѣпить горестнаго мужа въ терпѣніи, и въ случаѣ рѣшительнаго несчастія позаботиться о его семействѣ. Черта участія, которая тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести, что родство ихъ было отдаленное; въ то же время она показываетъ, какъ крѣпки и дѣйствительны были еще тогда фамильныя и родственныя отношенія. Тогда пословица: *свой своему поневолѣ другъ*, была еще практической истиной. Жизнь была легче; не было еще всякому до себя; общество не распадалось еще подъ тяжестію заботъ и какого-то моральнаго гнета; эгоизмъ не породилъ еще общей холодности. Это было полное надеждъ начало царствованія Александра Перваго; кто засталъ это время, тотъ помнитъ, какъ цвѣла жизнь, какъ всѣ беззаботно веселились, и какъ тепло принимали другъ въ другѣ участіе.

Больная однако прожила еще два мѣсяца.—Вотъ какую подробную и грустную картину представляетъ

Князь Долгорукой, описывая ея болѣзнь и кончину: „Мрачная погода, продолжительное и суровое ненастье, „туманы, вьюги, дѣлали весну настоящаго года самою „несносною, и жена часъ отъ часу приходила въ боль-„шее разслабленіе. Всѣ медицинскія средства теряли „свою силу. Вездѣ казалось ей душно и тѣсно; без-„престанно просилась на воздухъ; пропадалъ аппетитъ, „потерялась память. Одно чтеніе ее занимало: застав-„ляла читать; но вслушивалась въ десятое слово, „потому что мало по малу измѣнялъ ей слухъ, и до „того подъ конецъ она стала слаба, что нельзя было „иначе съ ней говорить, какъ съ напряженіемъ голоса. „*Лишеніе сего чувства прекратило бесѣды между нами.* „Не все я могъ сказать ей такъ, чтобъ никто, кромѣ „ея, не слыхалъ. Сія предварительная преграда обык-„новенной нашей взаимности въ разговорѣ готовила „меня къ потерѣ друга истиннаго и единственнаго въ „Евгеніи. Я видѣлъ еще ее, сидѣлъ съ нею; но уже „мысли наши не смѣшивались, и въ семъ столь нуж-„номъ, столь драгоцѣнномъ въ супружествѣ отношеніи, „Евгеніи для меня уже не было на свѣтѣ.“

12 Мая (1804) скончалась Евгенія, умирявшая его душу, примирявшая его въ бурные дни и съ жизнію, и съ самимъ собою. Ему казалось, что сама природа какъ будто участвовала въ ея страданіяхъ и просвѣт-лѣла вмѣстѣ съ освобожденіемъ чистой души ея. „По „непонятному капризу природы, говоритъ онъ, всѣ „весеннія непогоды прекратились 12 Мая; минута смерти „бѣдной жены моей казалась опредѣленной минутой „вёдра. Лишь только удалилась отъ насъ блаженная „душа ея, какъ взошла прекраснѣйшая лѣтняя гроза „на горизонтѣ внѣшняго міра. Солнце воспрянуло „вдругъ изъ темныхъ облаковъ, его облегавшихъ, и

„ударило блескомъ во всѣ стекла нашего дома; но „теплота его уже не согрѣвала безчувственной Евгеніи."

„Смерть ея, продолжаетъ онъ, была лучшимъ до-„казательствомъ ея религіи Зная свою болѣзнь, она „знала, что ей нельзя жить долго; никогда однако же „конца своего не боялась. Любила жизнь и удовольствія „міра; но какъ скоро занеможетъ, тотчасъ уединится и „безъ робости приготовится къ общему року. Она „встрѣчала вѣчность, какъ лучшій день весны. Кто, „кромѣ Вышняго, даетъ намъ такое мужество, и кому, „кромѣ благоугодившихъ предъ нимъ! — И такъ нѣтъ „сомнѣнія, что вѣра ея была чиста, разумна, совер-„шенна!"

Еще въ слѣдъ за полученіемъ чина, Князь Долгорукой испросилъ себѣ отпускъ въ Москву; ему хотѣлось повидаться съ своею престарѣлою матерью и порадовать ее своимъ повышеніемъ. Но этотъ отпускъ послужилъ на другое; такъ невѣрны наши предположенія, особенно когда мы устроиваемъ себѣ минуты радости! — Радость и горе приходятъ безъ нашего вѣдома, когда мы ихъ не ждали! — Этимъ отпускомъ воспользовался Князь Долгорукой, чтобы проводить тѣло своей жены до Москвы, гдѣ оно погребено было въ Донскомъ монастырѣ. И теперь еще существуетъ ея памятникъ съ такою надписью: „Dieu retira son souffle à lui, et Eugénie mourut,"—изреченіе Рейналя изъ его похвальнаго слова *Елизѣ Драперъ*, извѣстной по нѣжному дружеству къ ней Стерна.

Кромѣ горести о потерѣ жены, въ Князѣ Долгорукомъ была и прежде наклонность къ уединенію, столь благоприятствующему мечтательности, несмотря на то, что онъ любилъ разсѣянность, веселости и шумъ народный. — Въ обыкновенномъ житейскомъ человѣкѣ мы назвали бы это непостоянствомъ; но въ

поэтѣ это происходитъ, можетъ быть, отъ способности души быстро переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому, часто противоположному, отъ живой приемлемости впечатлѣній и отъ живости фантазіи, требующей разнообразной пищи для ума и сердца. Близь Владиміра, на рѣчкѣ Рпѣни, на берегу, противоположномъ городу, устроена была хижина, въ которой поэтъ, въ свободные дни отъ службы, любилъ по нѣскольку часовъ въ день предаваться совершенному уединенію; тамъ онъ читалъ, мечталъ и писалъ стихи. Памятникомъ этаго поэтическаго успокоенія осталось стихотвореніе подъ названіемъ *Хижина на Рпѣни.* — Здѣсь изображенъ *его день* въ сельскомъ уединеніи, отъ утренней молитвы до восхода луны, до того поздняго часа, когда, по его словамъ, все умолкаетъ:

Не слышенъ гулъ глухой въ народѣ,
Вся тварь покоится въ природѣ,
Не спитъ лишь зло — и человѣкъ!

Въ этомъ же году (1804), 7 Августа, послѣдовало открытіе владимірской губернской гимназіи. Тогда всякое общественное происшествіе отзывалось въ звукахъ поэзіи. На этотъ случай Князь Долгорукой написалъ оду, которая была прочитана публично при торжествѣ открытія. Высокая ода, я сказалъ уже, не была его удѣломъ. Здѣсь замѣчательна опять не высота поэзіи, но его патріотическое понятіе о цѣли просвѣщенія:

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить!
О! коль безумно заблужденье
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,

Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей!

„Полетѣли,“ говоритъ Князь Долгорукой, „о такомъ „отличномъ торжествѣ повсюду рапорты; зазвонили „повсемѣстно газеты; а дома, между своей братьи, я „прозванъ былъ, какъ водится, меценатомъ и покро„вителемъ наукъ! — Какъ дешево покупаются самыя „отличныя имена!“ — Университетъ однако, при этомъ случаѣ, оцѣнилъ по достоинству и его заботы на пользу гимназіи, и литературные труды его. Онъ былъ избранъ въ почетные члены университета, и въ слѣдующемъ 1805 году поручено было директору гимназіи Цвѣтаеву поднести ему дипломъ на сіе званіе. По справедливости довольный столь явнымъ признаніемъ извѣстности его имени въ литературѣ, 27 Генваря, онъ надѣлъ синій университетскій мундиръ, съ чувствомъ благородной гордости, равной тому уваженію, которое онъ всегда имѣлъ къ московскому университету. „Этотъ кафтанъ,“ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „который я поистинѣ могу назвать благо„пріобрѣтеннымъ, будетъ во всю жизнь мою лучшимъ „моимъ нарядомъ. Ни клевета, ни зависть — его съ „меня не снимутъ!“

Однимъ изъ значительнѣйшихъ успѣховъ своихъ Князь Долгорукой почиталъ слѣдующее. Во время царствованія Императора Павла, по представленію генералъ-прокурора Князя Куракина доклада Ассигнаціоннаго Банка, вышелъ указъ (4 Декабря 1796 г.), которымъ велѣно было описывать на казну все имѣніе, остающееся послѣ наказанныхъ дѣлателей фальшивыхъ

ассигнацій, дабы тѣмъ вознаградить потери Банка. Князь Долгорукой, разсуждая, что продажею имущества преступниковъ крестьянскаго званія потери Банка вознаграждаются въ самомъ незначительномъ количествѣ, а между тѣмъ, чрезъ эту конфискацію, невинные наслѣдники преступника лишаются всего и становятся въ тягость мірскому обществу, сдѣлалъ представленіе объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ Графу Кочубею, въ слѣдствіе чего вышелъ (19 Декабря 1803 года) именной указъ Императора Александра, отмѣняющій прежній и учреждающій повсемѣстное оставленіе имѣнія крестьянъ въ пользу ихъ семейства, если оно приобрѣтено ненасильственнымъ образомъ, и если члены тѣхъ семействъ не участвовали сами въ преступленіи.

Давно уже готовилось въ Петербургѣ огромное посольство въ Китай. Посломъ назначенъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и оберъ-церемоніймейстеръ двора, Графъ Головкинъ. При отъѣздѣ его послѣдовало ему высочайшее повелѣніе обревизовать всѣ губерніи, находящіяся на его пути между Москвою и Сибирью. Подъ сію ревизію подходила и Владимірская Лѣтомъ 1805 года, („въ самые жары“ замѣчаетъ Князь Долгорукой, который любилъ и отдохнуть отъ дѣла), Графъ Головкинъ прибылъ во Владиміръ. „Съ нимъ, говоритъ онъ, наѣхало придворныхъ множество.“ — Посольство дѣйствительно было великолѣпное, съ цѣлію внушить бо̀льшее уваженіе китайскому правительству, и тѣмъ вѣрнѣе достигнуть прямаго своего предмета; что̀ однако, скажу мимоходомъ, не удалось: оно не доѣхало до мѣста своего назначенія — Въ Владимірѣ Графъ Головкинъ, принявъ отъ губернатора рапорты и вѣдомости, посвятилъ на ревизію три дня. Каждое утро обозрѣвалъ

онъ присутственныя мѣста и входилъ во всѣ подробности, не только разсматривая входящіе, настольные и докладные реэстры; но, въ теченіе дня, въ продолжительныхъ разговорахъ съ губернаторомъ, требовалъ отъ него свѣдѣній о нуждахъ губерніи, о состояніи жителей, о домоводствѣ поселянъ, о промыслахъ народа, о торговлѣ, купеческихъ оборотахъ, судоходствѣ и положеніи лѣсовъ. Князь Долгорукой нашелся въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ ревизора: послѣ этаго какое значеніе имѣетъ мнѣніе тупоумныхъ начальниковъ, что поэзія мѣшаетъ дѣлу! — Въ проѣздъ свой черезъ Казань, Графъ Головкинъ, совершенно довольный и порядкомъ губерніи и удовлетворительными свѣдѣніями о ней Князя Долгорукаго, послалъ о немъ всеподданнѣйшій рапортъ. Государь Императоръ, бывшій тогда, по случаю военныхъ дѣйствій, въ Моравіи, соблаговолилъ принять благосклонно донесеніе Графа Головкина; въ слѣдствіе чего Князь Долгорукой получилъ въ награду столовыя деньги, по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, пока пробудетъ въ настоящемъ званіи, при рескриптѣ Государя, подписанномъ 18 Ноября 1805 г., наканунѣ Аустерлицкаго сраженія.

Проводивъ Графа Головкина, Князь Долгорукой поѣхалъ опять осматривать губернію. Въ Александровскомъ уѣздѣ заѣхалъ онъ къ Ивану Ильичу Муханову, въ его село Успенское. Тутъ былъ сельскій праздникъ. У Князя Долгорукаго, какъ стихотворство не мѣшало дѣлу, такъ и дѣло не мѣшало стихамъ. Здѣсь написалъ онъ стихотвореніе, которое было напечатано въ его книгѣ: *Сумерки моей жизни*. Оно все еще дышетъ тоскою одиночества, хотя онъ давно уже думалъ о женидьбѣ. А въ слѣдующемъ обстоятельствѣ видно опять, какъ память о первой женѣ была сильна въ его сердцѣ.

Министерство просвѣщенія (1806 г.) заботилось о приобрѣтеніи домовъ для губернскихъ гимназій. Казна отпускала на этотъ предметъ большія суммы денегъ; но постройка требовала много времени, а между тѣмъ помѣщеніе владимірской гимназіи было очень тѣсно. Губернаторскій домъ обратилъ на себя вниманіе ученаго начальства, и директоръ гимназіи, отъ имени университета, вошелъ объ этомъ въ сношеніе съ губернаторомъ, безъ согласія котораго предположеніе это не могло исполниться. Домъ, лично для Князя Долгорукаго, былъ великъ; кромѣ того все напоминало въ немъ ему потерю жены: это ускорило его согласіе на уступку дома. — „Я не хотѣлъ въ немъ жить, „говоритъ онъ; но не хотѣлъ и того, чтобы преемникъ „мой, вступя въ него и располагая комнатами по про„изволу, могъ помѣстить въ нихъ, кто любовницу, кто „собакъ, кто иное что, въ самомъ томъ покоѣ, въ ко„торомъ жила Евгенія, и тѣмъ осквернить мѣсто по„слѣдняго ея издыханія. И для того я разсудилъ обра„тить этотъ домъ въ казенный навсегда. Отдавъ его „подъ гимназію, я зналъ, что никакое частное лице, „распоряжаться имъ и распоряжаться въ немъ по при„хоти — не станетъ. Храмъ наукъ удалялъ отъ этаго „дома всякую идею соблазна и нечистоты."

Что такова была дѣйствительно его мысль при уступкѣ губернаторскаго дома гимназіи, доказываетъ отношеніе, писанное имъ по этому случаю къ тогдашнему директору гимназіи, Алексѣю Алексѣевичу Цвѣтаеву, (брату достойнаго профессора Льва Алексѣевича,) отъ 15 Октября 1806 года. Онъ говоритъ въ немъ тоже, (хотя другими словами), какъ приятно ему, что домъ, въ которомъ жила и скончалась добродѣтельная жена его, обратившись въ общественное зданіе, не будетъ впредь зависѣть отъ личныхъ прихотей

того, или другаго, а будетъ служить, такъ сказать, памятникомъ и той, которая провела въ немъ последніе дни свои. (Такъ сильно соединялось въ немъ чувство и воспоминаніе со всѣмъ, его окружающимъ, и съ самыми бездушными предметами: мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ и московской университетъ умѣлъ почтить въ немъ это чувство.) – Вмѣстѣ съ этимъ отношеніемъ препровождалъ онъ къ директору гимназіи два письма московскихъ книгопродавцевъ о напечатаніи втораго изданія его сочиненій, предоставляя директору войти съ ними, или съ кѣмъ угодно, въ условія о напечатаніи не только этаго изданія, *но и всѣхъ тѣхъ, кои впредь быть могутъ*, съ дополнительными, какія во всю его жизнь окажутся, сочиненіями, и обратить въ пользу гимназіи, *съ распространеніемъ права гимназіи на оныя до такой отдаленности времени, колико человѣческія предположенія въ пространство будущаго углубиться могутъ*; чтобъ и по смерти его *все, что найдется къ печатанію терпимымъ*, не инымъ какимъ либо образомъ явилось въ публикѣ, какъ съ доставленіемъ всѣхъ отъ того выгодъ и прибытковъ въ пользу гимназіи. Это предположеніе, какъ мы увидимъ послѣ, не состоялось.

Далѣе изъявлялъ онъ желаніе, чтобъ польза гимназіи отъ сихъ изданій состояла въ приобрѣтеніи не денегъ, а книгъ, дабы со временемъ основалась въ владимірской гимназіи библіотека, и чтобы для сего назначена была та комната, въ которой скончалась жена его (Княгиня Евгенія); почему просилъ директора принять въ завѣдываніе гимназіи и собственные его для содержанія книгъ шкафы.

Къ этому прибавляетъ онъ и причину пожертвованія, которая состояла въ томъ, что время перваго изданія его сочиненій была та эпоха, въ которую онъ

наименованъ начальникомъ Владимірской губерніи, и что московскому университету онъ обязанъ раскрытіемъ своихъ дарованій. На все это, то есть, какъ на пожертвованіе, такъ и на обращеніе въ библіотеку той самой комнаты, гдѣ скончалась жена его, Князь Долгорукой сдѣлалъ формальный актъ, въ родѣ духовнаго завѣщанія, который былъ принятъ и утвержденъ университетомъ.

„Университетъ" (говоритъ онъ въ своихъ запискахъ) „удовлетворяя моему желанію, прислалъ на мое имя „бумагу, изъявляющую лично его мнѣ признательность „за мое приношеніе; а директору наслано повелѣніе: „*оставя помянутый покой въ настоящемъ его видѣ*, „*выставить въ немъ бюстъ мой и женнинъ, сдѣлать* „*ковчегъ для сохраненія моего акта и украсить его* „*приличною надписью съ краткою біографіей покойной* „*въ память ея рѣдкимъ достоинствамъ душевнымъ*. Я „чрезвычайно былъ обрадованъ такимъ вниманіемъ уни„верситета, и тѣмъ болѣе, что онъ не самъ собою „только, но съ дозволенія товарища г. министра „просвѣщенія М. Н. Муравьева удостоилъ меня „такой отличительной чести." — Такъ общественныя учрежденія и лица оффиціальныя, оставляя строгую формальность, съумѣли въ этомъ случаѣ согласить ее съ теплотою человѣческаго чувства. Только при холодномъ автоматизмѣ бюрократіи такія оффиціальныя удовлетворенія чувствованіямъ сердца дѣлаются невозможны, какъ выходящія изъ служебнаго порядка! — „По нѣко„торомъ времени," продолжаетъ Князь Долгорукой, „ко„мната приняла предназначенный ей видъ. Въ ней моимъ „коштомъ сдѣланъ куполъ на столбахъ, подъ коимъ на „площадкѣ, тремя ступенями отъ полу возвышенной, по„ставлены были мой бюстъ и женнинъ на высокихъ „колоннахъ Между ими, на лакированной тумбѣ, раз-

„золоченный рѣзной ящикъ скрывалъ въ себѣ вышепи-„санный актъ. На ящикѣ изображалась надпись въ „стихахъ моего сочиненія (*). Выше его на стѣнѣ „повѣшена была доска, съ краткимъ описаніемъ рода, „воспитанія и жизни покойной жены моей. Памятникъ „сей, прекрасно отработанный и представляющій надъ „собою гербъ фамиліи Долгорукихъ, отмѣнно украшалъ „комнату, и во всей своей неприкосновенности, до „выѣзда моего изъ Владиміра, и даже послѣ, слышалъ „я, сохранился. Всѣ стѣны комнаты занимались шка-„фами съ книгами; а монументъ стоялъ на самомъ томъ „мѣстѣ, гдѣ скончалась Княгиня. Тяжело очень мнѣ „будетъ, если когда-либо при жизни моей упразднится „этотъ памятникъ. Молю Бога, да благословитъ на всег-„да сіе дѣло рукъ моихъ. Но люди умѣютъ ли что ни-„будь цѣнить достойнымъ образомъ! Падали бронзы, „сокрушались мраморы, истреблялись лики божества! „И мнѣ ли смѣть надѣяться, что устоитъ противъ тли, „все въ свѣтѣ губящей, мавзолей безцѣнной для меня, „но для свѣта едва извѣстной, супруги! — Tempus edax „rerum!“

Когда мнѣ, нынѣшнему біографу Князя Долгорукаго, поручено было отъ Общества любителей словесности написать о немъ и его сочиненіяхъ, тогда ректоръ университета сносился, по предмету пожертвованія Князя Долгорукаго, съ тогдашнимъ директоромъ владимірской гимназіи, Дмитревскимъ. Въ отвѣтѣ своемъ (отъ 19 Іюля 1824), утверждая все вышеписан-

---

(*) Вотъ эта надпись:

Евгенія была изящность естества;
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души зрѣлъ образъ божества!

ное, онъ дополняетъ это исчисленіемъ и другихъ, по его выраженію, *благодѣяній* Князя Долгорукаго въ пользу просвѣщенія народнаго. — „Князь Долгорукой,“ пишетъ онъ, „принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ и „благосостояніи гимназіи, посѣщая всѣ публичные акты „оной, также поощряя и содѣйствуя къ учрежденію „литературныхъ бесѣдъ, которыя ознакомливать съ публикою и одушевлять своимъ присутствіемъ — было „всегда приятнѣйшимъ его удовольствіемъ. Для поддер„жанія гимназіи онъ согласилъ дворянство отпускать „въ годъ по сту и по двѣсти рублей отъ каждой округи „(или уѣзда) на содержаніе двѣнадцати пансіонеровъ изъ „бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей; *каковое заведеніе сущест„вовало, пока онъ былъ начальникомъ губерніи.* Его „же начальственнымъ содѣйствіемъ общество всѣхъ уѣзд„ныхъ городовъ Владимірской губерніи опредѣлило „на содержаніе учрежденныхъ въ нихъ *приходскихъ „училищъ* отпускать ежегодно отъ ста до двухъ сотъ „рублей.—Подаренныя имъ книги, (заключаетъ дирек„торъ), дѣйствительно составляютъ лучшую часть гим„назической библіотеки.“

Таковы были дѣйствія Князя Долгорукаго на пользу просвѣщенія ввѣренной ему губерніи. Въ слѣдующемъ году вышло второе изданіе его сочиненій въ типографіи Пономарева. Но гимназія не воспользовалась на этотъ разъ выгодами, предоставленными ей авторомъ. Скажу объ этомъ подробнѣе, когда буду говорить о третьемъ изданіи.

Этотъ годъ былъ для Россіи, какъ и предыдущій, годомъ тревоги. Хотя первая война съ французами казалась конченною, но мирный договоръ 8 Іюня не былъ ратификованъ Александромъ; а 30 Ноября послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи въ Россіи 612 тысячъ земскаго войска, названнаго милиціею. Все взволновалось:

было какое-то предчувствіе 1812 года! — Дворянство собрано было во Владиміръ и немедленно приступило къ раскладкѣ повинности набора по числу душъ, къ выбору изъ своего сословія офицеровъ милиціи и къ пожертвованіямъ денежнымъ, вполнѣ добровольнымъ.— „Пока господа дворяне," говоритъ Князь Долгорукой, „дѣлали свое дѣло, я вымучивалъ у купцовъ денежныя „подаянія въ казну. Всякой городъ прислалъ въ губерн-„ской своихъ головъ съ депутатами. Собравъ ихъ всѣхъ „въ залу, я имъ проговорилъ рѣчь. Слово мое подѣй-„ствовало: разгорѣлись утробы, и купечество положи-„ло на столъ 120 тысячъ наличныхъ денегъ, на вспо-„моженіе казнѣ;" но и энтузіазмомъ дворянства, кажется, Князь Долгорукой не былъ вполнѣ доволенъ. Не мудрено! Это былъ еще не 1812 годъ, когда бѣдствіе было для всякаго очевидно, когда бѣда касалась до всякаго лично. Вотъ что̀ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ: „Смѣю сказать, что россійское дворянство „померкло и пало навсегда. Дозвольте приложить мнѣ „сюда примѣръ самый простой. Налейте въ бутылку „спирта двѣ части, или болѣе, воды. Загорится ли на „огнѣ? Точно такъ и дворянство. — Всѣ состоянія въ „него ворвались: и церковники, и купцы, и холопи. „Чему быть хорошему? Чему горѣть?"—Мысль, въ нѣкоторомъ отношеніи, истинная: обвиняя людей, можно винить ихъ лично, но не цѣлое сословіе.

Въ слѣдующемъ году (1807) въ каждую изъ девяти областей, на которыя была раздѣлена Россія по случаю милиціи, посланы были сенаторы для обревизованія дѣйствій по набору земскаго войска. Въ Владиміръ былъ назначенъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Съ этаго времени сблизился съ нимъ Князь Долгорукой, узналъ его, оцѣнилъ по достоинству, и это знакомство осталось прочнымъ. „Лопухинъ," говоритъ

онъ, „дѣлалъ свое дѣло, и изъ центра его за окруж-„ную черту не вступалъ: все, что не относилось пря-„мо къ милиціи, было для него дѣломъ постороннимъ. „Онъ умѣлъ отдѣлять, въ поступкахъ чиновниковъ, „необходимость отъ произвольнаго насилія.“—Съ своей стороны правдивый Лопухинъ, какъ видно изъ его собственныхъ записокъ, доносилъ Государю изъ Владиміра, отъ 8 Марта 1807 года, что „все, касающееся „до составленія земскаго войска, *со стороны граждан-„скаго начальства,* при ревностномъ подвигѣ всѣхъ „сословій Владимірской губерніи, весьмо хорошо „устроено.“

Князя Долгорукаго, дѣятельнаго, пылкаго, страстнаго и всегда увлекавшагося, доставало на все! Знавшіи его лично, нельзя не удивляться, какъ у него одно не мѣшало другому. И дѣла сердца шли у него наравнѣ съ дѣятельностію служебною! Я упомянулъ уже прежде о первомъ знакомствѣ его съ Пожарскою, при которомъ онъ не упустилъ назвать ее въ своихъ запискахъ пригожею и любезною. Онъ не могъ оставаться одинокимъ; а сердце человѣческое всегда будетъ тайною не только для другихъ, но и для самаго себя. Память о Евгеніи все оставалась для него тою же святынею; время не истребило и въ послѣдствіи горестнаго чувства о томъ блаженствѣ, которое не разлучно съ первою любовію: оно нисколько не изгладило благоговѣйнаго воспоминанія о ея добродѣтеляхъ; но жизнь требуетъ живаго ощущенія, а настоящее всегда живѣе прошедшаго. Онъ же такъ легко обольщался своимъ воображеніемъ! Много говорило ему въ пользу Пожарской и то обстоятельство, что она была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, вмѣстѣ съ первою его женою, и была выпущена въ одинъ годъ съ нею.—Какъ бы

то ни было, но сердце его опять возгорѣлось! —Страстный по природѣ, онъ, надобно сказать, любилъ еще баловать въ себѣ раждающееся чувство, давать ему полную волю, помогать ему тою мечтательностію, которая, питаясь чтеніемъ Новой Элоизы и другихъ пламенныхъ и нѣжныхъ романовъ того времени, была тогда, такъ сказать, въ воздухѣ! —Нельзя было и ему отказаться отъ исполненія всѣхъ законовъ нѣжной страсти, налагаемыхъ тогдашнимъ духомъ времени. Надобно было и ему вступить въ пламенную переписку съ новымъ предметомъ любви, и непремѣнно на французскомъ языкѣ! —Пожарская и сама знала хорошо пофранцузки; но отвѣты ея превзошли всѣ ожиданія Князя Долгорукаго! —Что за стиль! Что за чувства! —Le papier brûle, какъ говаривалъ онъ, по выраженію кого-то изъ тогдашнихъ французскихъ писателей! — Все это было масло, подливаемое на огонь! — И Князь Долгорукой, послѣ трехлѣтняго вдовства, вступилъ во второй бракъ съ Аграфеною Алексѣевною, урожденною Безобразовой, а по первому мужу Пожарскою. Онъ такъ отмѣтилъ это въ своихъ запискахъ: „13 Генваря я принялъ „новыя узы. Пожарская сдѣлалась Княгинею Долгору„кой.“—Она принесла съ собой въ приданое небольшое имѣніе, состоявшее изъ 200 душъ, въ деревнѣ Александровкѣ, Шуйскаго уѣзда, и винокуренный заводъ, наслѣдованный ею отъ перваго мужа.—Она была добрая, разсудительная и достойная уваженія женщина; но совсѣмъ не пламенная, какъ воображалъ Князь Иванъ Михайловичъ по ея письмамъ. — Спустя нѣкоторое время послѣ замужства, она просто и откровенно призналась ему, что зная мастерство его въ французскомъ языкѣ, (онъ дѣйствительно прозою писалъ лучше пофранцузски, чѣмъ порусски,) ей стыдно было показаться передъ нимъ не такою мастерицею въ эписто-

лярномъ слогѣ, и что письма ея писалъ одинъ французъ, учитель ея сыновей отъ перваго мужа. — Князь нахмурился; потомъ вдоволь нахохотался, и самъ послѣ разсказывалъ объ этомъ: эта добродушная откровенность нисколько не возмутила ихъ согласія. — Между тѣмъ живую грусть сердца о невозвратимой потерѣ Евгеніи и неостывшую теплоту воспоминанія свидѣтельствуютъ всѣ стихотворенія поэта, писанныя имъ во время вдовства его, собранныя въ особую книгу и изданныя въ 1808 году, подъ названіемъ: *Сумерки моей жизни.* — Какъ объяснить это? Не вмѣстимостію ли человѣческаго сердца, неразгаданнаго человѣкомъ? — Во время самой свадьбы мысль о Евгеніи не покидала его! — „Не потаю," говоритъ онъ, „что во время свадеб-„наго бала, въ томъ домѣ, гдѣ съ Евгеніей я прежде „танцовалъ, вкрадывались минутныя чувствованія въ „мое сердце, такія, кои смущали его и заставляли его „биться не отъ одной чистой радости." — Онъ любилъ вторую жену свою и признавалъ ея достоинства; но когда остыло воображеніе, очень вѣрно упомянулъ объ ней въ своихъ запискахъ: „Я не сравню ея съ Евгеніей," говоритъ онъ. „Та не имѣла образца своего! Не отни-„му и у этой должной справедливости. Она женщина „милая, любезная, хорошая; чего же больше? — Я съ „ней имѣлъ всѣ причины ожидать спокойной старости, „что̀ для меня было всего нужнѣе, и я благодарю все-„дневно Бога, избравшаго ее къ облегченію многихъ „золъ, ожидавшихъ меня въ грядущихъ дняхъ жизни."

Пирами этой свадьбы Князя Долгорукаго и всѣми наружными обрядами распоряжался нѣкто г. Дуровъ. Я долженъ упомянуть о немъ, потому что странный характеръ этаго человѣка служитъ къ объясненію одного литературнаго произведенія Князя Долгорукаго. — Вотъ что̀ говоритъ онъ о немъ, по случаю своей свадьбы:

„Дуровъ любилъ всякія церемоніи. Гробъ и вѣнецъ „были для него все равно, только бы распоряжаться, „суетиться и думать, что онъ необходимъ. Въ то же „время, какъ я женился, скончалась въ городѣ г-жа „Языкова, дама перваго разбора въ провинціи и гене„ральша.—Чегожъ больше?—Дуровъ и тутъ!—Но какъ „быть? Жена моя, несовсѣмъ равнодушная къ нѣкото„рымъ примѣтамъ, не хотѣла, чтобы одно и то же „лицо распоряжало свадебные пиры и похоронныя це„ремоніи. — Дурову хотѣлось угодить женѣ; но также „хотѣлось посуетиться и у Языковыхъ. — Чтожъ? — „Онъ, потихоньку отъ насъ, давалъ и тамъ совѣты, „наряжалъ духовныхъ людей, распредѣлялъ имъ плату; „и совокупно жарилъ миндальную трубу на свадьбу и „кроилъ покровъ на усопшую. Рѣдкое снисхожденіе! „Кто бы, не знавъ его, не подумалъ, что онъ истин„ный другъ человѣчества, и изъ одного чистаго усер„дія къ ближнему смѣется въ одномъ мѣстѣ, и плачетъ „въ другомъ! Ничего не бывало! Все изъ того, чтобы „*значить* и похвастаться: кабы не я, не то бы было! — „Рѣдкой оригиналъ въ своемъ родѣ!“

Въ другомъ мѣстѣ Князь Долгорукой упоминаетъ о Дуровѣ, говоря о владимірскомъ благородномъ собраніи, по тогдашнему, о Редутѣ: „Поселившись во „Владимірѣ, безъ имѣнія и безъ всякаго дѣла, Дуровъ, „богатый тамбовской помѣщикъ, отличался болѣе двѣ„надцати лѣтъ титуломъ старшины владимірскаго ре„дута. Всѣ его упражненія состояли въ убранствѣ сто„ла и залы для публичныхъ съѣздовъ. Онъ всякаго „члена встрѣчалъ и провожалъ; велъ приходу и расхо„ду, (которыхъ было 600 рублей въ годъ,) акуратныя „и прошнурованныя книги, какія у генералъ-контро„лера ведутся всей казнѣ государства; вымышлялъ, „когда, гдѣ и какой краской вымазать фонарь, и чѣмъ

„налить плошку. Кормилъ прекрасно, и въ клубѣ, и „у себя, а самъ ѣлъ лучше всѣхъ. Коверкалъ нѣсколь-„ко французскихъ словъ, и думалъ, что говоритъ пре-„восходно. Влюбленъ былъ во всякую церемонію и „крушился, когда какая нибудь церемонія въ городѣ „обходилась безъ его трудовъ. Впрочемъ же для него „было все равно: свадьбы и похороны, балъ и выносъ; „лишь бы онъ распоряжался, посылалъ карточки, сзы-„валъ гостей, и могъ бы, запыхавшись, быть всегда „въ недосугѣ. Онъ то былъ директоръ нашего собра-„нія. Его заслуги долго будутъ во Владимірѣ громки. „Когда я хотѣлъ знать, много ли, или мало людей въ „клубѣ будетъ, лучше всякой полиціи меня увѣдом-„лялъ нашъ старшина. На поварнѣ бывалъ указатель-„ный знакъ числу гостей: много ли гостей — большая „труба; мало гостей—нѣтъ трубы. Поваръ его гото-„вилъ изъ тертаго миндалю превеликую башню, кото-„рую онъ называлъ трубою; и когда собраніе было „больше, то труба становилась на виду у всѣхъ; ког-„да мало, то миндалю не покупали и въ трубу не сви-„вали. Я всегда съ удовольствіемъ вспомню тѣ тысячу „и одну миндальныя трубы, которыя я, по милости „нашего дороднаго старшины, приѣлъ въ клубахъ и „воксалахъ, у него въ знаменитые фамильные празд-„ники, и на тѣхъ пирахъ, коими онъ руководство-„валъ."

Этотъ-то оригиналъ, Дуровъ, видно, не выходившій своими странностями изъ памяти Князя Долгорукаго, черезъ восемь лѣтъ послѣ его свадьбы, послужилъ ему сюжетомъ для его комедіи *Дурыломъ*, въ которой не забыта и миндальная труба, и о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ этомъ году, когда Князь Долгорукой казался такъ доволенъ судьбою, и домашнимъ счастіемъ, и

службою, въ Петербургѣ произошла перемѣна въ министерствѣ, а для него перемѣна начальства, что̀, кажется, неприятно на него подѣйствовало. „Не бывъ никѣмъ предупрежденъ о смѣнѣ министра,“ говоритъ онъ, „получилъ я вдругъ на одной почтѣ партикулярное „письмо отъ Графа Кочубея, циркулярно ко всѣмъ „губернаторамъ отъ него посланное, и оффиціальное „предписаніе отъ Князя Куракина. Первый, прощаясь „съ нами, благодарилъ за труды наши и вспомоще„ствованіе ему каждаго изъ насъ по своей губерніи „въ отправленіи важной его должности. Послѣдній „грознымъ образомъ сулилъ намъ уже предварительно, „какъ преступникамъ, обличеннымъ въ какомъ-либо „злодѣяніи, наказанія, взысканія и самый гнѣвъ мо„наршій, буде мы не станемъ дѣла своего дѣлать по„рядочно. Тотъ писалъ перомъ золотымъ; этотъ чугун„нымъ. Кочубей оставлялъ друзей; Куракинъ собиралъ „подъ знамя свое рабовъ.“—Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Говоря собственно о себѣ, я обязанъ отдать „Графу Кочубею ту справедливость, что ни на какое „мое представленіе я не оставался болѣе мѣсяца безъ „отзыва. Нѣсколько лѣтъ трудовъ подъ его руковод„ствомъ дали мнѣ примѣтить, что онъ рожденъ съ от„личными способностями для государственныхъ уп„ражненій. Сколько противъ министерствъ ни возраж„далось разсказовъ, признаться должно, что много „проистекло добра изъ этаго источника, пока онъ не „засорился!“—Далѣе продолжаетъ онъ такъ о настоящей перемѣнѣ: „И такъ, я пересталъ служить подъ „начальствомъ Графа Кочубея; но не пересталъ его „чтить и помнить. Онъ меня уважалъ: я въ этомъ „былъ увѣренъ; онъ меня отличалъ отъ многихъ моихъ „собратій: я это знаю; онъ мнѣ хотѣлъ добра: я въ „этомъ имѣю опыты; а всего больше онъ цѣнилъ мои

„труды. Довольно, чтобы я былъ вѣчно ему благода-„ренъ. — Поступки Кочубея были прямая награда да-„рованіямъ личнымъ. Я ими могъ, во все время его „начальства, хвалиться, и службу государскую тогда „только почитать буду прямымъ удовольствіемъ для „истинно благороднаго человѣка, когда судьба прино-„дитъ его къ счастію служить подъ такимъ умнымъ, „просвѣщеннымъ и благороднымъ вельможей, какимъ „навсегда останется въ глазахъ моихъ Графъ В. П. „Кочубей.—Одна знатная и пожилая барыня, которая, „по роду своему и по имени, брала во мнѣ участіе, „на восхитительные мои съ нею разговоры о Кочубеѣ, „сказала мнѣ нѣкогда: „Я тебя знаю давно; ты все „любишь пустое молоко!“ — Молокомъ она называла „хорошіе поступки, не сопровождаемые чѣмъ-либо ве-„щественнымъ, какъ-то: лентой, чиномъ, или паче все-„го деньгами,—общій талисманъ въ нашемъ мірѣ. — Я „имѣлъ честь ей отвѣтствовать: „Такъ, Ваше Сіятель-„ство! Я люблю пустое молоко, потому что оно здо-„рово и не портитъ желудка; а густыя сливки часто „свертываются и производятъ индижестію.“ — „Впро-„чемъ,“ прибавляетъ онъ, „и въ смыслѣ матеріальномъ „Графъ Кочубей оказалъ мнѣ два значущія благодѣя-„нія: выпросилъ мнѣ чинъ тайнаго совѣтника и сто-„ловыя деньги при самомъ лестномъ рескриптѣ. Чего „же болѣе въ пять лѣтъ его министерства?“ — Такъ Князь Долгорукой всегда вспоминалъ съ горячею благодарностію всякое добро, ему оказанное; не мудрено, что онъ такъ же горячо помнилъ и оскорбленія: съ тою только разницею, что первое онъ помнилъ всегда, а при вторыхъ умѣрялъ негодованіе, сколько могъ по человѣчеству, заповѣдію прощать врагамъ своимъ. А въ этомъ правилѣ онъ имѣлъ нужду во все продолженіе своей службы.

Вскорѣ постигла его немаловажная болѣзнь, которая привела въ большой страхъ его семейство; а оно, надобно замѣтить это, такъ любило отца, какъ всякой отецъ желалъ бы быть любимымъ. Для него же—любовь близкихъ, тѣмъ болѣе дѣтей, составляла все его счастіе и необходимость для его сердца. Выздоровленіе его было настоящимъ торжествомъ для дѣтей его. Я потому болѣе упоминаю объ этомъ случаѣ что въ это-то время (1808) дѣти дали ему тотъ спектакль, на которомъ сыграна была, какъ онъ выражается, въ первый и въ послѣдній разъ, его комедія *Отчаяніе безъ печали*, написанная (1798), какъ упомянуто мною прежде, для спектакля въ домѣ Князя Волконскаго, въ Москвѣ, и къ представленію которой было тогда столько препятствій, которыя мѣшали спектаклю. Тогда для молодаго Князя Долгорукаго это была одна изъ важныхъ помѣхъ жизни: тѣмъ болѣе, черезъ столько лѣтъ и совсѣмъ уже въ другихъ обстоятельствахъ, этотъ дѣтскій спектакль былъ для него отраднымъ событіемъ. Но съ нимъ какъ будто соединялось что-то роковое. Болѣе всѣхъ заботилась о семейномъ праздникѣ старшая дочь его, Княжна Марья; а ей и самой оставалось не долго жить на свѣтѣ.

Перемѣна начальства и другія обстоятельства, (ибо и тогда поклоненіе Петербургу было необходимое условіе успѣховъ по службѣ), побудили Князя Долгорукаго побывать (1808) въ Петербургѣ, куда онъ и поѣхалъ не одинъ, а съ семействомъ. Онъ не любилъ разставаться съ своими; между тѣмъ ему хотѣлось познакомить дѣтей съ красивой столицей и доставить имъ нѣкоторое развлеченіе. Проѣзжая черезъ Новгородъ, показалъ онъ имъ то кладбище, гдѣ дѣдъ его, Князь Иванъ Алексѣевичъ, обезглавленный на эшафотѣ,

былъ похороненъ безъ всякой почести, какъ опальный, какъ преступникъ. „Мы пролили совокупно надъ нимъ,“ говоритъ онъ, „слезы христіанскаго умиленія и поручили снова судьбы свои Богу.“

Новый министръ Князь Куракинъ, желая отличить губернаторовъ въ общемъ мнѣніи, исходатайствовалъ у Государя дозволеніе представлять ихъ особо, въ кабинетѣ, а не на ряду съ другими представляющимися лицами, какъ это было прежде. Этимъ средствомъ, думалъ онъ, Государь легче могъ бы узнать каждаго начальника губерніи, поговоря съ нимъ о предметахъ, относящихся до ввѣреннаго ему управленія. Но на дѣлѣ цѣль осталась не достигнутою: особыя представленія губернаторовъ сдѣлались только особою почестію. — Такъ и Князь Долгорукой, 27 Іюля, на Каменномъ островѣ, былъ представленъ Государю въ его кабинетѣ. 9 Августа Княгиня и старшая дочь Князя, Княжна Марья, были представлены Государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая приняла ихъ съ особенною милостію. Потомъ всѣ они ѣздили въ Павловское и представлялись вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и всей царской фамиліи; послѣ чего были приглашены на обѣдъ къ Императрицѣ и на вечеръ. — Въ той самой комнатѣ, гдѣ на этомъ вечерѣ танцовали, бывали нѣкогда, при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, спектакли, въ которыхъ Князь Долгорукой такъ отличался своею сценической игрою! — Государыня, подойдя къ нему, сама напомнила ему объ этомъ. Въ эту минуту чувства Царицы и подданнаго конечно слились въ одно и были равно растроганы; что̀ рѣдко бываетъ! У Государыни — воспоминаніе о Императорѣ Павлѣ; у подданнаго воспоминаніе о первомъ сближеніи съ Евгеніей, о лучшихъ дняхъ молодой жизни! — А Князь Долгорукой давно

уже приводилъ себѣ на память все прошлое и сравнивалъ его съ настоящимъ, и это сравненіе было не совсѣмъ къ выгодѣ послѣдняго; къ воспоминаніямъ счастія примѣшивались и несбывшіяся надежды, и наконецъ неудачи и неприятности по службѣ. „Сколько „событій,“ говоритъ онъ, „приводилъ я на память, стоя „смиренно у гипсоваго столба, подлѣ Дмитріева, ко„торый тогда былъ сержантъ, а нынѣ сенаторъ, и „накладывалъ на меня штрафы.“ — Само собою разумѣется, что Дмитріевъ, какъ сенаторъ, накладывалъ эти штрафы не одинъ, а вмѣстѣ съ другими, по опредѣленіямъ Сената; но сравненіе тогдашнихъ служебныхъ отношеній съ прежними, по гвардіи, натурально болѣе всего оскорбляло Князя Долгорукаго, потому что по гвардейской службѣ онъ былъ старше Дмитріева. — Но онъ забылъ вѣроятно, что началъ службу 17 лѣтъ съ офицеровъ арміи и тѣмъ же чиномъ былъ переведенъ въ гвардію; а Дмитріевъ, начавъ служить съ 14-лѣтняго возраста, служилъ въ гвардіи, какъ и Державинъ, солдатомъ. — Тутъ мудрено считаться! — Оба же они попали на ту переходную границу, между Екатерины и Александра, когда всѣ условія службы перемѣнились. Впрочемъ никто не можетъ похвалиться, чтобъ онъ былъ вполнѣ свободенъ отъ этихъ маленькихъ слабостей честолюбія, которыя зашевелились и въ Князѣ Долгорукомъ при этомъ случаѣ.

Наконецъ, 25 Августа, дана ему была Анненская лента, первый и послѣдній орденъ, имъ полученный: другихъ у него не было. „Нельзя описать, говоритъ „онъ, восхищенія моихъ домашнихъ! Тотъ надѣвалъ „на меня ленту; другой прикалывалъ, третій нашивалъ „звѣзду. Жена, дѣти, и всѣ, хотѣли нарядить меня въ „нее скорѣе и казистѣе. Я внутренно благодарилъ Бога, „и радовался не лентѣ, но побѣдѣ надъ злодѣями мо„ими.“

Я сказалъ уже прежде о склонности Князя Долгорукаго къ предчувствіямъ, когда говорилъ о пожалованіи его чиномъ тайнаго совѣтника. Тоже возобновилось и при полученіи новаго отличія. „Среди во„сторговъ," говоритъ онъ, „которые въ семьѣ моей со„провождали сіе событіе, я внутренно чувствовалъ не„преодолимую боязнь. У всѣхъ есть какія нибудь при„мѣты. Опыты дали и мнѣ несчастное суевѣріе. Я „привыкъ видѣть, что всякое мое возвышеніе или „преслѣдуемо было, или вело за собою физическое зло! — „Давно ли, послѣ чина тайнаго совѣтника, котораго „такъ упорно искалъ я, лишился я Евгеніи? — Глядя „на Машу (старшую дочь) я невольно предчувствовалъ, „что красная лента предвѣстница новыхъ черныхъ дней „для моего сердца." — Мы увидимъ послѣ, что это предчувствіе его не обмануло; но возвратимся къ Петербургу.

Семейство Князя, и самъ онъ, любитель свѣтскаго общества и охотникъ до веселостей, вполнѣ навеселились въ Петербургѣ. „По чрезвычайному случаю," говоритъ онъ, „все соединилось въ тотъ годъ, чтобы „очаровать тамошнее наше пребываніе. На театрѣ „славная мамзель *Жоржъ* давала въ первый разъ *Фед„ру*, *Семирамиду*, *Танкреда*, и во всѣхъ лучшихъ тра„гедіяхъ своихъ соотечественниковъ отличалась. Дру„гая, того же края птица, мадамъ *Филисъ*, въ операхъ „производила восторги: пѣла, какъ ангелъ, выражалась „какъ божество; все ею плѣнялось и не могло наслу„шаться сладкаго ея голоса. *Дюпоръ*, прыгунъ первый „въ Европѣ, когда появлялся въ балетѣ, руки пухли „отъ плесковъ въ ладоши!"—„Все это мы видѣли, вездѣ „были; а моды, наряды, лакомства.... увы! сколько мы „убили тогда занятыхъ денегъ! Никогда, можетъ быть,

„Петербургъ не вмѣщалъ столько роскоши въ забавахъ, „какъ въ эго лѣто!“

Но чтоже замѣтилъ онъ въ духѣ общества въ это время? Вотъ что̀: „Не смотря,“ говоритъ онъ, „на „столь многочисленныя забавы, которыя приковывали „къ удовольствію и нѣгѣ умъ и сердце каждаго, мож„но было однако примѣтить, что духъ публики элект„ризовался обстоятельствами политическими. Начинали „изъ-подтишка ненавидѣть французовъ и желать войны „съ Наполеономъ. Всѣ примѣчали иго, налагаемое имъ „на насъ желѣзною рукою. Духъ народный нѣсколько „разъ оказывался даже среди увеселеній. Напримѣръ, „въ *Танкредѣ*, когда онъ, выходя на театръ, сказалъ: „A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère, „*(О сколь отечество сердцамъ великимъ мило)*! вся „публика затопала ногами. Рукоплесканія слышны „были даже на улицѣ; шуму унять нельзя было съ „четверть часа, и игра актеровъ отъ него остановилась совсѣмъ.—Въ другой разъ *Дюпоръ* пошалилъ и „не оказалъ должнаго уваженія къ требованіямъ публики. „Всѣ почти засвистали. Въ партерѣ началась суматоха. „Дамы выходили изъ ложъ въ замѣшательствѣ. Полиція „даже принуждена была унимать неустройство; и я „самъ слышалъ въ сѣняхъ, дожидаясь кареты, какъ „одинъ молодой человѣкъ съ запальчивостію упрекалъ „другаго, (который извинялъ Дюпора), что онъ *извергъ* „*и не любитъ своего отечества*, вступаясь за дерзкаго „француза. Вотъ до чего доходилъ духъ злобы про„тивъ этаго народа.“

Въ этотъ пріѣздъ Князя Долгорукаго, ему все удавалось въ Петербургѣ! — И онъ замѣчаетъ это, какъ нѣчто необыкновенное; и я самъ замѣтилъ, въ продолженіи моей жизни, что, передъ ударами судьбы,

она всегда даетъ на время отдохнуть намъ и нѣсколько насъ потѣшить. — Это невольнымъ образомъ напоминаетъ тотъ обѣдъ, который въ притворѣ темницы давался въ Римѣ осужденнымъ мученикамъ, наканунѣ ихъ казни. — Срокъ отпуска Князя Долгорукаго истекалъ 1 Сентября. Указъ о наборѣ рекрутъ былъ уже объявленъ. Не смотря на это, ему удалось получить отсрочку на мѣсяцъ. Кромѣ того, два старшіе его сына, которые учились въ гётингенскомъ университетѣ, возвращались на родину. Прежде новаго года они не могли вступить въ службу. — Князь Куракинъ исходатайствовалъ и для нихъ, безъ всякаго затрудненія, исключеніе изъ общаго правила. Князь Долгорукой былъ совершенно доволенъ своей поѣздкой; но предчувствіе не переставало томить его....

На возвратномъ пути въ Москву, приближаясь къ Черной Грязи, вдругъ увидѣлъ онъ скачущую на встрѣчу коляску, и изъ нея бросились къ нему на шею сыновья его, пріѣхавшіе изъ чужихъ краевъ. Но въ самое то время, какъ всѣ они, вышедши изъ экипажей, на чистомъ полѣ, кидались обнимать другъ друга, Князь искалъ глазами старшей дочери. Она стояла въ сторонѣ блѣдная, полуживая, и кровь фонтаномъ лила у ней изъ горла Открылась чахотка! — „Такъ," подумалъ отецъ, „конецъ Евгеніи скоро постигнетъ и дочь „ея, живой образъ достойной ея матери!"—Должно было оставить ее въ Москвѣ; и вскорѣ мрачныя предчувствія исполнились! — Въ то время, когда онъ, отвлеченный отъ нея службой, занимался въ Владимірѣ наборомъ рекрутъ, въ Москвѣ готовился уже ударъ отеческому сердцу. Изнуренная чахоткой, Княжна Марья скончалась 20 Ноября, не доживъ до двадцатилѣтняго возраста. Она была погребена въ Донскомъ монастырѣ, возлѣ матери. „Хоронилъ ее," пишетъ Князь Долгорукой,

„грузинской архіерей, семидесятилѣтній старецъ, и „плакалъ надъ сей увядшей розой, которая, едва рас„пустившись подъ лучами солнца, уже скрывалась на „вѣки!"—Такъ близко на землѣ веселье отъ горя!

Нельзя при этомъ умолчать, по крайней мѣрѣ для контраста, и о другой родственной потерѣ Князя Долгорукаго. Въ началѣ 1809 года скончался въ Москвѣ двоюродный братъ его (по матери), Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Онъ готовился дать Москвѣ великолѣпный праздникъ, и въ самое это время былъ застигнутъ смертію. Князь Иванъ Михайловичъ имѣлъ причину не любить богатыхъ своихъ родственниковъ, о чемъ будетъ сказано у меня послѣ, говоря о наслѣдственномъ имѣніи Долгорукихъ. Вотъ какъ говоритъ онъ въ своихъ запискахъ о его кончинѣ: „Графъ Шереметевъ въ „это время испускалъ духъ на бархатномъ одрѣ, въ „богатыхъ стѣнахъ. Смерть не смотритъ на наши со„кровища; она жнетъ и въ хижинѣ, и въ чертогахъ. „Шереметевъ и по смерти хотѣлъ быть предметомъ „удивленія и молвы. Онъ велѣлъ схоронить себя въ „простомъ дубовомъ гробѣ, безъ всякой пышности. Воля „его исполнена; но на сей простой гробъ болѣе пяли„ли всѣ глаза, нежели на парчевыя покрывала другаго, „которыя наслѣдники часто кроятъ въ долгъ, изъ одной „суетности мірской. Шереметевъ разсыпалъ большія „подаянія въ монастыри и пустыни...."

О его отцѣ и объ немъ, о ихъ роскоши и великолѣпіи упоминаетъ Князь Долгорукой во многихъ своихъ стихотвореніяхъ, и между прочимъ въ одномъ, написанномъ имъ нѣсколько лѣтъ уже спустя послѣ его смерти, подъ названіемъ: *Прогулка въ Кусковѣ*:

Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ, какъ облака!

Кусково было всѣмъ запасно:
Спроси хоть птичья молока!
Куда пять пальцевъ ни протянешь,
Вездѣ приятности достанешь!
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего!

* *
*

. . . .
Театръ волшебный подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ!
Умолкли нѣжной груди звуки—
И *Кревъ меньшой* скончался въ скукѣ! (*)

* *
*

Пустыни нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли на верхъ подняться съ низу
Безъ лѣстницъ гость и господинъ,
И молча требовать оттуда,
Въ звонокъ, на столъ различны блюда!

* *
*

Изсякли мраморны фонтаны,
Нептуновъ сухъ водопроводъ,
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ!
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ,
И зной полдня варитъ все варомъ!

* *
*

Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола
Сзывалъ на край пруда матерый:—
Волна ихъ сизая несла,

(*) То есть: Графъ Николай Петровичъ.

Нырнутъ на пристань—усъ разложутъ
И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложутъ.

* *
*

. . . .
Куда владыка твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей;
Его печали не касались
И всѣ затѣи удавались!

Таковы были причуды тогдашней вельможеской роскоши, и таково описаніе Князя Долгорукаго, напоминающее совершенно, при всей своей оригинальности, манеру Державина въ этомъ родѣ. Жизнь Князя Долгорукаго, и все, его окружавшее, такъ тѣсно связаны съ его стихотворными произведеніями, что они сами, такъ сказать, просятся въ описаніе его жизни, какъ необходимая обстановка, которой біографъ никакъ не можетъ изобразить лучше самаго поэта. И потому, я думаю, что не прерву моего повѣствованія, если выпишу здѣсь еще нѣсколько куплетовъ, относящихся уже до *меньшаго Креза*, какъ называетъ его поэтъ:

И ты, *сей точки обладатель*,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращая плачъ,
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!

* *
*

Отъ всхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,

Послѣдній вздохъ пустилъ на злато:
Готовилъ пиръ—и умеръ вдругъ!
Вотще Москва твой прахъ блажила,
Лобзала, пѣла и кадила:

**
*

Ни ленты разнаго покрою,
Алмазны звѣзды съ жемчугомъ,
Ни груды денегъ за тобою
Не шли вослѣдъ въ твой новый домъ!
Урокъ данъ сильный небесами,
Чтобъ не плѣняться суетами;
Что время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего!

Такимъ воспоминаніемъ, не чуждымъ философскаго воззрѣнія на жизнь, и напоминающимъ собою Горація, привѣтствовалъ поэтъ своего родственника черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины.

Занимаясь наборомъ рекрутъ, Князь Долгорукой отмѣтилъ въ своихъ запискахъ ту замѣченную имъ странность, что хотя крестьянинъ нашъ неохотно идетъ въ рекруты; но какъ скоро принятъ, дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ и становится какъ бы въ враждебное отношеніе къ крестьянину. Вспомнимъ прежнее время, и мы найдемъ этому достаточную причину. Тогда не только не было безсрочныхъ отпусковъ, которые сближаютъ солдата съ оставленнымъ семействомъ, но и простые отпуски были величайшею рѣдкостію. Рекрутъ, готовясь на двадцатипятилѣтнюю разлуку, совершенно пропадалъ для семейства: по большей части эта разлука была вѣчная. Я помню даже, какъ рѣдко возвращались отставные солдаты. И потому замѣчаніе Князя Долгорукаго очень понятно,

хотя онъ выводитъ и другую причину. „Мужикъ," говоритъ онъ, „ничего такъ не боится, какъ солдата. „Ему не столько страшенъ его штыкъ и сабля, какъ „его хищность. Стоя постоемъ, солдатъ все тащитъ у „мужика изъ сусѣка, изъ амбара и со стола. У хозяина „нѣтъ ничего своего, пока тутъ солдатъ живетъ. Вотъ „чтò нашихъ поселянъ весьма безпокоитъ. И странное „дѣло! Рекрутъ, вчера взятый въ службу, уже назавтра „обходится съ своимъ братомъ мужикомъ, какъ съ „врагомъ, и все готовъ у него отнять. Въ естеств[illegible] „нашего народа есть какое-то предубѣжденіе, которое „заставляетъ его думать, что онъ не молодецъ, если не „прибилъ, не отнялъ, не ограбилъ кого бы то ни было. „О! еслибъ онъ иначе разсуждалъ, сталъ ли бы онъ „охотно драться самъ не знаетъ за чтò, и Богъ вѣ-„даетъ съ кѣмъ! Но ему все равно: свой ли, чужой ли, „лишь бы драться! — Николевъ совершенную аксіому „выпустилъ въ своихъ сочиненіяхъ, сказавъ гдѣ-то:

„Дѣло въ приказѣ — вотъ и причина!"

Въ этомъ году (1809) Князь Долгорукой, бывши въ Москвѣ и возвращаясь въ Владиміръ, объѣхалъ нѣкоторыя ближайшія мѣста къ своей губерніи, наиболѣе для него интересныя. Во время же пребыванія его въ Москвѣ замѣчательно было его свиданіе съ Митрополитомъ Платономъ, котораго, со всѣмъ своимъ семействомъ, онъ посѣтилъ въ Виѳаніи. Платонъ былъ предубѣжденъ противъ него за одинъ стихъ, написанный имъ еще въ молодости, въ Пензѣ, въ извѣстномъ посланіи *Къ швейцару*.

Купцамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю;
Попамъ, что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю.

Ему казалось, что этотъ послѣдній стихъ показываетъ въ авторѣ неуваженіе къ религіи. Князь зналъ это по многимъ доходившимъ до него отзывамъ знаменитаго іерарха. Но когда Платонъ состарѣлся, сдѣлался снисходительнѣе, и узналъ ближе объ истинныхъ чувствахъ поэта, онъ самъ сталъ сознаваться въ прежнемъ ошибочномъ заключеніи, и „какъ бы въ вознагражденіе за прежнее порицаніе,“ принялъ въ этотъ разъ Князя Долгорукаго съ особенною ласкою. Посѣтитель, съ своей стороны, слушалъ съ непрерывнымъ вниманіемъ поучительный разговоръ Платона, который въ этотъ разъ показался ему особенно *остроуменъ* и *сладкоглаголивъ*. Онъ сохранилъ о немъ неизмѣнное воспоминаніе, которое въ послѣдствіи запечатлѣлъ стихами на кончину Платона, гдѣ изображаетъ его такъ:

Въ училищѣ—отецъ, въ бесѣдѣ—любословъ,
Въ обители — монахъ, а въ кельѣ — философъ,
Грядущаго искалъ средь временнаго града!
Зря волка на пути, не бѣгалъ онъ отъ стада!
И Богъ, смутя врага, не попустилъ его
Ступить на мирный прахъ левита своего!

Эти послѣдніе три стиха относятся къ тому, что Платонъ, видя приближеніе непріятелей къ Москвѣ, не хотѣлъ выѣхать изъ Виѳаніи и съ трудомъ на это согласился; и что войска Наполеона не доходили до Троицкой Лавры и до Виѳаніи, любимаго мѣстопребыванія Платона.

Ѣдучи изъ Москвы окольною дорогою, вздумалъ Князь Долгорукой проѣхать, по близости, въ Касимовъ, городъ Рязанской губерніи. Одинъ изъ его предковъ былъ женатъ на дочери Касимовскаго Царя, очень богатаго человѣка, отъ котораго поступило въ

родъ Долгорукихъ село Волынское, отобранное въ 1730 году у Князя Алексѣя Григорьевича, при паденіи Долгорукихъ. Въ Касимовѣ существуетъ мечеть, и при ней было тогда кладбище съ особой палаткой, въ которой погребались потомки царскаго рода. Она тогда уже была вросшею въ землю, и съ давнихъ временъ никто въ ней не погребался. Стѣны ея обросли мхомъ, крыша одѣлась дерномъ, и густая роща раскидывала свои вѣтви вокругъ жилища мертвыхъ; но это-то кладбище и было цѣлію поисковъ Князя Долгорукаго. Здѣсь нашелъ онъ каменную гробницу, съ полустертою надписью, на которой однако разобралъ онъ имя той, которую искалъ. Это былъ надгробный памятникъ той мусульманки, на которой былъ женатъ его предокъ; на камнѣ было выставлено ея имя: *Султанъ-Фатьма.* Потомокъ поклонился до земли ея праху — „Все старинное насъ занимаетъ,“ говоритъ Князь Долгорукой; „это въ природѣ человѣка. Со временемъ, „можетъ быть, будутъ искать и моихъ сухихъ костей „праправнуки тѣхъ людей, живущихъ въ одно время „со мною, которые въ десять лѣтъ не спросятъ обо „мнѣ ни одного раза, куда я дѣвался. Такъ вертится „колесо суетнаго нашего міра!“ — При взглядѣ на этотъ памятникъ, въ Князѣ Долгорукомъ родилось новое любопытство: отчего покойница, бывшая Княгиня Долгорукая, погребена въ Касимовѣ, на мусульманскомъ кладбищѣ? Неужели, выходя за мужъ за христіанина, она не отреклась отъ магометанства? И какъ допущенъ былъ человѣкъ знатнаго рода жениться на татаркѣ, не принявшей крещенія? — „Всѣ эти недо-„умѣнія,“ говоритъ онъ, „остались, повидимому, на-„всегда безъ развязки. Лѣтописей фамильныхъ нѣтъ; „это не во вкусѣ нашего народа. Всякой поживетъ, и „умираетъ, не оставляя на письмѣ происшествій своей

„жизни. Думать должно, что са́нъ царской, а болѣе „того деньги, алмазы, жемчуги, расторгли всѣ препят-„ствія и допустили быть такому чудному браку!" — Послѣ своей отставки, живучи въ Москвѣ, Князь Долгорукой написалъ трагедію въ стихахъ, которую назвалъ: *Султанъ-Фатьма*, въ память своей прародительницы.

По возвращеніи его во Владиміръ, вышелъ (6-го Августа 1809) извѣстный указъ объ экзаменахъ, для полученія чиновъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника. Мысли Князя Долгорукаго, по случаю этаго указа, замѣчательны потому, что онѣ были отголоскомъ тогдашняго общаго мнѣнія. Указъ объ экзаменахъ, я помню это, произвелъ всеобщее негодованіе. Всѣ старики и люди пожилые, которыхъ засталъ новый законъ недошедшими до этихъ двухъ чиновъ, должны были уже на все остальное время службы лишиться надежды получить ихъ; ибо когда же имъ было начинать учиться, чтобы выдержать экзаменъ? — „Вѣчный титулярный совѣтникъ" сдѣлалось поговоркой.

„Говорятъ," замѣчаетъ Князь Долгорукой, „что „сей указъ сочиненъ Сперанскимъ, который будто бы „въ изданіи его крѣпко настоялъ для того, чтобы „унизить дворянство, весьма, по правдѣ сказать, худо „воспитывающееся, и всѣ мѣста наполнить церковни-„ками; ибо тѣ въ состояніи были всякой экзаменъ „выдержать. Того ли хотѣлъ Сперанскій, и онъ ли „точно выпустилъ этотъ указъ, я не знаю и до меня „это не принадлежитъ. Но мимоходомъ разсуждая о „свойствѣ постановленія сего, можно сказать, что сей „указъ произвелъ много шуму. Воспитаніе не получило „никакой пользы; напротивъ, явился новый способъ „развращенія. Никто не хотѣлъ терять чиновъ; но для

„достиженія ихъ нашлась дорога кратчайшая. Стали „покупать аттестаты; ихъ продавали; дворяне богатые „представляли ихъ, и получали чины, не выучась ни „римскому праву, ни своимъ законамъ. Нѣкоторые „молодые люди съ достаткомъ домогались аттестатовъ, „для того, чтобы поступить въ ассесоры; но въ стат„скіе совѣтники очень малое число чиновниковъ про„изводилось. Да и не могло быть иначе, потому что „всѣ наши совѣтники въ такихъ уже были лѣтахъ, что „ни одинъ безъ посмѣшища не могъ явиться на экза„менъ. По Владимірской губерніи мнѣ извѣстно, что „съ этаго указа никто не получилъ чина, хотя въ „коллежскихъ совѣтникахъ уже по два срока поло„женнаго времени выслужили. — Что же изъ того „вышло? — Увидя невозможность повышаться, рѣши„лись эту выгоду замѣнить другою: презрѣли чины, и „стали нагло воровать, дабы въ трудахъ службы нахо„дить какую либо личную выгоду."

Я привожу эти слова нетолько какъ личное воззрѣніе Князя Долгорукаго; но какъ отголосокъ тогдашняго общаго мнѣнія, которое всегда интересно знать для потомковъ. Я самъ, будучи тогда еще мальчикомъ, боялся ожидающаго меня въ будущемъ экзамена; дѣдъ мой, человѣкъ умный и просвѣщенный, разсуждая объ указѣ, говорилъ: „можно ли всему этому выучиться?" и когда, черезъ восемь лѣтъ послѣ того, я пріѣхалъ къ нему изъ Москвы съ студенческимъ аттестатомъ, онъ спросилъ меня съ недовѣрчивостію: „неужели ты все это знаешь?" — Но послѣдствія доказали, что ни одинъ, можетъ быть, законъ не имѣлъ столь благотворнаго дѣйствія. Университеты наполнились молодыми дворянами; знанія разлились съ неимовѣрною быстротою; и мы всѣ, тогдашніе молодые люди, благословляли въ послѣдствіи этотъ указъ,

расширившій кругъ нашихъ познаній, и давшій намъ большія преимущества просвѣщенія передъ стариками. Такъ всякое нововведеніе тяжело для людей пожилыхъ, заставляя ихъ вступить въ непривычную колею, и нечего винить ихъ за противоборство: они съ своей стороны правы. Но будущія поколѣнія, и только будущія, пожинаютъ плоды и благословляютъ судьбу свою! — Что касается до злоупотребленій, о которыхъ упоминаетъ Князь Долгорукой, они конечно были, и всего болѣе въ провинціяхъ, не принадлежавшихъ къ столичному, московскому округу. С.-петербургскаго университета тогда еще не было.

Въ самый день Рождества (1809) увидѣлъ Князь Долгорукой въ своемъ домѣ незнакомаго гостя, котораго посѣщеніе тронуло его до слезъ. Это былъ сибирякъ, *Бобровской*. Отецъ его былъ комендантомъ той крѣпости, или острога, въ которомъ содержались, въ Березовѣ, дѣдъ и бабка Князя, и гдѣ родился его отецъ. Подъ сострадательнымъ присмотромъ коменданта, они пользовались всѣмъ, что̀ могло хотя нѣсколько облегчить судьбу ссыльныхъ. Князь слыхалъ объ этомъ отъ своего отца; а Бобровской помнилъ все несчастное семейство. Дочь этаго Бобровскаго вышла за мужъ за Хитрова, и поселилась съ нимъ въ Москвѣ; а на ихъ дочери Серафимѣ, ожидавшей до тысячи душъ въ наслѣдство, женился родной племянникъ Князя, Графъ Андрей Петровичъ Ефимовской.— „Богатство,“ замѣчаетъ при этомъ Князь, „всѣмъ нравится.“ Дѣдъ новобрачной, Бобровской, узнавъ, что его потомство соединилось родствомъ съ родомъ тѣхъ самыхъ Долгорукихъ, которые жили подъ присмотромъ отца его, въ ссылкѣ, вздумалъ пріѣхать въ Москву, взглянуть на новое молодое семейство, и на обратномъ пути въ Сибирь, вмѣстѣ съ мужемъ внуки, Графомъ

Ефимовскимъ, — заѣхалъ во Владиміръ. „Съ какими „радостными и вмѣстѣ горькими слезами,“ говоритъ Князь Долгорукой, „видѣлъ я этаго почтеннаго ста- „рика, выслушивалъ, не пропуская ни одного слова, „съ жаднымъ вниманіемъ изъ устъ его повѣсть о вре- „менахъ прошедшихъ, о ссылкѣ моего дѣда, о услу- „гахъ, оказанныхъ ему его отцомъ. Онъ, видя меня „въ первой отъ роду, самъ плакалъ, напоминая исто- „рію отца моего, и я, на каждомъ ему вопросѣ, за- „хлебывался слезами и не могъ напитаться его бесѣ- „дой!“ — „Богъ да благословитъ васъ во всѣхъ отрас- „ляхъ!“ сказалъ ему Князь на прощаньѣ, „за то добро, „которое родитель вашъ не погнушался оказать, жив- „шимъ у него въ узахъ, дѣду и отцу моимъ.“ — „Боже! какъ неиспытанны судьбы твои! Думалъ ли „любимецъ Петра Втораго, Князь Иванъ Алексѣевичъ „Долгорукой, что нѣкогда домъ его свяжется узами „теснѣйшаго родства съ поколѣніемъ коменданта си- „бирскаго острога!“ — Бобровской не хотѣлъ остаться въ Москвѣ; онъ привыкъ къ Сибири: она казалась ему, говоритъ Князь, землей обѣтованной!

Въ концѣ этаго года, неизвѣстно почему, Князь Долгорукой сжегъ многія изъ своихъ рукописей; въ томъ числѣ и всѣ пензенскія бумаги, которыя были собраны у него подъ названіемъ *Статскаго журнала*. „Ни слогъ ихъ,“ говоритъ онъ, „ни самыя идеи меня „уже не плѣняли.“ Но много другихъ рукописей онъ не только сохранилъ, но даже привелъ въ порядокъ. Между прочимъ, въ досужные часы, онъ занимался исправленіемъ своихъ *Записокъ шведскаго похода*, и составилъ изъ нихъ цѣлую книгу. „Пусть прочтутъ „ихъ послѣ меня,“ говоритъ онъ, „и, если можно будетъ, „пусть ихъ тогда и напечатаютъ.“ — Эти записки

должны храниться и нынѣ у кого нибудь изъ его наслѣдниковъ.

По должности губернатора, онъ былъ озабоченъ въ это время (1810) перестройкою рабочаго и смирительнаго домовъ, которые, по умножающемуся числу содержащихся, оказывались тѣсны. Съ ними соединилъ онъ суконную фабрику на восемь становъ, какъ заведеніе, сдѣлавшееся необходимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Разрывъ съ Англіей заставилъ правительство заботиться о заведеніи внутри государства разныхъ издѣлій и промысловъ. Чтобы замѣнить колоніальный сахаръ, начали дѣлать его изъ свекловицы; цѣна на коммиссаріатскія сукна возвысилась чрезвычайно: начали разводить овецъ; и министерство внутреннихъ дѣлъ, желая произвести соревнованіе въ частныхъ фабрикантахъ, еще въ предшествовавшіе годы, поощряло начальниковъ губерній заводить казенныя суконныя фабрики, употребляя на тканье суконъ людей, содержащихся въ рабочемъ и смирительномъ домахъ: слѣдовательно соединеніе съ ними зданія фабрики соотвѣтствовало видамъ правительства. Но исполняя намѣреніе начальства, Князь Долгорукой не могъ однако не замѣтить, по этому случаю, страннаго выраженія въ предписаніи прежняго министра Князя Куракина, въ которомъ, для бо́льшаго убѣжденія въ предпринимаемыхъ мѣрахъ, сказано было для примѣра, что и въ Филадельфіи такимъ же образомъ поступаютъ съ невольниками. Человѣкъ обнаруживается въ немъ вездѣ: и въ поэтѣ, и въ лицѣ оффиціальномъ — Но видно, и занятія поэзіей его не оставляли, потому что въ своихъ запискахъ говоритъ онъ подъ 1810 годомъ: „Стихи „отнимали меня у меня самаго во всякое время; я былъ „всегда въ подданствѣ восторговъ, и не зналъ ни дня „ни часа, когда они вселятся въ умъ и въ душу."

Получивши отпускъ, 10 Іюня онъ со всѣмъ своимъ семействомъ поѣхалъ въ Одессу, избравъ тотъ самый путь, по которому, въ 1787 году, Екатерина путешествовала въ Кіевъ и Крымъ. Кто никогда не живалъ постоянно во внутреннихъ губерніяхъ, тотъ не можетъ понять, какъ необходимо иногда освѣжиться, взглянувъ на другой край, не только любопытный по особымъ какимъ нибудь отношеніямъ, но даже просто не похожій на свой: утомительное однообразіе нашихъ губерній усыпляетъ всѣ способности; освѣжить душу — было единственною цѣлью этой поѣздки. Онъ описалъ свое путешествіе особо, въ трехъ частяхъ, и упоминаетъ объ немъ въ своихъ запискахъ только мимоходомъ: „Для желающихъ узнать его въ подробно„сти," говоритъ онъ, „я сочинилъ большія три тетради, „кои могутъ иногда и позабавить простотою картинъ, „и живыми красками. Я въ описаніи томъ никого не „щадилъ, никому не льстилъ; говорилъ истину, и пи„салъ то, что̀ видѣли глаза, а не одно воображеніе." — Судя по этому намеку автора, путешествіе его должно быть очень занимательно. Оно вѣроятно и донынѣ сохраняется у дѣтей его. — 8 Сентября онъ возвратился къ должности.

Я говорилъ прежде объ уступкѣ губернаторскаго дома подъ гимназію. Для помѣщенія губернатора былъ выстроенъ новый, въ который 2 Ноября и переѣхалъ Князь Долгорукой „Для постройки его," говоритъ онъ, „выбралъ я наилучшее мѣсто въ городѣ, рядомъ „съ архіерейскимъ подворьемъ, надъ самой красивой „горой, къ приpѣчной сторонѣ, куда обращены были „всѣ приемные покои, какъ на самый лучшій город„ской видъ. Многіе укоряли меня, что я выставилъ „нежилыя строенія, принадлежащія къ дому, по ули„цѣ, и не обратилъ туда передняго фасада дома съ

„колоннами; но мнѣ казалось, что гораздо лучше „глядѣть изъ залы на Клязьму и на величественныя ея „окрестности, нежели смотрѣть, какъ мимо оконъ „съ базару скачутъ пьяные мужики по улицѣ.“ Мѣстоположеніе и наружный видъ дома, на горѣ, дѣйствительно живописны. Когда подъѣзжаешь къ Окѣ, по дорогѣ отъ Арзамаса, этотъ домъ, изъ-за рѣки, представляетъ прекрасную картину.

„*Ближніе мои далече отъ мене сташа!*“ Такъ начинаетъ 1811-й годъ Князь Долгорукой, въ своихъ запискахъ: „Истина сія богодухновеннаго мужа, говоритъ онъ, стала ощутительною и мнѣ при началѣ нынѣшняго года.“—Съ этаго времени начались для него особыя неудачи и непріятности по службѣ, имѣвшія вліяніе на всю остальную жизнь его.

Въ предшествовавшемъ году, какъ извѣстно, послѣдовало новое учрежденіе министерствъ, и учредилось новое министерство полиціи, котораго первымъ и послѣднимъ министромъ былъ А. Д. Балашовъ. Князь Долгорукой, испытавъ неоднократно, вмѣстѣ съ губернскимъ правленіемъ, выговоры и штрафы отъ Сената, вздумалъ написать частное письмо къ Балашову, въ которомъ, упоминая о выговорахъ, которые онъ признавалъ несправедливыми и обидными, и описывая убытки отъ штрафовъ, просилъ дать ему наставленіе: можетъ ли онъ, и какимъ образомъ можетъ жаловаться Государю. Но Балашовъ, получивъ письмо, вмѣсто отвѣта и наставленія, тотчасъ представилъ его въ оригиналѣ Государю. Государь приказалъ собрать справки, по какимъ именно дѣламъ штрафовано губернское правленіе; по собраніи же ихъ объявленъ былъ именной указъ, повелѣвающій разсмотрѣть въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ, вмѣстѣ съ письмомъ Князя Долгорукаго, всѣ опредѣленія Се-

ната, по которымъ состоялись выговоры и штрафы. Ходъ совершенно правильный и законный; но Князь Долгорукой смотрѣлъ на это съ своей точки зрѣнія. „Писавши письмо приватное, говоритъ онъ, естест„венно, что я употреблялъ *выраженія свободныя*; но „поелику обращалъ ихъ къ министру, то не былъ „столько простъ, чтобъ перейти границы терпимости. „Не знаю, хотѣлъ ли мнѣ Балашовъ зла, или добра!— „Кто проникнетъ чужую душу!" – Конечно, это была довѣрчивость, оправдываемая его характеромъ, вносившимъ и въ служебныя дѣйствія теплоту участія, которой онъ ожидалъ и отъ другихъ; однако, какъ же было поступить Балашову, какъ министру?—Отсовѣтовать ему жаловаться—значило бы лишить его возможности защитить себя; присовѣтовать — значило ободрить его къ жалобѣ на Сенатъ и на другое министерство, и тѣмъ самымъ предварительно взять его сторону. Само собою разумѣется, что эта косвенная жалоба, черезъ министра другаго вѣдомства, возбудила негодованіе Сената. „Такимъ образомъ", говоритъ Князь Долгорукой, „письмо мое сдѣлалось актомъ граж„данскимъ; и Сенатъ, въ огнѣ рвенія и досады, за то, „что я на него пожаловался, началъ придираться къ „разнымъ моимъ выраженіямъ, (вѣроятно къ тѣмъ, которыя онъ называетъ самъ *выраженіями свободными*,) „толковать ихъ въ предосужденіе себѣ и пылать на „меня гнѣвомъ".

Съ этаго времени (именно съ письма къ Балашову, писанному 1 Генваря) начались черные годы для Князя Долгорукаго. Къ этой несчастной жалобѣ присовокупилось и другое обстоятельство.

Въ день рожденія Княгини, 16 Іюня, Князь вздумалъ дать праздникъ. Около губернаторскаго дома, на площади, обращенной къ рѣкѣ, былъ насаженъ буль-

варъ съ небольшимъ палисадникомъ и съ перекрестными дорогами. На краю высокаго берега выстроена была площадка съ нѣсколькими ступенями, на которой могли усаживаться человѣкъ до тридцати; а на самой высокой точкѣ горы, откуда были во всѣ стороны прекрасные виды, была ротонда съ куполомъ и столбами, въ которой онъ иногда пивалъ чай, вышедши изъ купальни. Здѣсь-то разсудилось ему дать большой лѣтній праздникъ. Весь городъ былъ приглашенъ на балъ, который происходилъ въ шатрѣ, раскинутомъ между соборомъ и той бесѣдкой. Весь вечеръ молодые люди танцовали подъ наметомъ; въ сумерки вся площадь была уставлена плошками и разноцвѣтными фонарями; а передъ ужиномъ сожженъ былъ за рѣкой небольшой фейерверкъ.

Въ этотъ самый день, во Владимірѣ, ежегодно, послѣ торжественной литургіи въ соборѣ и крестнаго хода, отпускается обратно въ Боголюбской монастырь, находящійся въ десяти верстахъ отъ Владиміра, тамошняя икона Божіей Матери, которая съ 21 Мая по это число носится по всѣмъ Владимірскимъ приходамъ. Для обратнаго препровожденія ея въ монастырь назначается нѣсколько священниковъ, между которыми на этотъ разъ первенствовалъ молодой и веселой жизни протоіерей Александръ. Возвращаясь вечеромъ изъ монастыря во Владиміръ, и увидя около собора стеченіе людей и иллюминацію, онъ вошелъ прямо въ палатку, въ которой танцовали, и обратился сперва къ губернаторшѣ съ донесеніемъ, что образъ препровожденъ благополучно, а потомъ къ губернатору, съ жалобою, что плошки стоятъ близко къ собору и могутъ произвести пожаръ. Князь Долгорукой поручилъ полицеймейстеру осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ мѣстность Во время этаго осмотра произошелъ шумъ и

ссора. По донесенію полицеймейстера, Князь поступилъ крайне неосмотрительно: велѣлъ посадить драчуна, гасившаго плошки, въ полицію. Черезъ два дня была подана жалоба архіерею, который переписался объ этомъ съ губернаторомъ; а губернаторъ велѣлъ произвести слѣдствіе. Между тѣмъ молва прибавила къ этому и разнесла по Москвѣ и Петербургу многое, чего не было. Къ довершенію важности происшествія случилось такъ, что священникъ былъ по женѣ близкимъ родственникомъ лица, входившаго тогда въ силу, и имѣлъ въ немъ сильное покровительство. Дѣло пошло дальше.

„Одна бѣда", говоритъ пословица, „безъ другой не бываетъ!"—А на Князя Долгорукаго нашла въ этомъ году и третья! — При самомъ началѣ послѣдняго рекрутскаго набора между нимъ и вице-губернаторомъ Дюнантомъ открылись несогласія по поводу рекрутской раскладки. Не смотря однако на административную переписку съ казенной палатой, раскладка осталась въ своей силѣ. А Дюнантъ послалъ къ министру полиціи доносъ, уже не о раскладкѣ, а о томъ, что будто подъ распоряженіемъ губернатора мундиры обходятся дорого; что сукно не сходно съ образцами, и что полицеймейстеръ, пользуясь послабленіемъ губернатора, беретъ лишнія деньги съ отдатчиковъ. По этому доносу, въ началѣ слѣдующаго 1812 года, былъ присланъ артиллерійскій генералъ-маіоръ Ильинъ произвести слѣдствіе.—Въ противоположность этому извѣту отъ губернскаго предводителя и всѣхъ уѣздныхъ поднесенъ былъ Князю Долгорукому одобрительный адресъ, въ которомъ было сказано, что они не ставятъ обмундировку рекрутъ ни въ какую тягость Владимірской губерніи. Однако эта бумага, удивившая слѣдователя, не была имъ принята отъ губернатора.

„Ябеда,“ говоритъ Князь Долгорукой, „разливалась, „какъ вода, до души моей! Собравши въ одну точку „всѣ приключенія мои этаго рода, читатель уже видитъ, „что три тучи разомъ гремѣли надъ моею головою. „Мудрено было мнѣ устоять, и погибель моя была „уже близка! — Худо, сидя на сѣнѣ, ни самому не ѣсть, „ни другимъ не давать!“ (Это замѣчаніе относится къ Дюванту). „Тутъ и голодъ и бѣда!“

Но, среди всѣхъ непріятностей, Князь Долгорукой не только не забылъ литературы, но находилъ въ ней даже нѣкоторую отраду. Самъ онъ писалъ мало: ему было не до того! По примѣру открытой въ то время въ Петербургѣ державинской Бесѣды любителей россійскаго слова, вздумалось ему учредить у себя маленькое ея подобіе для пользы дѣтей своихъ: литературные вечера по Вторникамъ. Членовъ было не много: гг. Горяиновъ, Бенедиктовъ, Евгеновъ, самъ хозяинъ, сынъ его Князь Александръ и два сына Княгини отъ перваго брака: Алексѣй и Филиппъ Пожарскіе. Бенедиктовъ доставлялъ для чтенія переводы; Евгеновъ философическія разсужденія; Горяиновъ стихи; самъ Князь читалъ то стихи, то свое путешествіе въ Одессу. Молодые люди составляли для чтенія извлеченія изъ исторіи, статистическія описанія разныхъ мѣстностей и біографіи знаменитыхъ людей. Президентомъ былъ всякой разъ, по жеребью, одинъ изъ членовъ. Чтенія происходили въ большой залѣ, при постороннихъ посѣтителяхъ обоего пола, которыхъ собиралось иногда не мало. Публикѣ нравились эти чтенія.

Этотъ тяжелый годъ заключаетъ Князь Долгорукой въ своихъ запискахъ стихомъ Расина:

Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte.

Насталъ 1812-й годъ. — „Годъ ужасный въ лѣто-

„писяхъ русскихъ,“ говоритъ онъ. „Богу угодно было „связать частную мою судьбу со жребіемъ почти об-„щимъ: все страдало въ Россіи; а я сугубо. Я болѣлъ „ранами отечества, и собственно своими! Рокъ ударилъ „въ меня чугуннымъ молотомъ своимъ, и я дыханіемъ „однимъ остался извѣстенъ между живущими; всѣ сред-„ства дѣйствовать и быть полезнымъ обществу у меня „отняты; да и въ семействѣ своемъ становился я ни на „что не нуженъ: ибо я возвращался въ оное, какъ ни-„щій!“ Но не станемъ забѣгать впередъ съ своимъ по-вѣствованіемъ.

По выѣздѣ слѣдователя изъ Владиміра, и Князь Долгорукой отправился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Петербургъ. Тамъ на другой же день своего пріѣзда явился онъ къ Балашову. Я не упомянулъ бы объ этомъ свиданіи, еслибъ оно, и безъ того тяжелое, не было для Князя Долгорукаго вдвойнѣ горькимъ по случайному воспоминанію: онъ вспомнилъ, что нѣкогда въ это самое число онъ готовился къ первой своей свадьбѣ, на Каменномъ острову, у роскошнаго двора Наслѣдника Престола, когда и любовь, и судьба, все ему улыбалось! Горьки эти воспоминанія, когда они сходятся съ днями горечи!

Балашовъ увѣрилъ его однако, что онъ непремѣнно восторжествуетъ надъ своими врагами, не скрывая впрочемъ, что Государь не благоволитъ къ нему. Онъ обѣщалъ даже выхлопотать ему приватную аудіенцію, которою пользовались всѣ пріѣзжіе губернаторы. И дѣйствительно Князь Долгорукой былъ принятъ Государемъ въ кабинетѣ. Разговоръ продолжался съ четверть часа; Государь спрашивалъ о строеніяхъ, о дорогахъ, о состояніи хлѣба въ губерніи, но о доносахъ ни слова. „Обманывая себя, я вышелъ,“ говоритъ Князь Долгорукой, „и какъ гора съ плечъ свалила!“—

Появленіе е[illegible]ѣхъ половинахъ дворца казалось знакомъ хорошимъ; въ добавокъ къ этому онъ получилъ отъ двора билетъ на входъ, во всѣ эрмитажные дни, въ театръ, и неоднократно пользовался этимъ позволеніемъ. „Извѣстно, говоритъ онъ, что люди, въ немилость у двора попавшіе, не удостоиваются ни входа во дворецъ, ни приглашенія въ Эрмитажъ.“

Но всѣ эти признаки были обманчивы. Дѣла пошли въ ходъ, и 23 Марта (1812) вышелъ указъ, которымъ Князь Долгорукой получилъ отставку. Дѣла продолжались еще долго послѣ этаго, и кончились въ 1816 году выговоромъ, т. е. почти ничѣмъ въ сравненіи съ обвиненіями; а служба его съ того времени прекратилась.

Въ продолженіи своего губернаторства, кромѣ упомянутаго мною прежде, вотъ какіе памятники своей дѣятельности оставилъ онъ послѣ себя во Владимірѣ: при немъ построены домы для призрѣнія незаконнорожденныхъ и недужныхъ; выстроенъ большой корпусъ для суконной фабрики; построенъ большой каменный домъ для губернатора; въ гимназіи устроенъ театръ; открыта аптека отъ приказа общественнаго призрѣнія; засыпанъ оврагъ, устроена дорога и вымощена улица, соединяющая городъ съ другой его стороною, за рѣчкою Лыбедью, куда не было проѣзда; насаженъ бульваръ; духовенству возвращены, по его ходатайству, отходившія отъ него земли; уничтожена скопческая секта; наконецъ, въ губернскомъ городѣ приведены въ опредѣленное состояніе городскія и полицейскія повинности.

Но „*музы благодарны*“, сказалъ Батюшковъ. Дѣйствительно, въ это время, можетъ быть самое бурное въ жизни Князя Долгорукаго, онъ былъ приглашаемъ въ Петербургъ на чтенія державинской *Бесѣды* и

принять въ ея почетные члены; признанъ почетнымъ же членомъ московскаго *Общества любителей россійской словесности* и двухъ петербургскихъ: *Любителей словесности, наукъ и художествъ* и *Соревнователей просвѣщенія и благотворенія.* По случаю принятія его въ московское общество говоритъ онъ: „Дипломъ на званіе почетнаго члена былъ мнѣ врученъ въ полномъ присутствіи собранія, и какъ подобныя торжественныя бесѣды наполняли газеты, то вскорѣ послѣ оглашенія моей отставки во всю Россію, ученыя собранія пустили мое имя по Россіи, съ особенною честію и похвалою.“

На третій день послѣ своей отставки, 25 Марта, выѣхалъ Князь Долгорукой изъ Петербурга, и 2 Апрѣля пріѣхалъ въ Москву. Не знаю, извѣстно ли ему было до выѣзда внезапное рѣшеніе его участи; по крайней мѣрѣ вѣроятно, что онъ узналъ объ этомъ вскорѣ, потому что не поѣхалъ уже во Владиміръ, а остался въ Москвѣ. Но когда судьба примется кого преслѣдовать, то всѣ самыя мелочныя обстоятельства соединяются, какъ будто нарочно, для уязвленія человѣка. То день тяжелый, какъ напримѣръ свиданіе съ Балашовымъ, придется въ число, напоминающее прежній день радости; то въ день, посвящаемый всѣми праздничному веселью, приходитъ горькое извѣстіе, которое отъ этаго случайнаго сближенія ложится на душу еще тяжелѣе. Такъ указъ объ отставкѣ былъ принесенъ съ почты къ Князю Долгорукому въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, 21 Апрѣля, „въ самый лучшій день года,“ говоритъ онъ, „чтобъ отравить для меня послѣдній источникъ радости—радости христіанской!“

Между тѣмъ война приближалась. Іюня 12 войска Наполеона перешли нашу границу. По этому случаю

Князь Долгорукой сообщаетъ въ своихъ запискахъ замѣчаніе, которое для многихъ можетъ показаться любопытнымъ, а для иныхъ и указаніемъ, посланнымъ свыше. „Замѣчено многими,“ говоритъ онъ, „что въ самый тотъ день, когда Наполеонъ вступалъ въ наши „владѣнія, читался въ церквахъ по ряду дневной апостолъ Павла къ Римлянамъ, начинающійся сими „словами: *Братіе! открывается гнѣвъ Божій съ небесе „на всякое нечестіе и неправду человѣческую, содер„жащихъ истину въ неправдѣ.*“—Это дѣйствительно замѣчательно, и вѣрующій писатель своихъ записокъ не упустилъ этаго замѣтить (*).

Когда всѣ стали выбираться изъ Москвы, надобно было и семейству Князя Долгорукаго искать убѣжища. Онъ рѣшился ѣхать въ Никольское, подмосковную, въ семи верстахъ отъ Купавны, слѣдовательно въ сорока двухъ отъ Москвы. 31 Августа, уклавши книги и платье, отобѣдавши, „то есть, посидя за сто„ломъ“ говоритъ онъ, „ибо кусокъ никому не шелъ въ „горло,“ они прошли по всему дому, оглядѣли его какъ бы въ послѣдній разъ, оплакавъ все, что̀ покидали; потомъ зашли въ домовую свою церковь, пали ницъ, утопая въ слезахъ, и поручили себя и все свое, невидимому, но всевидящему Богу. Съ ними отправилось семейство духовника ихъ: жена его и безногая дочь. Самъ же онъ благословилъ, оплакалъ и прово-

---

(*) Я справлялся, и вотъ результатъ моей справки, которую всякой можетъ самъ повѣрить.

Въ 1812-мъ году Троицынъ день, или недѣля Пятидесятницы, былъ 9 Іюня; слѣдовательно 12 Іюня, т. е. день вступленія непріятелей въ наши предѣлы былъ Середа Пятидесятницы, или осьмой недѣли по Пасхѣ. Въ этотъ день дневной апостолъ полагается: къ Римл., глава 1, ст. 18—27, зачало 80, который начинается точно такъ, какъ сказано.

Я напечаталъ объ этомъ въ С.петербургскомъ духовномъ журналѣ Странникъ. (1860 года, мѣсяцъ Май).

дилъ отъѣзжающихъ и остался при своей церкви. На другой день прибыли они въ деревню. Вскорѣ узнали, что 2 Сентября, въ вечерни, Москва занята французами. Это убѣжище семейства Долгорукихъ, по близости къ Москвѣ, было ненадежно; но въ Никольскомъ жила престарѣлая, семидесяти девяти лѣтъ, мать Князя, сверхъ того больная лихорадкой: везти ее въ даль казалось опаснымъ для ея жизни; оставить ее одну было жаль; найти наемныхъ лошадей для такого многолюднаго семейства было невозможно; да и денегъ не было!—Рѣшились остаться на срокъ неизвѣстный; и несмотря на тѣсноту дома, дали еще убѣжище многимъ сирымъ, немощнымъ и безпокровнымъ. Впрочемъ, это было такъ свойственно Князю Долгорукому, что много лѣтъ спустя послѣ этаго, со времени моего съ нимъ знакомства, я не помню, чтобъ когда нибудь не было живущихъ у него въ домѣ бѣдныхъ людей, не имѣющихъ пристанища.

„Цѣлые восемь дней," говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „Москва была въ пламени. Мы въ Никольскомъ, „въ страхѣ и трепетѣ, глядѣли на эту несчастную картину, всякой день отъсумерокъ до утра, и глядя на „нее, ежечасно думали, по направленію вѣтра: вотъ „теперь, въ эту минуту и нашъ домъ горитъ; мы теряемъ крышу, теряемъ все! Ужаснѣйшее положеніе!— „По счастію осень была прекрасная, и доколѣ свѣтъ „дневной продолжался, можно было минутами забывать, „чтò дѣлалось въ Москвѣ; но къ вечеру пламенное „зарево на всемъ горизонтѣ явственно показывало намъ „всю мѣру бѣдствія, постигшаго столицу!"

Такъ жили они въ Никольскомъ до конца Сентября, и начинали, отъ одной привычки къ своему положенію, переносить его терпѣливо. А число выходцевъ изъ Москвы прибавлялось. Актеръ *Мочаловъ*

съ большой семьей (*), и актриса *Насова* съ своими домашними, всего семнадцать человѣкъ, просили у нихъ крыши и пріюта, и получили. Между тѣмъ подоспѣли подводы изъ княгининой шуйской деревни, а непріятель показался уже на купавинской фабрикѣ, въ семи верстахъ отъ Никольскаго. Прискакалъ казакъ съ этимъ извѣстіемъ. Надобно было отправляться далѣе. Старушка Княгиня, хотя уже и убѣждали ее ѣхать дальше, не соглашалась. Положили на семейномъ совѣтѣ, оставя при ней младшую дочь, перевезти ее въ село Греблево, принадлежащее родственницѣ Долгорукихъ, Княгинѣ Голицыной. Оно было всего въ пятнадцати верстахъ отъ Никольскаго; но село большое, до тысячи душъ жителей, большой каменный домъ, и со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсами: это дѣлало его убѣжищемъ болѣе надежнымъ; а 23 Сентября отправились Долгорукіе опять во Владимірскую губернію.

За ними плелись, и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ тѣлегахъ, московскіе выходцы. „Не было ничего страннѣе," говоритъ Князь Долгорукой, „какъ видѣть *Насову*, эту пѣвицу, столь славимую въ Москвѣ, и которая въ одинъ вечеръ иногда голосомъ своимъ вырабатывала по нѣскольку тысячъ, бѣгающую съ возжами и дугой, и въ торопяхъ запрягающую клячу въ тѣлегу, дабы, не отставая отъ насъ, искать общаго пристанища. Подобно ей и *Мочаловъ*, игравшій роли царей на театрѣ, тутъ, сидя на возу, правилъ парою тощихъ лошадей, на коихъ ѣхала при насъ же дочь его институтка и мать его старуха. Сколько подобныхъ явленій представляла тогда Москва Россіи!"—Наблюдательный взглядъ Князя Долгорукаго замѣчалъ все,

(*) Степанъ Ѳедоровичъ, знаменитый въ свое время трагической актеръ, отецъ послѣдняго Мочалова, Павла Степановича.

не думая, можетъ быть, какъ всѣ эти картины будутъ современемъ интересны; а между тѣмъ надобно замѣтить, какъ особую черту его ума, что комическое ни въ какихъ случаяхъ жизни не ускользало отъ его игриваго свойства.

Въ уѣздномъ городѣ Шуѣ добрый городничій Павелъ Сергѣевичъ Шульгинъ, жившій въ казенной квартирѣ, но имѣвшій собственный свой домъ, несмотря на множество людей, искавшихъ помѣщенія и плативишихъ высокую цѣну, предложилъ весь свой домъ семейству Долгорукихъ, и несмотря ни на какія убѣжденія не хотѣлъ взять никакой платы. „Онъ предпо-„челъ, говоритъ Князь Долгорукой, прекращенію сво-„ихъ доходовъ удовольствіе обязать бывшаго своего „начальника.“ Такимъ образомъ они основали временное свое пребываніе въ Шуѣ. Семейство Шульгина составляло здѣсь весь кругъ ихъ знакомства.

По случаю взятія Москвы написалъ Князь Долгорукой стихи: *Плачъ надъ Москвою*, въ которыхъ изображаетъ подробно тогдашнее свое положеніе и образъ жизни; благодаритъ со всею простотою чувства добрыхъ людей, пріютившихъ его на это время; объ отдачѣ же Москвы судитъ такъ, какъ судили большею частію въ это время, то есть—почитая это несчастіемъ народнымъ и не видя въ томъ искупительной жертвы для отечества. Судьбы провидѣнія были еще тайною; ихъ не дано угадывать человѣку!

О день великихъ золъ!—Но къ пущему несчастью
У матушки-Москвы есть множество дѣтей,
Которые твердятъ по новому пристрастью,
Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей!
Утѣшитъ ли кого сія молва народна?
Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
Россія! ты раба—когда Москва въ плѣну!

Такъ судилъ Князь Долгорукой о сожженіи Москвы вскорѣ послѣ этаго происшествія, когда еще свѣжи были раны Россіи. Но въ послѣдствіи, писавши свои записки, онъ сознаетъ уже благо этой жертвы для отечества. Вотъ слова его: „Нельзя не признать и москвскаго всесожженія спасительнымъ. Надобно было ей „горѣть; надобно было погибнуть, ибо безъ того едва „ли бы кто удостовѣрился, что Наполеонъ подобный „прочимъ человѣкъ и подверженъ также, какъ и дру„гой, ошибкамъ. Обольщеніе было почти общее! Оча„рованіе исчезло; увидѣли Наполеона безъ призраковъ, „и ненависть, остервенивъ поселянъ и всѣхъ, вложила „противъ него оружіе въ руки каждаго.—Если побѣда „надъ воинствомъ на полѣ сраженія заслуживаетъ все„народные клики торжества и пѣснопѣніе въ храмахъ, „то сколько вѣковѣчныхъ молитвъ обязаны приносить „мы за нынѣшнія побѣды, не надъ ратію одной, но „*надъ предубѣжденіемъ, которымъ бывъ ослѣплены*, „едва не подверглись тихо и нечувствительно жесто„кому игу властителя Европы.“

Чтобъ вполнѣ оцѣнить послѣднее замѣчаніе Князя Долгорукаго, надобно быть современникомъ такой эпохи. Время все сглаживаетъ и представляетъ однѣ крупныя и общія черты.—Кто не помнитъ нашего общества до 1812 года, тотъ не повѣритъ, до какой степени доходило наше предубѣжденіе въ пользу Франціи, наше пристрастіе къ французамъ: это была язва неисцѣлимая, которая могла прекратиться только въ бурѣ политической атмосферы, воздвигнутой Наполеономъ. Не многіе понимали эту язву; но надъ возгласами и этихъ немногихъ, напримѣръ Шишкова, Глинки и проч., только смѣялись! Такимъ образомъ замѣчаніе Князя Долгорукаго пріобрѣтаетъ важность, нынѣ уже незамѣтную.

По освобожденіи Москвы, семейство Долгорукихъ прежде всего поѣхало обратно въ Никольское, куда и старая Княгиня перебралась изъ Греблева; а 1-е Ноября пріѣхали они взглянуть на Москву. Бѣда пожара ихъ миновала. Старый домъ ихъ, купленный еще отцомъ Князя въ 1784 году, остался цѣлъ. Великая милость провидѣнія! О покупкѣ новаго имъ нельзя было и думать! — Вотъ какъ описываетъ Князь Долгорукой Москву, какъ она показалась имъ при первомъ въѣздѣ: „Около заставъ и на улицѣ еще много было падали „скотской; находили по мѣстамъ и человѣческіе трупы. „Не было еще почти обиталища; всѣ лучшіе дома сто„яли безъ крышъ, обожжены съ низу до верха. Людей „мы отъ заставы до Охотнаго ряда не встрѣтили десяти „человѣкъ; ни одного экипажа; въ Охотномъ ряду тол„пилось, можетъ быть, человѣкъ до ста, а на прочихъ „рынкахъ едва ли было въ половину противъ того. „Улицы всѣ покрыты были мусоромъ и золой, которая, „смѣшавшись съ снѣгомъ, засорила всѣ слѣды, такъ, „что кромѣ человѣческаго хода ничего нельзя было „разглядѣть; да кому и куда ѣздить?“

Средствъ къ обезпеченной жизни Москва еще не представляла, и потому они принуждены были возвратиться опять въ Шую. Здѣсь, успокоившись отъ тревогъ, Князь Долгорукой принялся опять за литературу. Онъ продолжалъ *записки о своей жизни*; писалъ и стихи. Здѣсь написано имъ стихотвореніе *Везетъ*. Оно не было тогда еще нигдѣ напечатано; но имѣло большой успѣхъ: по словамъ автора, брали съ него копіи и выучивали по нѣскольку строфъ наизусть; посылали его и въ армію, и въ Петербургъ, и въ Оренбургъ, и въ Одессу. Въ тоже время было написано имъ много и другихъ піесъ; между прочими къ этому времени должна принадлежать сатира: *Чер-*

ты свободнаго писателя, потому что онъ говоритъ въ ней о себѣ, что ему „безъ года пятдесятъ"—чтò приходится въ 1813 году. „Стихотворство на меня на„шло," говоритъ онъ, „какъ болѣзнь повѣтрія, или хмѣль, „бывающій запоемъ. Это способствовало мнѣ прого„нять мрачныя идеи, коими вся жизнь моя въ Шуѣ была „бы безъ того наполнена." Здѣсь же, въ началѣ Февраля (1813), Князь Долгорукой получилъ извѣстіе, что его мать больна при смерти; поскакалъ въ Никольское, но нашелъ ее уже въ гробѣ. Говоря въ своихъ запискахъ, что при погребеніи ея, котораго простоту она заранѣе учредила, дубовый простой гробъ ея, отъ подмосковной до Москвы, несли на себѣ ея крестьяне, онъ восклицаетъ при этомъ: „не такъ ли несли бѣднаго „Лазаря на лоно Авраама, какъ мать мою въ Донской „принесли ея добрые мужички!" — По тогдашней во всемъ дороговизнѣ, похороны стали въ двѣ тысячи рублей, которые подарила на этотъ предметъ родственница ихъ Княгиня Голицына. „Своихъ денегъ," пишетъ Князь Долгорукой, „не оставалась въ домѣ и на не„дѣльный прожитокъ Вотъ какъ богато умирали мои „родители! Послѣ отца осталось нѣсколько грошей у „кровати, на столикѣ; послѣ матушки едва ли нѣсколь„ко рублей нашли въ ея шкатулкѣ! Знаменитыхъ пред„ковъ потомки! такъ-то *суета ваша* проходитъ! Такъ„то сбывается надъ вами заповѣдь господня: *наги ро„дихся, и наги отходимъ въ землю!*"

Въ теченіи лѣта семейство Долгорукихъ, съ Іюля до Сентябрь, проводило въ переѣздахъ, то въ Шую, то въ Нижній; только къ концу этаго года они устроились на постоянное жительство въ Москвѣ. Москва уже много обстроилась и наполнялась жителями, такъ что 12 Декабря, въ день рожденія Государя, благородное собраніе могло дать балъ, происходившій од-

нако не въ собственномъ его домѣ, который сгорѣлъ, а въ домѣ Графа Растопчина, главнокомандующаго столицы. Слѣдовательно для Князя Долгорукаго было уже общество, безъ котораго онъ не могъ обойтиться!

Онъ привыкалъ къ своему положенію, и умѣлъ находить даже нѣкоторыя выгоды и отрады въ своей свободѣ отъ службы. „О какое благодѣяніе мы испы„тываемъ," говоритъ онъ, „когда находимъ въ себѣ „склонность къ словесности и занятіямъ ея!—Чтò силь„нѣе можетъ утѣшить огорченную душу, уязвленное „сердце, мрачный разсудокъ!"—Много къ его развлеченію послужило и то, что онъ сдѣлалъ опять лѣтомъ (1814) нѣсколько поѣздокъ по близь-лежащимъ уѣздамъ Москвы и въ Тульскую губернію. „Путешествія „сіи," говоритъ онъ, „принесли мнѣ существенную поль„зу и подкрѣпили мое здоровье. Разнообразность пред„метовъ отвлекала отъ постоянныхъ унылыхъ мыслей, „и воображеніе мое снова было готово къ занятіямъ „пера, въ обыкновенномъ моемъ вкусѣ." — Въ этомъ году написалъ Князь Долгорукой и напечаталъ особо *Разсужденіе о судьбѣ*. Еще другое стихотвореніе—*На свѣтскіе обычаи*, какъ онъ называетъ его въ своихъ запискахъ: это должна быть забавная сатира, напечатанная въ его сочиненіяхъ, подъ названіемъ: *Нѣчто для весельчаковъ*; потому что другаго стихотворенія, направленнаго собственно на свѣтскіе обычаи, у него не встрѣчается. Тогда же онъ началъ переводить съ французскаго романъ Коцебу *Филиберъ, или отношенія общественныя*, (напечатанныя въ четырехъ частяхъ 1815 года), и описалъ свое *Путешествіе въ Нижній*.

Въ это же время, къ истинному услажденію души Князя Долгорукаго, довелось ему узнать на опытѣ

преданность къ нему нижегородскихъ крестьянъ его; а на него, который все относилъ къ чувствамъ сердца, этотъ случай долженъ былъ подѣйствовать сильнѣе, чѣмъ на всякаго другаго: ему не было нужды до того, что тутъ же участвуетъ и разсчетъ выгоды. Тамошнему губернатору, г. Быховцу, вздумалось торговать его имѣніе. Онъ предлагалъ полтораста тысячъ; предложеніе было очень заманчиво; потому что всегда лучше имѣть большой капиталъ, чѣмъ ожидать съ имѣнія доходу, получаемаго съ большими трудами, и у насъ всегда невѣрнаго. Но крестьяне, узнавъ о намѣреніи покупщика посадить ихъ на пашню, а хлѣбопашествомъ увеличить выгоды винокуреннаго завода, испугались его предложенія и отправили къ Князю трехъ депутатовъ, чтобы отвлечь его отъ продажи. „По многихъ бореніяхъ съ самимъ собою," говоритъ онъ, „я тронулся истинно, и отложа всѣ предусмотри-„тельныя догадки, рѣшился отказать покупщику." — Но крестьяне почувствовали принесенную имъ жертву и потерю явной выгоды: они предложили помѣщику, вмѣсто прежняго оброка, пятнадцать тысячъ ежегоднаго доходу, какъ десять процентовъ съ того капитала, который онъ могъ получить продажею.

Слѣдующій годъ (1815) не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что Князь Долгорукой, пріѣхавши въ деревню жены своей, Александрово, и случайно имѣя подъ руками псовую охоту, нашелъ развлеченіе—кто бы могъ ожидать этаго?—въ охотѣ съ собаками, разумѣется, въ сообществѣ деревенскихъ сосѣдей!—„Такая новая потѣха," говоритъ онъ, „меня иногда занимала „до того, что я почти цѣлый день не слѣзалъ съ лошади, „и воротясь домой, гордился своими тороками, какъ „рыцарь побѣдами!" Это тѣмъ страннѣе покажется, когда вспомнишь, что онъ же сказалъ о себѣ:

За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться,
Симъ правомъ сильнаго — не мастеръ величаться!

Но такова наша русская жизнь въ деревняхъ, что для человѣка просвѣщеннаго она вдвое пустѣе и тошнѣе! Человѣкъ образованный сколько ни находитъ средствъ въ самомъ себѣ, но наконецъ нужно же человѣческое общество; и онъ поневолѣ поддается обычаямъ туземцевъ, иногда очень дикимъ! Князь Долгорукой не любилъ деревни. Вотъ что̀ говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ о деревенской жизни: „Для меня, признаюсь, деревня—темница! Не надобно „подъ симъ словомъ разумѣть тѣхъ прекрасныхъ и „увеселительныхъ загородныхъ домовъ, въ которыхъ „можно не скучнѣе Москвы и Петербурга круглый „годъ прожить: это не деревня! Тамъ не видишь ни „чернаго крестьянина, у котораго всѣ составы одеревенѣли отъ плуга или сохи; не услышишь дикаго „крика галокъ, воронъ, грачей, и всѣхъ этихъ траурныхъ сельскихъ жителей! Тамъ не закоптишь глазъ „въ густомъ дыму овина, и во время ночной прогулки „не озаришься сквозь маленькой кусочикъ зеленаго „стекла лучиною въ огнѣ. Всѣ эти предметы тебя „ожидаютъ непремѣнно въ деревнѣ." — Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Князь Долгорукой гораздо серьознѣе всматривается въ деревенскую жизнь. „Въ „самомъ дѣлѣ посмотримъ на жизнь нашу въ деревняхъ. Во первыхъ, мы не имѣемъ иногда церквей, „и по большей части должны ѣздить въ отдаленные „приходы! — Во вторыхъ, у насъ нѣтъ врачей: что̀ „бы въ тѣлѣ ни случилось, не къ кому прибѣгнуть, „не съ кѣмъ посовѣтоваться! — Въ третьихъ мы лишены приятности переписки, сей пищи моральной, „столь же необходимой въ разлукѣ съ ближними, для „души, какъ воздухъ и хлѣбъ для тѣла! Что̀ у насъ

„за почты? — Письма не доходятъ, теряются.... Все „сіе сообразя, признаемся, *что жизнь помѣщика въ „деревнѣ есть по бо́льшей части горестное искушеніе.* — „Вездѣ ли такъ, не знаю; но думаю, что хуже на- „шего быть не можетъ!“—Кто такими глазами смотритъ на деревенскую жизнь, (а этотъ взглядъ довольно вѣренъ), тотъ поневолѣ бросится на первое попавшееся развлеченіе. — Впрочемъ и въ самой охотѣ, этой любимой забавѣ помѣщиковъ, Князя Долгорукаго забавляли только шумъ, движеніе, голоса гончихъ; а сама травля ему очень не нравилась. „Я „въ ней находилъ,“ говоритъ онъ, „что-то злобное „и вмѣстѣ недостойное человѣка. Какая радость му- „чить слабое животное, каковъ заяцъ, сперва пугать „его, а потомъ лишать жизни? Торжество самое „низкое! — Но кто истолкуетъ человѣческіе вку- „сы! Множество псарей, ловчихъ, стремянныхъ, въ „особенныхъ одеждахъ, верхами; звуки роговъ, кото- „рые эхо разносило по полямъ и оврагамъ; все это „однакожъ меня не пристрастило къ этой забавѣ, о „которой повторялъ и въ старости, что̀ написалъ съ „молоду:“

„На что̀ и затѣвать, чего нѣтъ на роду?
„Не только что съ коня — съ клячонки упаду!“

Воротясь глубокой осенью въ Москву, гдѣ производилась въ домѣ Князя Долгорукаго новая постройка, онъ удивился успѣху строенія; но жить въ немъ было еще нельзя. „Меня соблазнилъ мой демонъ,“ говоритъ онъ, „я поставилъ въ немъ театръ, въ кото- „ромъ могло помѣститься до ста зрителей, и намѣре- „вался потѣшиться *своею собственною охотою.*“ — Вмѣстѣ съ новымъ (1816) годомъ начались эти домаш-

ніе спектакли, и продолжались всю зиму. Труппа составилась изъ самыхъ отборныхъ молодыхъ людей города. Играли и русскія піэсы и французскія. Между прочими: Le séducteur amoureux, одно изъ самыхъ трудныхъ театральныхъ произведеній для исполненія на сценѣ; и Детуша: Le philosophe marié, въ которомъ Князь Долгорукой, еще въ молодости, такъ отличался у двора. Эти спектакли посѣщали всѣ извѣстные люди лучшаго общества; а многіе только на этотъ случай и знакомились съ домомъ Долгорукихъ. Но и тутъ было не безъ неприятностей.

Многіе, съ лицемѣрнымъ участіемъ, соболѣзновали о Князѣ Долгорукомъ, что онъ, не дождавшись окончанія дѣлъ по жалобамъ и доносу, такъ свободно забавлялся, оказывая тѣмъ какъ бы презрѣніе къ тому униженію, которому былъ подвергнутъ. Другіе охуждали, что онъ, въ его лѣта и въ его чинѣ, играетъ на театрѣ, и находили это неприличнымъ. Третьи, наконецъ, шептали, что онъ вѣрно нажился по службѣ, когда входитъ въ такія издержки, и намекали, что стало быть не безъ вины попалъ подъ отвѣтственность.

Все это доходило до Князя Долгорукаго, и конечно огорчало его, что за невинное удовольствіе, доставляемое имъ и себѣ и обществу, платятъ ему такъ худо. Въ запискахъ своихъ онъ такъ отвѣчаетъ на эти обвиненія: „Говорили, что мнѣ не подъ лѣта и „несогласно съ моимъ чиномъ выходить на сцену. „Объ этомъ да позволятъ мнѣ поспорить. Я сдѣлаю „только одинъ вопросъ: позволительно ли было бы мнѣ, „въ мои года и въ моемъ чинѣ, играть по цѣлымъ „днямъ въ карты и разоряться, въ большихъ партіяхъ „и съ большими господами, изъ одного подлаго имъ „угожденія; или, спрятавшись дома, кое съ кѣмъ, осу„шивать за жирнымъ столомъ дюжину бутылокъ шам-

„панскаго? Или наконецъ держать втай сераль налож-„ницъ и наполнять воспитательный домъ несчастными „жертвами? Спрашиваю: простительнѣе ли это театра?— „О! если бы я все дѣлалъ по примѣру другихъ, я „увѣренъ, что меня менѣе бы злословили!—Мнѣ было „пятдесятъ лѣтъ, это правда; но я былъ здоровъ и „живъ! Я былъ тайный совѣтникъ; но въ отставкѣ: „слѣдовательно, не занимая никакой должности въ го-„сударствѣ, обращался въ массу гражданъ, свободныхъ „распоряжать своими забавами!" — Что касается до издержекъ на спектакли, они производились больше на счетъ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, родственника, съ домомъ котораго Князь Иванъ Михайловичъ былъ въ тѣсной связи. Публика конечно не могла знать этаго. Но Князь Юрій Владиміровичъ любилъ спектакли: нѣкоторыя піэсы даже, напримѣръ опера La servante maîtresse, были играны по его просьбѣ. А приглашая его, перваго вельможу въ Москвѣ, могъ ли хозяинъ не приглашать его сверстниковъ по лѣтамъ и людей равныхъ ему по степени, занимаемой въ обществѣ, а за тѣмъ и лучшую московскую публику? Свѣтъ налагаетъ тоже свои обязанности. — Что касается до собственной охоты Князя Долгорукаго къ спектаклямъ, вотъ что̀ говоритъ онъ далѣе: „Вся „жизнь моя показываетъ, что я пристрастенъ былъ „болѣе всѣхъ прочихъ увеселеній къ театру. Родясь „въ счастливый вѣкъ Екатерины, будучи воспитанъ и „образованъ въ лучшемъ кругѣ юношества; наконецъ, „удостоясь быть въ обществѣ тогдашняго пышнаго „двора, — я принялъ въ себя всѣ вкусы того вѣка: я „любилъ женщинъ, поэзію и театръ."

Однако Князь Долгорукой не оставилъ совсѣмъ безъ отвѣта своихъ порицателей. Въ этомъ же году (1816) написалъ онъ стихи „Мой театръ", какъ шут-

ливое разсужденіе о ихъ толкахъ. Вотъ нѣкоторые куплеты, изъ которыхъ можно увидѣть и образъ мыслей его объ этой забавѣ, и то, какъ онъ умѣлъ соединять негодованіе съ самой добродушной шуткой:

Пускай все строится на свѣтѣ,
Какъ рокъ угрюмый приказалъ;
Лишь только бъ жить мнѣ въ кабинетѣ
Никто на вкусъ мой не мѣшалъ!
Съ утра до вечера я въ руки
Газетъ и книги не беру,
И день деньской съ дѣтьми отъ скуки
Твержу мимическу игру!

***

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ сукнѣ я толку не знавалъ;
Иной безъ сахару все ноетъ:
Я чай и съ патокой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава—суетиться;
Мой рай—людьми набитый домъ!

***

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Который баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ матъ!
Въ моемъ углу, храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ!

***

Въ сараѣ шесть кулисъ поставилъ,
Широкой завѣсъ распустилъ,

Огарки всѣ домашни сплавилъ,
Во тьмѣ свѣтъ плошекъ сотворилъ;
И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
Воспоминая вѣкъ златой,
Въ стихахъ и въ прозѣ отличаюсь,
То царь, то молодъ я мечтой!

* *
*

Меня поносятъ, слышу, строго,
За чѣмъ такъ тѣшу я себя;
Кричатъ: „онъ видно нажилъ много,
И честь и совѣсть погубя!"
Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
Мой домъ придти ревизовать,
Моихъ завидныхъ капиталовъ
Наличность мягку осязать!

* *
*

Найдутъ дестей бумажныхъ кучу,
Куда чернилъ потоки лью,
На коихъ лѣтъ ужъ тридцать мучу
Я руку правую мою;
И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
Увидятъ ясно, безъ очковъ,
Что мой достатокъ безпримѣрный —
Наростъ на языкѣ лжецовъ!

Эта піэса напечатана въ сочиненіяхъ Князя Долгорукаго, въ отдѣленіи подъ названіемъ: *Мои Субботы.* Такъ назвалъ онъ стихотворенія, которыя, по условію съ однимъ пріятельскимъ обществомъ, читывалъ онъ, въ томъ же году (1816), въ своемъ домѣ на субботнихъ вечерахъ. Но одинъ ли онъ читалъ свои произведенія, на этихъ вечерахъ, кружку пріятелей, или это было небольшое литературное общество, гдѣ читали и другіе, объ этомъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Свобода отъ службы оказала самое благодѣтельное вліяніе на стихотворную дѣятельность Князя Долгорукаго. Съ этаго времени онъ сталъ писать больше. и негодованіе, пополамъ съ шуткой и грустью, отличительный характеръ его таланта, выразилось явственнѣе прежняго въ его стихотвореніяхъ. Проводя лѣто по бо́льшей части въ разъѣздахъ, бывши въ веневской деревнѣ у тещи, и насмотрѣвшись вдоволь на уѣздные нравы, онъ написалъ тамъ презабавное стихотвореніе: *Семира Болеславна*, которое нельзя читать безъ смѣха, хотя, надобно признаться, этой піэсой онъ предупредилъ только нынѣшнихъ дюжинныхъ писателей, изображающихъ въ прозѣ уѣздное захолустье. „По слогу ея,“ говоритъ авторъ. „можно видѣть, что мнѣ было не-„скучно, и что вездѣ найдешь забавныхъ оригиналовъ. „Пословица Буало весьма справедлива:

„Les fous sont ici-bas pour nos menus plaisirs!“

Между тѣмъ всѣ дѣла, относившіяся до Князя Долгорукаго въ этомъ году кончились. Велѣно было, какъ я упомянулъ выше, сдѣлать ему выговоръ. Отправляясь для выслушанія его, 19 Мая, въ Сенатъ, надобно было надѣть мундиръ и ленту. По званію своему почетнаго члена московскаго университета, онъ надѣлъ мундиръ университетской, и проговорилъ, надѣвая его: „одинъ, который еще не замаранъ!“—Онъ любилъ и уважалъ университетъ. Пріѣхавши домой онъ не скидалъ мундира во весь день. Но нельзя, чтобы эта послѣдняя неприятность не поразила сильно и надолго, какъ онъ говоритъ, его воображенія. Слѣдствіемъ этаго было стихотвореніе: *Невинность*. Въ одномъ изъ лѣтнихъ публичныхъ собраній московскаго Общества любителей россійской словесности, (26 Мая

1816) оно было прекрасно прочитано Кокошкинымъ. Но одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, профессоръ Сандуновъ, найдя въ этихъ стихахъ мѣста опасныя, которыя не понравятся правительству, тутъ же, не выходя изъ собранія, оставилъ на столѣ записку, которою отказывался отъ званія члена такого общества, которое дозволяетъ себѣ читать публично подобныя дерзости. Князь Долгорукой приписывалъ этотъ поступокъ Сандунова желанію его угодить Дмитріеву. Авторъ стихотворенія не любилъ его, какъ бывшаго министра, черезъ руки котораго проходили его дѣла, и на котораго, по словамъ его, будто бы направлена была его піэса. Но сколько я ни перечитывалъ ее, чтобы отыскать эти намеки, я не нашелъ ничего даже похожаго; ничего, кромѣ общихъ упрековъ врагамъ, угнетающимъ людей невинныхъ. Это доказываетъ только, что Князю Долгорукому захотѣлось быть злымъ; но такъ какъ онъ совсѣмъ былъ не золъ отъ природы, то ему и не удалось. Въ самомъ дѣлѣ неужели можно принять за намекъ на лицо, напримѣръ, слѣдующіе два куплета, которые ближе всѣхъ подходятъ къ намѣренію автора:

О чувство выше всякой страсти,
Которымъ рай отверстъ для насъ!
Я правъ!—Среди самой напасти
Меня животворитъ сей гласъ,
Въ изгибахъ сердца раздается;
Его отрада въ душу льется
Въ темницѣ, въ узахъ, въ нищетѣ!
Я правъ!—Се мзда моя—довольно!
Враги, терзайтесь!—Мнѣ небольно;
Вашъ ковъ погибнетъ въ суетѣ!

**
*

Надъ правдой что возможетъ злоба?
Пускай лукавнствующій врагъ
Тѣснитъ невиннаго до гроба,
Съ улыбкой адскою въ устахъ;
Пускай въ немъ зависть ухищренна,
Какъ пещь халдейская разженна,
Палитъ все зноемъ клеветы:
Путь мужа праваго не скользокъ;
Лукавыхъ путь и тьма и ползокъ,
И вихрь развѣетъ ихъ мечты!

Нѣтъ! Сандуновъ указывалъ на другое мѣсто стиховъ, которое смутило его и испугало, хотя и въ этихъ двухъ куплетахъ нѣтъ ничего, кромѣ мысли самой общей. Вотъ они:

Герои тѣже человѣки,
Своимъ подвластные страстямъ;
Объ нихъ писали въ разны вѣки
Одно и тожъ по всѣмъ странамъ.
Похвалъ богату дань приемлютъ,
Но часто въ сладкой нѣгѣ дремлютъ,
Не смѣя совѣсти будить;
Чужимъ землямъ уставы пишутъ,
А сами славой только дышутъ,
Алкая міръ весь разорить.

* *
*

Завоеватель на престолѣ
Еще не есть желанный царь;
Гдѣ жизнь мила во всякой долѣ,
Тамъ только милъ и Государь.
Тамъ месть добычей не гордится,
И тьмы кромѣшной не боится
Ошибка, тяжкой ставъ виной;
Злодѣй богатый не клевещетъ,
Бѣднякъ невинный не трепещетъ
Громовыхъ тресковъ надъ собой!

Вспомнимъ, что это было время наибольшей славы Императора Александра, и что уставы Европы ждали его слова. Сандуновъ придрался къ этимъ невиннымъ куплетамъ, чтобы оказать свое рвеніе: онъ самъ ссылался на эти стихи, какъ на причину выхода его изъ членовъ Общества.—Какъ бы то ни было, но поступокъ Сандунова, человѣка смѣлаго и не любившаго удерживать рѣзкій языкъ свой, испугалъ чрезвычайно предсѣдателя. Піэса не была помѣщена въ Трудахъ Общества. Но Князь послалъ ее въ Петербургъ; цензура пропустила ее безъ затрудненія, и она была напечатана тамъ особо. Въ Москвѣ перепечаталъ ее также книгопродавецъ Ширяевъ. Оба изданія расходились хорошо, и никто не искалъ и не находилъ въ этой одѣ ничего рѣзкаго. Тогда и Общество помѣстило ее (уже въ 1817 году) въ Трудахъ своихъ.

Въ этомъ же году (1816) написалъ Князь Долгорукой комедію въ четырехъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, *Дурыломъ*. Предметомъ для ней послужилъ тотъ владимірской оригиналъ, Дуровъ, о которомъ я упомянулъ выше, говоря о второй свадьбѣ Князя. Изъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, кромѣ главнаго, человѣка три еще списаны съ натуры; прочіе характеры вымышлены.

Проѣзжая лѣтомъ этаго года въ деревню, Князю Долгорукому довелось быть во Владимірѣ, гдѣ онъ прежде всего посѣтилъ гимназію, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что памятникъ, поставленный, по повелѣнію университета, въ честь Княгини Евгеніи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она скончалась, сохранялся въ цѣлости и былъ тщательно оберегаемъ.— Сохранился ли онъ донынѣ?—А такіе памятники, сооруженные на условіи частнаго благотворителя, и утвержденные согласіемъ подлежащей власти, должны бы быть непри-

косновенными. Скажу болѣе: они должны быть священными, показывая народу, что память благотворителей не умираетъ вмѣстѣ съ ними. Tempus edax rerum, говорила старинная латинская пословица; но у насъ многое истребляетъ не время, а люди! Наше просвѣщеніе бѣжитъ впередъ, а рѣдко назадъ оглядывается. Да простятъ мнѣ это невольное замѣчаніе наши безусловные чтители прогресса! Я думаю, что хорошо за нимъ стремиться, но не съ зажмуренными глазами!

Получивши въ слѣдующемъ году (1817), наравнѣ съ прочими московскими дворянами, но гораздо позже другихъ и послѣ многихъ придирокъ, бронзовую медаль 1812 года, Князь Долгорукой, очень желавшій получить ее, такъ обрадовался этому новому знаку отличія, что немедленно надѣлъ его. Такъ дорого цѣнилъ онъ заслугой, приписываемой не лицу, а цѣлому сословію!—Лѣтомъ (31 Мая) со всею семьею онъ отправился вторично въ Кіевъ. Пробывши до 15 Іюля въ Черниговской губерніи у сестры своей Селецкой, и послѣ нѣкоторыхъ другихъ остановокъ по дорогѣ, они прибыли въ Кіевъ къ Успеньеву дню, и поклонились гробу достопамятной бабки Князя Ивана Михайловича, схимонахини Нектаріи, бывшей Княгини Натальи Борисовны. Пребываніе въ Кіевѣ доставило Князю многія приятныя знакомства, и вообще много развлеченій и удовольствій. Кромѣ того, „въ настоя„щемъ странствіи моемъ,“ говоритъ онъ, „удовлетво„рилъ я любопытному моему духу; посѣтилъ такія мѣс„та, въ коихъ еще не бывалъ; видѣлъ Черниговъ и „Переяславъ, молился въ пустынѣ Домнинской и на„смотрѣлся обрядовъ уніатскаго богослуженія.“ 7 Октября они возвратились въ Москву.—Эта поѣздка описана имъ подъ названіемъ: *Второе путешествіе въ*

Малороссію, и потому въ своихъ запискахъ онъ говоритъ о ней кратко.

Между тѣмъ домашнія обстоятельства не улучшались. Сколько ни старался развлечь себя поэтъ; но человѣка безпокоили и долги, и недостатки. Въ такомъ положеніи нечего было дѣлать другаго, какъ продать что либо изъ имѣнія, чтобы раздѣлаться съ кредиторами, и оставшись должнымъ одной казнѣ, дышать свободнѣе. Жребій продажи палъ на Никольское, которое такъ любилъ отецъ Князя, купившій эту подмосковную въ 1791 году, и въ которомъ недавно доживала свой вѣкъ престарѣлая его мать, никогда не хотѣвшая съ нимъ разстаться.—Нужда не разбираетъ чувствъ сердца и его воспоминаній! Долго было думано, и въ 1818 году Никольское было продано. Лѣто проведено было опять въ переѣздахъ, и совершена поѣздка въ Нижній, гдѣ, по болѣзни ноги, проживъ поневолѣ почти до Октября, Князь Долгорукой, вопреки своему характеру, испыталъ такое продолжительное чувство ипохондріи, которое становилось ему почти невыносимымъ. Слѣдствіемъ этаго моральнаго расположенія были стихи: *Размышленіе недужнаго,* напечатанные потомъ въ Соревнователѣ Просвѣщенія.

Тогда же (1816) вышло третіе изданіе сочиненій Князя Долгорукаго, въ четырехъ томахъ, подъ тѣмъ же названіемъ какъ и прежнія: *Бытіе моего сердца,* и посвящено авторомъ московскому университету, который письменно изъявилъ ему за то свою благодарность.—Здѣсь мѣсто упомянуть о предшествовавшемъ второмъ изданіи и причинахъ, побудившихъ автора къ третьему.—Читатели мои помнятъ, что Князь Долгорукой пожертвовалъ (1806) прибыль отъ своихъ сочиненій въ пользу владимірской гимназіи. Въ слѣдствіе этой привилегіи второе изданіе отдано было, съ

публичнаго торга, самимъ университетомъ, книгопродавцу Пономареву съ тѣмъ, чтобы на вырученныя на это деньги ежегодно покупались книги для составленія въ владимірской гимназіи библіотеки. Но намѣреніе это не исполнилось: Пономаревъ обманулъ и университетъ и гимназію. Гимназія молчала; а Князь Долгорукой, узнавъ объ этомъ уже по прошествіи долгаго времени, пожаловался университету, который потребовалъ отъ Пономарева отчета. Отчетъ былъ неудовлетворителенъ: университетъ рѣшился защищать права контракта; но во время вторженія въ Москву непріятелей многіе акты распропали. Процессъ кончился ничѣмъ, и гимназія ничего не получила. Не желая быть обманутымъ вторично, Князь Долгорукой на этотъ разъ распорядился самъ третьимъ изданіемъ. Онъ ввѣрилъ его честному и просвѣщенному книгопродавцу, Александру Сергѣевичу Ширяеву, который далъ за право изданія на тысячу рублей книгъ, по выбору Князя, которыя на счетъ Ширяева же были отправлены въ гимназію, и составили по крайней мѣрѣ хорошее начало гимназической библіотеки (*).

Въ концѣ этаго года замѣчательно слѣдующее мѣсто въ запискахъ Князя Долгорукаго, доказывающее, что, несмотря на увлеченія и заблужденія, онъ наблюдалъ въ себѣ человѣка и не пренебрегалъ трудною наукою самопознанія. Вотъ оно: „Хотя я по обыкновенію моему и возобновилъ силы душевныя врачествомъ „вѣры, отговѣвши послѣдніе дни Рождественскаго поста, „и въ предназначенный день, 24 Декабря, вкусилъ та-

(*) Въ отношеніи директора гимназіи, упомянутомъ выше (стран. 69—70), сказано: «книгъ на 1742 рубля.»—Вѣроятно Ширяевъ сдѣлалъ Князю большую уступку противъ печатныхъ каталоговъ; а въ реэстрѣ, посланномъ въ гимназію, выставилъ ихъ продажную цѣну.

„инственной христіанской трапезы; но въ тоже время „обуреваемъ былъ суетными удовольствіями чувственности, какъ младенецъ, не стяжавшій никакихъ опытовъ. Подобныя заблужденія ума исправляются одною „сильною рукою всеблагаго промысла, и она, скоро „смиривъ меня, научила искать счастія остальныхъ дней „жизни моей не въ растлѣнныхъ удовольствіяхъ чувствъ, „а въ тишинѣ домашней жизни, сопровождаемой христіанскимъ благочестіемъ. И такъ я могу почитать „сей годъ почти гробомъ забавъ моихъ и послѣдней „эпохой суетнаго бытія моего на свѣтѣ."—Само собою разумѣется, что эти слова относятся не къ тѣмъ позволительнымъ удовольствіямъ, хотя и суетнымъ, отъ которыхъ трудно совсѣмъ отказаться человѣку, живущему въ мірѣ. Но вспомнимъ, что онъ былъ человѣкъ осьмнадцатаго вѣка. Многіе ли изъ современниковъ изложили бы такую исповѣдь, про себя, въ тайникѣ души своей, въ запискахъ, которыя не съ тѣмъ писаны, чтобъ ихъ тотчасъ же узнала публика: слѣдовательно не съ намѣреніемъ хвастливаго ханжества, а просто какъ обращеніе на самаго себя, въ тайной бесѣдѣ съ самимъ собою.

И этимъ годомъ кончатся его подробныя записки. Онѣ составляютъ слишкомъ тысячу страницъ мелкаго письма, въ листовомъ форматѣ, и представятъ нашимъ потомкамъ, когда будутъ напечатаны, всѣ мельчайшія подробности жизни автора, всѣхъ близкихъ къ нему людей, со всѣмъ его окружавшимъ и со всѣми внѣшними происшествіями, интересовавшими его, какъ гражданина. Послѣдующихъ годовъ (1819—1822) осталось только краткое обозначеніе предметовъ для дальнѣйшаго повѣствованія, канва, по которой предполагалось писать продолженіе записокъ. Но въ концѣ этаго недоконченнаго періода времени я былъ уже знакомъ съ

семействомъ Долгорукихъ, и потому могу слѣдовать собственнымъ моимъ воспоминаніямъ. Упомяну прежде о извѣстныхъ мнѣ литературныхъ занятіяхъ Князя Долгорукаго въ эти годы. Въ 1819 году написалъ онъ стихи *На кончину Королевы Виртембергской Екатерины Павловны*, и получилъ за нихъ, въ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, рескриптъ вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны. Въ Декабрѣ того же года началъ онъ заниматься сочиненіемъ *словаря* всѣхъ лицъ, съ которыми, въ теченіе своей жизни, былъ въ сношеніяхъ. Онъ говорилъ мнѣ, что и мое имя найдется тутъ же; но я никогда не видалъ этаго словаря, и вообще авторъ хранилъ его втайнѣ. Этотъ трудъ былъ вполнѣ оконченъ только въ Октябрѣ слѣдующаго года.—Въ 1820 г. сочинилъ онъ шесть небольшихъ театральныхъ піэсъ, подъ названіемъ *Пословицъ* (Proverbes dramatiques.) Всѣ онѣ были умны и забавны, какъ напримѣръ одна, которую у него играли на домашнемъ театрѣ, подъ названіемъ: *Представители или у семи нянекъ дитя безъ глазу*; а нѣкоторыя были уморительно веселы, въ томъ числѣ забавный фарсъ, котораго названія я не помню, но который по имени одного дѣйствующаго лица мы называли: *Клопинандусъ*; потомъ написана имъ трагедія въ стихахъ: *Султанъ-Фатьма*,— имя той татарки, жены одного изъ его предковъ, которой памятникъ открытъ имъ въ Касимовѣ. Но содержаніе самой трагедіи не относится къ фамильнымъ происшествіямъ, а изобрѣтено самимъ авторомъ. Въ Августѣ этаго же года Князь Долгорукой началъ переводъ вольтеровой трагедіи *Агафоклесъ*, и въ Сентябрѣ его кончилъ. Въ Іюлѣ 1821 написалъ онъ четыре посланія къ разнымъ лицамъ; а въ 1822-мъ стихи на *Чистый Понедѣльникъ*, замѣчательные по христіанскимъ чувствамъ человѣка, обратившагося на самаго себя и

строго разбирающаго нетолько свои недостатки, но и самыя побужденія къ поступкамъ:

Съ какимъ отчетомъ ты предстанешь
Къ повѣренному божества?
Предъ нимъ оправдывать чѣмъ станешь
Дѣла разумна существа?
Любилъ—не небо, прелесть міра;
Святилъ—не Бога, но кумира;
Прощалъ—кому отмстить не могъ;
Богатъ—съ убогимъ не дѣлился;
Высокъ—предъ нижними гордился;
Къ себѣ былъ благъ, къ другимъ былъ строгъ!

Эти стихи, если сравнить ихъ съ другими его же стихами: *Заговѣнье*, писанными въ молодыхъ лѣтахъ, замѣчательны еще тѣмъ. что они показываютъ, какъ годы измѣнили поэта Тамъ, при такомъ же случаѣ, при началѣ поста, совсѣмъ другія мысли занимали того же человѣка:

Когда Москвы въ обширномъ градѣ,
Полночи ожидая часъ,
Вся юность наша въ маскарадѣ
Въ послѣдній вальсируетъ разъ, —
　　Тогда я, сидя у огня,
　　Рандой мысль свою питаю,
　　Въ стихахъ ей сердце посвящаю—
　　И кто счастливѣе меня!

Не станемъ же, пробѣгая жизнь Князя Ивана Михайловича Долгорукаго, винить его въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ: время беретъ свое. Едва ли не истину сказалъ одинъ поэтъ: „Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!“—Но только тотъ улучшается, кто наблюдаетъ самаго себя, вникаетъ въ самопознаніе и между самы-

ми отклоненіями обращается къ вѣчной истинѣ. Таковъ былъ Князь Долгорукой.

Считаю нужнымъ предупредить здѣсь читателя, что я упоминалъ въ этой біографіи только о тѣхъ произведеніяхъ Князя Долгорукаго, которыхъ время сочиненія мнѣ извѣстно, или которыя относятся къ нѣкоторымъ случаямъ его жизни и къ его характеру.

Но въ человѣкѣ необыкновенномъ намъ любопытно узнать и самыя наружныя черты его. Въ этомъ случаѣ Князь Долгорукой облегчаетъ трудъ своего біографа; описавши себя въ отрочествѣ, въ своихъ запискахъ, онъ изобразилъ себя и въ зрѣломъ возрастѣ, и наружно и внутренно, въ стихахъ, подъ названіемъ: *Я.* — Вотъ какъ онъ написалъ портретъ свой:

Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что̀ здѣсь своимъ могу назвать!
Снаружи напередъ начну я рисовать.
Натура маску мнѣ прескверну отпустила;
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можно изъ нея, по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать.
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу;
То есть: я близорукъ; лорнета—ненавижу!
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутской наборъ и мой годится станъ!
Вотъ все, что̀ мнѣ на крестъ природа положила;
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила.
Но вмѣстѣ все сложивъ, нельзя ей попенять,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать!

Хотя эта некрасивость поэтомъ преувеличена; но конечно онъ не былъ хорошъ собою. Я началъ знать его въ 1820 году. слѣдовательно уже въ его старости, когда лицо человѣка теряетъ много своей свѣжести и лишено живыхъ красокъ молодости; но я могу засви-

дѣтельствовать, что несмотря на сходство, этотъ портретъ усиленъ шутливостію поэта. Иначе онъ представлялъ бы собою феноменъ моральнаго міра; ибо обладая сердцемъ любящимъ и страстнымъ, онъ былъ и самъ любимъ страстно.—Далѣе онъ изображаетъ свое воспитаніе и тоже увеличиваетъ его недостатки гиперболою шутки. Мы видѣли уже, что воспитаніе будущаго поэта и любезнаго свѣтскаго человѣка не было оставлено въ пренебреженіи.—Вотъ однако что̀ онъ говоритъ о немъ въ тѣхъ же стихахъ своихъ:

Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно,
Учился я всему, чему придумать можно;
Да что-то я на все тупенекъ съ малу былъ:
Иное не далось, иное позабылъ!
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки;
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки,
Латынь, одну латынь—безъ складу, по толкамъ
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ, и все по пустякамъ!
Что̀ денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А математики совсѣмъ, мой другъ, незнаю!
И сколько мастеровъ ни смучилъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей!
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну!
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного;
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего!
Въ манежѣ три зимы меня ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно приучали;
Но что и затѣвать, чего нѣтъ на роду!
Не только что съ коня, съ клячонки упаду!
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ,
И такъ въ моихъ словахъ, пожалуй, будь увѣренъ!
Учился я всему; но былъ успѣхъ въ томъ плохъ!
Наука въ сторонѣ; а я сталъ скоморохъ!
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю!
Спасибо, что хотя на что нибудь да гожъ!

Сквозь этаго шутливаго изображенія кто не увидитъ, изъ однихъ даже предметовъ ученія, самаго тщательнаго образованія, какое давалось въ то время дѣтямъ хорошихъ фамилій, и нужнаго по тогдашнимъ понятіямъ для молодаго свѣтскаго человѣка. — Но мало этаго: студенческой курсъ университетскаго ученья, которое не поставлялось тогда въ непремѣнную обязанность, и изученіе латинскаго языка показываютъ заботливость воспитателя, простиравшуюся далѣе требованій того времени.

Вотъ какъ поэтъ продолжаетъ изображать себя:

Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать натура!
Слыхалъ я отъ жены, что будто *я уменъ;*
Быть можетъ, что и впрямь въ своемъ углу смышленъ!
Когда о чемъ нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства: не все же повираю!
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ никакъ;
А то вѣдь скажутъ всѣ: какой-де онъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ; я, право, не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умный, не гожуся!
Не чванъ-ли я? — О нѣтъ! и еслибъ знатенъ былъ,
За всякой бы поклонъ поклономъ я платилъ.
Самолюбивъ-ли я? — Къ несчастью, *очень много,*
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять!
Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять!
Я дикъ, тяжолъ и грубъ; но льзя-ли быть иначе
Съ развратными людьми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря о правдѣ, каждый часъ
Все бойся, какъ бы имъ не трафить камнемъ въ глазъ!
Приятно ль встрѣтить вдругъ на рыцарской ходули
Того, кто въ цѣлый вѣкъ не видывалъ и пули?
Что̀ хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ горду бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что̀ мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ хватаетъ;

А ты когда предъ нимъ, какъ подлый рабъ, стоишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь!
Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю,
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ!
Я вспыльчивъ; *но во мнѣ духъ злобы не гнѣздится*
И мщеніемъ душа моя не возгорится!
Коварствовать ни съ кѣмъ не смышлю никогда
И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда!
. . . .
Но спросишь ты меня: чѣмъ въ жизни наслаждаюсь,
И въ праздности какой забавой занимаюсь?
Мой другъ! *отъ картъ меня уволить я прошу!*
Бостону жертвы я совсѣмъ не приношу!
За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться—
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться!
О женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю,
За васъ, для васъ, по васъ — я многое стерплю!

Вотъ какъ изобразилъ себя поэтъ; и таковъ онъ былъ дѣйствительно: самолюбивъ, безъ всякаго чванства; не гибокъ, но вѣжливъ и почтителенъ къ достоинствамъ; вспыльчивъ, безъ всякой злобы; неспособенъ ни къ мщенію, ни къ коварству и руководимъ всегда болѣе сердцемъ, нежели холоднымъ разсудкомъ. Нельзя вполнѣ согласиться, чтобъ онъ былъ *дикъ, тяжолъ и грубъ*, какъ онъ выразился самъ; но когда находила на него *хандра*, онъ становился дѣйствительно угрюмымъ и неприятнымъ для окружающихъ его. Впрочемъ это проходило скоро, какъ туча, набѣжавшая въ лѣтній день: тотъ же вѣтръ и уносилъ ее!—Замѣчательно однако, что въ этихъ стихахъ онъ изобразилъ себя болѣе, нежели хотѣлъ. Вся эта вспышка негодованія, доходящая до рѣзкой сатиры, начинная съ словъ:

Я дикъ, тяжолъ и грубъ; но льзя ли быть иначе
Съ развратными людьми — и проч.

изображаетъ, какъ нельзя лучше, вспышки негодованія на людей, находившія на него въ нѣкоторыя минуты, когда онъ дѣйствительно былъ жалокъ; ибо чувствовалъ тягость пройденнаго имъ опыта! Я буду нѣсколько разъ возвращаться къ этой чертѣ его характера, энергически выраженной имъ во многихъ его стихотвореніяхъ.

Но въ обращеніи съ людьми не было добрѣе и радушнѣе этаго человѣка, не было его простѣе! Приступая къ описанію его образа жизни, я начну съ его дома, семьи, и перейду къ его обычаямъ. Я сказалъ уже, что онъ былъ *небогатъ* и *радушенъ:* эти двѣ черты отражались во всемъ его окружающемъ и во всемъ его образѣ жизни.

Не даромъ сказалъ Державинъ: *Оселокъ честности—прибытокъ.* Самъ Князь Долгорукой не нажилъ ничего. Отецъ его, хотя сначала имѣлъ очень достаточное состояніе, не оставилъ сыну почти ничего въ наслѣдство. Обратимся назадъ, къ отдаленному времени, и покажемъ прежде всего переходъ богатства этой фамиліи къ тому положенію, которое досталось на долю ея потомку. Главною причиною упадка ихъ состоянія было, какъ упомянуто мною прежде, паденіе фамиліи Князей Долгорукихъ при Биронѣ. — Здѣсь я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности. — По возвращеніи изъ ссылки, изъ Березова, бабки Князя Ивана Михайловича, Княгини Натальи Борисовны, при Императрицѣ Елизаветѣ, возвращены ей были только нѣкоторыя незначительныя вотчины казненнаго мужа; вообще же о всемъ конфискованномъ имѣніи, отчасти розданномъ уже другимъ лицамъ, послѣдовалъ указъ,

чтобы составить ему вѣдомость и представить, которая однако никогда не была сочинена и представлена. — Но кому было хлопотать объ этомъ въ томъ бѣдственномъ положеніи и послѣ той опалы, въ которыхъ находилась фамилія Долгорукихъ? — Хлопотала одна Княгиня Наталья Борисовна, посредствомъ извѣстнаго Лестока, который при дворѣ Елизаветы былъ въ большой силѣ. Дѣло шло о возвращеніи шестнадцати тысячъ душъ. Лестоку и хотѣлось услужить ей, да несовсѣмъ безкорыстно. — Ему полюбились столовые часы ея брата, Графа Петра Борисовича, отдѣланные въ старинномъ вкусѣ, съ бирюзою. Ихъ цѣнили *тогда* въ четыре тысячи рублей. Графъ Шереметевъ пожалѣлъ ихъ и не отдалъ; а Лестокъ отступился отъ ходатайства.

Въ добавокъ къ потерѣ мужнина имѣнія, Княгиня Наталья Борисовна не получила отъ брата и узаконенной четырнадцатой части, слѣдовавшей ей изъ имѣнія отца, имѣнія столь огромнаго, что на эту четырнадцатую часть ей приходилось 4285 душъ. — Обѣ сестры, Княгиня Наталья Борисовна и другая, получили отъ брата только по 500 душъ. Объ этомъ упоминаетъ съ негодованіемъ внукъ ея, въ превосходномъ стихотвореніи своемъ, *Торжество совѣсти*. Такъ поэзія, переживая поколѣнія, становится служительницею истины.

У отца его было однако, въ Пензенской губерніи, село Царевщина съ деревнями, состоящее изъ 1200 душъ; но во время пугачевскаго бунта (1775 г.) крестьяне разграбили фабрики и хозяйственныя заведенія, пропили и свое и господское имущество, обѣдняли сами, и съ того времени все имѣніе пришло въ упадокъ. Убытку оказалось до 70 тысячъ. По тогдашнему курсу и по дешевизнѣ всѣхъ

предметовъ, это была сумма огромная, равняющаяся по нынѣшнему нѣсколькимъ стамъ тысячь. Съ этагó времени завелись долги. Было еще село Волынское, въ семи верстахъ отъ Москвы; но подмосковныя, какъ извѣстно, не приносятъ большаго дохода. Кромѣ того, Князь Михайло Ивановичъ, кажется, былъ и не хозяинъ. Не знаю навѣрное участь этихъ имѣній; но послѣ него оставалось собственнаго его имѣнія, въ наслѣдство Князю Ивану Михайловичу, не болѣе сорока душъ, въ подмосковной, называемой Никольское, которое, какъ мы видѣли выше, продано было на уплату долговъ самимъ наслѣдникомъ.

Имѣніе его матери, урожденной Баронессы Строгановой, простиралось до 800 душъ; но половина его, какъ сказано выше, была продана послѣ смерти мужа, на уплату долговъ его — не всѣхъ, а только, какъ говорится, чтобы передышать. Послѣ нея хотя и оставалось, вмѣстѣ съ отцовскими, около 500 душъ; но такъ какъ долги все еще оставались, то состояніе Князя Ивана Михайловича, убавленное еще продажею Никольскаго, было очень недостаточное.—Я почелъ нелишнимъ это небольшое отступленіе отъ моего предмета, какъ введеніе къ описанію небогатаго быта Князя Долгорукаго, который я помню во всѣхъ подробностяхъ.

Московской домъ его, купленный отцомъ въ 1784 году, существовавшій еще (1851), когда я въ первый разъ издавалъ его біографію, и сломанный нынѣ, былъ въ приходѣ Воздвиженья на Вражкѣ, и представлялъ, среди обширнаго двора, длинные, старинные тесовые хоромы въ одинъ этажъ окрашенные полинялою желтою краскóю. Позади этаго дома, къ Москвѣ рѣкѣ, былъ садъ, почти оброшенный: кажется, имъ никто не занимался. Вдали, за Москвóю-рѣкою виды зелени, лѣса, деревня Фили и кладбище, на которое часто

смотривалъ уныло хозяинъ, когда мы, тогда еще молодые люди, вокругъ него рѣзвились и хохотали. Внутренность дома была нетолько некрасива, но даже неопрятна, особливо передняя, гдѣ старые обои висѣли лоскутьями. Подъ конецъ жизни хозяинъ передѣлалъ однако двѣ парадныя свои гостиныя, соединилъ ихъ въ одну, разгородилъ колоннами, отштукатурилъ, выбѣлилъ и обилъ мебель пунцовой шерстяной матеріей: чтò казалось уже почти великолѣпіемъ послѣ прежнихъ старыхъ обоевъ. Но кабинетъ его и другія комнаты оставались все въ прежнемъ видѣ.

Здѣсь жилъ онъ съ своею второю супругою, Княгинею Аграфеною Алексѣевною, съ ея племянницею Пр. Ив. Пожарскою, и съ младшимъ своимъ сыномъ, Княземъ Михайлой, или Рафаиломъ; ибо и то надобно причислить къ странностямъ Князя Ивана Михайловича, что многія его дѣти имѣли по два имени: одно, данное при крещеніи, а другое, данное имъ самимъ, которымъ они назывались. Такъ Рафаилъ назывался Михайлой; Антонина—Варварой; Евгенія—Натальей. Несмотря на недостаточность состоянія, Князь Долгорукой умѣлъ дѣлиться и съ другими, которые были еще недостаточнѣе. У него въ домѣ жили еще: почтенная, добрая старушка Ел. Ив. Елисѣева и простодушный старичокъ Ив. Никол. Классонъ, великой почитатель Наполеона и доктора Галя, и, признаюсь, надоѣдавшій намъ иногда объясненіемъ его системы. Всѣ они составляли какъ бы одно семейство. Не хочу забыть ни одного изъ добрыхъ людей этихъ! Наконецъ въ этотъ же домъ переѣхала и дочь Князя съ своимъ мужемъ. Для всѣхъ было довольно мѣста; для всякаго теплый уголъ: такъ помѣстительны были старинные хоромы, или такъ нетребовательны были тогда люди. Не умѣю разрѣшить, чтò изъ этихъ двухъ замѣчаній

справедливѣе относится къ моему повѣствованію. Во флигелѣ, составлявшемъ какой-то длинный выпускъ (и соединяемомъ съ главнымъ корпусомъ корридоромъ и домовою церковью), жила престарѣлая сестра хозяина и его крестная мать, добродушная, кроткая, любезная въ глубокой старости, нѣкогда красавица, Княжна Прасковья Михайловна, съ своей воспитанницей, Аграфеной Ѳедоровной Любавской. Ихъ обѣихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Старушка Княжна была и тогда уже согбенна лѣтами; ея питомица цвѣла какъ роза; объ ней написалъ Князь Долгорукой:

Другая — той я далъ прозванье Анемоны,
Славнѣе красотой Надировой короны!

Объ ней же упомянулъ я, въ одной изъ моихъ Московскихъ Элегій:

Помните ль вы, тутъ была всѣхъ прекраснѣе, выше всѣхъ ростомъ,
Стройная пальма, щочки какъ роза, агатные глазки,
Живостью птичка, умна и мила, и игрива, какъ кошка,
Помните: имя ей было у насъ — Анемона. Въ дни оны
Князь написалъ, что она и Надировой краше короны.

Воспоминая объ этой семьѣ, я какъ будто вновь переживаю мою молодость: сколько драгоцѣнныхъ, беззаботныхъ минутъ было проведено мною среди этихъ людей, умныхъ, добродушныхъ, простыхъ сердцемъ, чуждыхъ всякихъ требованій, привѣтливыхъ и снисходительныхъ къ пылкой и веселой нашей молодости. Да будетъ имъ здѣсь выражена вся благодарность моего сердца; а умершимъ да будетъ вѣчная память.

Возвращаюсь къ моему описанію.

Въ домѣ Князя, какъ я сказалъ, не было никакихъ украшеній; но на стѣнахъ, и въ домѣ и во флигелѣ, были развѣшаны фамильные портреты Князей Долгорукихъ, этой исторической фамиліи, конечно заслуживающей, чтобы и самыя черты многихъ лицъ, къ ней принадлежащихъ, были сохранены въ памяти. Тутъ были портреты: Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго и несчастнаго счастливца Князя Ивана Алексѣевича. (Портретъ супруги его, Княгини Натальи Борисовны, какъ я сказалъ уже, стоялъ въ домовой церкви). Тутъ же, но особо отъ другихъ (черта ли чувства, или тщеславія?) былъ и портретъ Императора Петра II, который былъ помолвленъ на Княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой и котораго хозяева какъ бы безмолвно причисляли къ своему семейству. Надъ нимъ, я помню, была скромная надпись: *добрая надежда.*

Князь Иванъ Михайловичъ начиналъ каждый день молитвою; потомъ садился читать священное писаніе. Это было ежедневно. Потомъ принимался за литературныя занятія. Всякое утро что нибудь выходило изъ-подъ пера его. Это не удивитъ моего читателя, когда онъ вспомнитъ, что кромѣ стиховъ, которые всѣмъ извѣстны, и многихъ другихъ сочиненій, въ томъ числѣ комедій, пословицъ, фарсовъ и проч., оставшихся въ рукописи, онъ написалъ еще подробныя записки о своей жизни. Кромѣ того, онъ оставилъ, тоже въ рукописи, упомянутый уже мною словарь всѣхъ своихъ знакомыхъ, подъ названіемъ: *Капище моего сердца*, который онъ называлъ своимъ календаремъ, и гдѣ онъ, по мѣрѣ сношеній своихъ съ разными лицами, помѣщалъ ихъ изображенія, или описанія ихъ свойствъ. Потомъ остались, тоже въ рукописи, его путешествіе въ Кіевъ, въ Одессу, въ Нижній-Новгородъ. Такимъ образомъ не проходило ни одного

утра, чтобъ онъ не писалъ, развѣ когда бывалъ отвлеченъ пріѣздомъ кого нибудь къ нему, или необходимымъ выѣздомъ изъ дому.

Обѣдалъ онъ всегда дома, въ своей семьѣ; клуба не любилъ. Столъ его былъ нероскошенъ, даже не деликатенъ; но сытенъ и отличался какою-то смѣсью. Послѣ обѣда и вечеръ — хозяинъ принадлежалъ уже всѣмъ; и тутъ-то развертывался иногда до невѣроятной шутливости и живости, даже до ребячества, его веселый характеръ!

Какъ изобразить его общество? По бо́льшей части съѣзжались къ нему по вечерамъ — мы, тогдашніе молодые люди, занимавшіеся литературой, или его родственники. Впрочемъ онъ сохранилъ связь со всѣмъ лучшимъ обществомъ Москвы; когда у него бывали званые вечера, или домашніе благородные спектакли, къ нему пріѣзжали: и московская знать, и свѣтскія дамы, и все, что̀ было извѣстнѣйшаго въ столицѣ. Театръ былъ его страстію. Я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ его спектакляхъ, и помню, что для Князя Ивана Михайловича это было — и наслажденіе, и мука, и торжество, и хлопоты; однимъ словомъ—дѣло важное, а не пустая забава! За то какъ онъ былъ счастливъ, когда удавались репетиціи, когда всѣ знали свои роли, пріѣзжали на пробы во время, не заставляя себя ждать; когда *реплики* не замедлялись, всѣ знали свои мѣста, не забывали входы и выходы; словомъ, когда піэса шла безостановочно и стройно. Но какъ онъ сердился и мучился, когда все это шло неудачно!—Признаться, иногда въ этомъ случаѣ забавно было смотрѣть на него: тутъ онъ готовъ былъ сказать даже грубость, что̀ было совсѣмъ несообразно съ его вѣжливостію прошедшаго вѣка. Но кто бы могъ осердиться на добродушнаго человѣка! Вся семья хлопотала въ такомъ

случаѣ, чтобы угодить ему. Я помню, какъ встрѣчаетъ бывало Княгиня и спрашиваетъ шопотомъ: „знаешь ли роль?"—Я помню, какъ въ эти дни самъ Князь встрѣчалъ насъ важно, съ лицомъ озабоченнымъ, чего, въ другихъ случаяхъ, никогда не бывало.

Наступалъ день спектакля. Сердце наше билось сильнѣе обыкновеннаго: желаніе показать свое сценическое искусство, (которымъ, впрочемъ, я не могу похвалиться;) самолюбіе актера съ разными другими отношеніями между дѣйствующими лицами; послѣдняя репетиція, костюмы — и наконецъ, надобно сказать, желаніе угодить этому добродушному старому ребенку, т. е. самому Князю: все это дѣлало для насъ, молодыхъ людей, день спектакля какимъ-то замѣчательнымъ днемъ жизни!—Наконецъ съѣзжается публика, музыка гремитъ, открывается занавѣсъ — первый выходъ; какъ трепетало сердце, особенно, если тутъ была и другая причина къ его трепету! О молодость!—По окончаніи спектакля Князь бывалъ необыкновенно счастливъ: какъ гора съ плечъ свалила!—Актеры *всѣ* довольны собою!—Чего же лучше! — И вся семья счастлива, что Князь доволенъ успѣхомъ спектакля.

Справедливость требуетъ однако сказать, что его спектакли были по большой части играны хорошо, даже иногда прекрасно.—Князь требовалъ отъ своихъ благородныхъ актеровъ — искусства, въ чемъ ему и удавалось. — Тогда были въ Москвѣ, между людьми свѣтскаго общества, замѣчательные сценическіе таланты. Вспомнимъ о двоихъ, изъ которыхъ первый тоже иногда игралъ на его театрѣ. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ имѣлъ неоспоримо талантъ, обработанный тщательнымъ изученіемъ мимики и сцены; голосъ его былъ сотворенъ для сцены. Онъ столь умѣлъ владѣть имъ, что даже тихая рѣчь его была слышна внятно. Другой — отставной

генералъ-маіоръ Алексѣй Мих. Пушкинъ, двоюродный дядя поэта, обладалъ прекраснымъ природнымъ сценическимъ талантомъ. Я помню ихъ, игравшихъ однажды, (въ Генварѣ 1821,) въ домѣ перваго изъ нихъ, двухъ *Криспиновъ*, въ піэсѣ этаго имени, (Crispin rival de son maître.) Любопытство зрителей было еще болѣе возвышено возможностію сравнить въ одинакихъ роляхъ два замѣчательные таланта; почему Князь Долгорукой очень правильно называетъ этотъ спектакль, въ своихъ запискахъ, *единоборческимъ спектаклемъ*. Кокошкинъ доходилъ до натуры—своимъ искусствомъ и обработаннымъ изученіемъ роли; Пушкинъ былъ натураленъ и простъ, но эта простота равнялась искусству!—Тогда театръ не отдѣляли отъ литературы и искусства, и потому смотрѣли на благородные спектакли со стороны искусства же, требуя отъ нихъ не одной общественной забавы. Эти спектакли не сопровождались никакою пышностію, никакою внѣшностію хвастовства; публика собиралась именно для спектакля, слушала съ вниманіемъ, судила съ какимъ-то правомъ на судъ, который никому не былъ оскорбительнымъ, и вмѣстѣ оставалась благодарною за благородное наслажденіе вкуса. Однимъ словомъ, спектакль былъ не въ придачу къ свѣтскому сборищу людей, но цѣлію ихъ соединенія. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ благородные спектакли были въ это время возвышены искусствомъ: по этому можно судить и о вкусѣ тогдашней публики, и о наклонности ея къ изящному. Князь Иванъ Михайловичъ и самъ иногда, оставляя гостей своихъ, являлся на сценѣ, по бо́льшей части въ роляхъ нѣсколько забавныхъ, гдѣ бы былъ полный разгулъ его шутливой натурѣ. Его игра была хороша, непринужденна, свободна, но уже слишкомъ естественна: въ ней не было мѣста искусству. Подъ старость ученикъ

Офрена, кажется, не хотѣлъ объ немъ заботиться, а хотѣлъ только повеселиться своею игрою. Но онъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему апплодировали, и самъ хохоталъ, когда послѣ спектакля хохотали другіе, вспоминая нѣкоторые его жесты и приемы на сценѣ.

За спектаклемъ, по обычаю, слѣдовали танцы; потомъ ужинъ. Эти ужины доказывали тоже его малое стяжаніе; но къ этому уже привыкли: всѣ его любили; никто не говорилъ, что онъ кормитъ дурно. За веселостію разговора, за тою непринужденностію, которая была тономъ его дома, наконецъ и за приятнымъ воспоминаніемъ о спектаклѣ, некогда было подумать о посредственномъ ужинѣ. Шумъ и хохотъ оканчивали вечеръ; когда тутъ быть недовольнымъ?

Повторяю: Князь Долгорукой любилъ страстно драматическое искусство. Я уже упоминалъ о его успѣхахъ на сценѣ въ лѣтахъ молодости. Эта склонность развернулась въ немъ съ пятнадцатилѣтняго возраста. Вотъ какъ упоминаетъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „Батюшкѣ угодно было доставить намъ „забавы, свойственныя нашему возрасту, и для сего „построенъ былъ въ залѣ небольшой театръ, на которомъ я въ первый еще разъ сталъ играть и трагедіи, „и комедіи. Природная склонность тотчасъ оказалась. „Никто меня не училъ декламировать; но ужъ видно „было изъ дѣтскихъ моихъ приемовъ, что я достигну „до нѣкотораго совершенства въ этомъ родѣ; и признаюсь, что я, безъ всякой натяжки, пристрастился „къ актерскому дѣлу. Къ чему насъ влечетъ природа, „то мы и будемъ. Еслибы я попался въ руки къ славному тогда Дмитревскому: конечно я бы вышелъ „совершеннѣйшій актеръ, чѣмъ дипломатъ, философъ, „или что нибудь другое.“—Мы видѣли уже, какъ онъ воспользовался въ послѣдствіи времени наставленіями въ

драматическомъ искуствѣ знаменитаго Офрена. Мудрено ли послѣ этаго, что страсть къ этому искусству сохранилась въ немъ до самой старости?

Князь Иванъ Михайловичъ вообще любилъ забавы, любилъ себя тѣшить и веселить другихъ: это была его стихія. Пропустить эту черту въ его характерѣ, или сказать объ ней мимоходомъ, значило бы отказаться отъ самой оригинальной черты его портрета. И потому я буду слѣдовать шагъ за шагомъ за моими воспоминаніями во все то́ время, въ которое я почти ежедневно видалъ его.

Его спектакли продолжались однажды (1820 — 1821) всю зиму, до самаго Великаго поста. Намъ, молодымъ людямъ, было очень весело; но и мы наконецъ устали. А Князь Иванъ Михайловичъ, который не могъ жить безъ людскаго общества, придумалъ себѣ на постъ другую забаву — и кто бы могъ вообразить, какую? — Учрежденіе на пять недѣль поста литературнаго общества! —Наскоро онъ набралъ членовъ—и на второй же недѣлѣ общество было открыто! Я помню нѣкоторыхъ его членовъ: самъ хозяинъ, младшій сынъ хозяина Князь Михайла, зять его же П. А. Новиковъ, М. Н. Загоскинъ, С. Т. Аксаковъ, А. А. Волковъ, своякъ Князя М. П. Тѣлегинъ, А. Д. Курбатовъ и я; другихъ не помню. Правиломъ общества положено было предсѣдательствовать въ немъ каждому изъ членовъ по очереди и по старшинству лѣтъ, смѣняясь еженедѣльно. Въ первомъ засѣданіи предсѣдательствовалъ самъ хозяинъ; собиралась и публика, т. е. человѣкъ двадцать его короткихъ знакомыхъ и его ближнихъ, мужчинъ и дамъ. Но во второе же засѣданіе и это общество, сколь ни важно сидѣли члены, превратилось въ комедію! —Пріѣхала изъ провинціи, изъ деревни, одна дама, о которой Князь извѣстилъ насъ, что она стихотворица.

Мы никогда объ ней не слыхивали После уже, гораздо спустя после этаго, мнѣ попалась книга ея стихотворенiй, посвященная Князю. Въ ней нашелъ я замѣчательнаго только одно посвященiе, гдѣ она, обращаясь къ Князю съ оправданiями своему перу, говоритъ между прочимъ съ удивительною наивностiю, что если ея слогъ имѣетъ такiе-то и такiе-то недостатки, то ей это извинительно, потому что одинъ онъ былъ ея образцомъ и учителемъ. Но обращаюсь къ нашему засѣданiю. Мы ничего не знали, что̀ готовится, и садимся очень важно на свои мѣста, за большой столъ, какъ члены общества. — Вдругъ Князь ставитъ еще кресла; приглашаетъ сѣсть къ столу прiѣзжую стихотворицу, говоря: „Марья Петровна! прошу покорно садиться съ нами!" — и объявляетъ, что она выбрана въ почетные члены. Дама, послѣ нѣкоторыхъ извиненiй, сѣла. Вдругъ встаетъ одинъ изъ старшихъ членовъ, бывшiй на этотъ разъ предсѣдателемъ, и начинаетъ читать ей привѣтственную рѣчь. —Я помню даже хрiю этой рѣчи; вотъ она: „Съ тѣхъ поръ, какъ сотворенъ „мiръ и вращаются круги звѣздные, всѣ человѣки стре„мятся къ счастiю. Одни полагаютъ его въ томъ, другiе „въ другомъ; а мы въ занятiяхъ литературой и въ „поэзiи. Почему, уважая ея дарованiя, мы захотѣли „раздѣлить съ нею наши благородныя занятiя и при„соединить ее къ нашему обществу." — Марья Петровна безпрестанно краснѣла; приподнималась съ кресел и говорила: „Помилуйте! чѣмъ я это заслужила!" — И подлинно, чѣмъ заслужила она такую комедiю! — Мы всѣ едва могли удержаться отъ смѣха; наконецъ Князь, во время самаго произнесенiя рѣчи, наклонился ко мнѣ, закрывъ себя отъ другихъ платкомъ, и я увидѣлъ, что онъ помираетъ со смѣху!—Кончилось засѣданiе; Князь вышелъ въ другую комнату, нахохотался вдоволь, и я

видѣлъ, что онъ совершенно доволенъ, что изъ его серьознаго намѣренія почтить талантъ пріѣзжей дамы, не думавъ не гадавъ, вышла такая комедія, тѣмъ болѣе, что дама не замѣтила этаго и осталась тоже довольною.

Настала Святая недѣля (1821). Въ это время Князю случилось быть нездоровымъ. Болѣзнь неважная: на рукѣ нарывъ; но дѣло въ томъ, что ему нельзя было надѣвать фракъ, слѣдовательно и выѣзжать, а выѣхать въ широкомъ сюртукѣ онъ не рѣшался, потому что почиталъ это за невѣжливость. И дѣйствительно—тогда даже на публичныхъ гуляньяхъ всѣ бывали во фракахъ; одинъ только цвѣтъ фрака различалъ его употребленіе: темные цвѣта, особенно черный, употреблялись для званыхъ обѣдовъ и баловъ, а синій и другіе свѣтлые—для утра и вообще для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ нынче надѣвается сюртукъ или пальто. Я пріѣзжаю къ нему на Святой недѣлѣ. Меня встрѣчаетъ добрая Княгиня и говоритъ: „что̀ дѣлать съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ! сидитъ въ кабинетѣ и хандритъ! Не можете ли вы какъ нибудь выманить его подъ Новинское?“—Я сговорился съ зятемъ Князя, съ которымъ былъ друженъ съ университета, и пошли вмѣстѣ атаковать хандру Князя.—„Что вы, Князь, такъ печальны?“—„Отъ чего мнѣ быть веселымъ? Всѣ люди теперь веселятся; всѣ подъ Новинскимъ; я люблю быть на народѣ, люблю *толчею*, (это его выраженіе). Понимаете? А долженъ сидѣть дома!“—„Отъ чего жъ сидѣть дома?“—„Не могу надѣть фрака!“—„Вы бы надѣли сюртукъ, да и пошли.“ — „Нѣтъ, сударь!“ воскликнулъ съ жаромъ Князь: „это только вы, нынѣшніе, можете себѣ позволить такую невѣжливость! Я не такъ воспитанъ!“ и проч.—Какъ бы то ни было, но охота быть на народѣ превозмогла правила воспитанія, и Князь согласился идти съ нами подъ Новинское, только съ условіемъ,

чтобы мы оттуда куда нибудь его въ сюртукѣ не затащили.—Вотъ ходимъ мы подъ Новинскимъ. Близко оттуда былъ домъ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, которыхъ семейство Князь любилъ страстно. Я потому болѣе упоминаю объ обстоятельствахъ этой прогулки, что съ того времени я сталъ вхожъ въ домъ ихъ, и потомъ женился на одной изъ дочерей этаго благословеннаго семейства. Князь замѣтилъ, что Вельяминовыхъ нѣтъ на гуляньѣ.—„Послушайте, говоритъ онъ, пройдемте мимо ихъ дома, только съ тѣмъ, чтобы къ нимъ не входить: я въ сюртукѣ не пойду!"—Мы прошли мимо; никого нѣтъ у окошекъ. Наконецъ увидали насъ и зазвали къ себѣ. Князь отговаривался долго; наконецъ, какъ бы нéхотя, согласился, а самъ былъ очень доволенъ! Онъ воротился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа; но старался хмурить брови, между тѣмъ какъ говорилъ Княгинѣ съ улыбкой: „Вѣдь я зналъ, что куда нибудь затащатъ? Представь себѣ: были у Вельяминовыхъ!"—И вся хандра его прошла, какъ не бывало!

По наступленіи лѣта начинались обыкновенно у Князя загородныя прогулки и пикники. Можетъ быть нынче многими забыто это слово, или инымъ совсѣмъ незнакомо; и потому я считаю нелишнимъ объяснить его. Это тѣже прогулки за городъ, назначаемыя заранѣе обществомъ мужчинъ и дамъ, съ условіемъ, чтобы каждый привезъ съ собою, или что нибудь съѣстное, или прохладительное, или бутылку вина, и тому подобное. Такимъ образомъ угощеніе приходится каждому недорого, а все вмѣстѣ составляетъ иногда богатый полдникъ. Общество наше, составлявшее эти загородныя прогулки и пикники, было немногочисленно: кромѣ семьи Князя, собирались двѣ-три дамы и тѣже молодые люди, всегдашніе веселые собесѣдники добраго его семейства.

Кто знаетъ прекрасныя окрестности нашей величавой Москвы, тотъ знаетъ и то, что есть изъ чего выбрать мѣста для прогулокъ. Для нашихъ прогулокъ и пикниковъ избирались: то Кусково, Петровское, Кунцово, то близь-лежащіе сады и рощи; и дóлжно сознаться, что и нынѣ нельзя вспомнить безъ удовольствія этихъ поѣздокъ! Лѣтніе долгіе дни, зелень, молодость и всѣхъ одушевлявшая веселость: это было что-то идиллическое, какая-то пастушеская поэзія, какая-то свѣжесть жизни, въ которой такъ и хотѣлось дышать, жить и наслаждаться природой и обществомъ.— Тутъ мы играли въ разныя игры, бѣгали въ горѣлки, качались на качеляхъ и катались съ горъ, гдѣ ихъ находили; шумѣли, говорили, смѣялись, полдничали съ аппетитомъ молодости и усталости, расходились и опять сходились вмѣстѣ; и только съ наступленіемъ вечера возвращались въ родную Москву, веселые и довольные, какъ нынче, кажется, уже не веселятся молодые люди. Причиною этаго можетъ быть то, что мы въ нашей молодости были удивительно какъ беззаботны.—Князь Иванъ Михайловичъ участвовалъ въ нашихъ играхъ и забавахъ, и сколько могъ по своимъ лѣтамъ, не отставалъ отъ насъ!—Но случилось однажды, что мы, развеселившись и занявшись разными играми, какъ-то совсѣмъ объ немъ забыли; хватились его только къ полднику. Глядь: нѣтъ ѐго!—Гдѣ же Князь Иванъ Михайловичъ? — Княгиня встревожилась; ищемъ, ищемъ, аукаемъ по рощѣ: нѣтъ его!—Что же? —Глядимъ въ даль, и видимъ, за версту отъ насъ, онъ одинъ одинехонекъ идетъ по дорогѣ въ Москву! Всѣ бросились догонять его, и никакъ не могли понять причину этаго побѣга! Наконецъ она открылась. Князь, угрюмый и недовольный, какъ-бы нехотя, объяснилъ намъ, что „онъ замѣтилъ, что намъ ненуженъ; такъ чтоже ему

было тутъ одному дѣлать? Потому онъ и рѣшился уйдти тихомолкомъ въ Москву!"—Мы поняли: старику хотѣлось, чтобы мы пригласили его въ наши игры; а самому вмѣшаться въ нихъ не хотѣлось! Ему хотѣлось *вниманія сердца*! — Сердце было для него — *все*; онъ не старѣлся сердцемъ, и потому имѣлъ полное право на подобное требованіе!

По этой пылкости сердца легко угадать, что̀ онъ былъ въ молодости!—Говорятъ, что онъ былъ влюбчивъ и счастливъ въ любви, несмотря на свою некрасивую наружность. Говорятъ даже, что эта слабость вводила его иногда въ затруднительныя положенія. Но первая супруга его, о которой всѣ, знавшіе ее, утверждаютъ, что она была ангельскаго нрава, которая любила его пламенно и умѣла отличить минутное отклоненіе поэта отъ невѣрности мужа, спасала живое и пылкое сердце отъ многихъ сѣтей и затрудненій, и одною своею нѣжностію выводила его опять на прямой путь любви и долга.

Вотъ какъ говоритъ объ ней, о своей Евгеніи, самъ поэтъ, при посвященіи ей нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ послѣ ея смерти въ ея воспоминаніе: „Сердце мое кружилось, не умѣло быть постояннымъ, не стоило тебя—это правда; но когда я „входилъ во внутренность его, когда могъ находить „его свободнымъ отъ паровъ пламеннаго воображенія; „я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгеніи* выше всѣхъ „въ свѣтѣ, и никакой иной предметъ не силенъ былъ, „въ этомъ чистилищѣ прямой любви, выдержать сравненія съ тобою. Послѣ бурныхъ волненій страстей, „послѣ порывистыхъ желаній обольщеннаго взора и ума, „ты всегда находила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и „тебѣ курилъ я жертву истинной любви."

Далѣе вотъ какъ онъ говоритъ объ ней: „Она за-„нимала мой разумъ, украшала мое воображеніе, про-„свѣщала мое понятіе, и останавливая нерѣдко на скольз-„комъ пути заблужденія, предупреждала пагубныя его „послѣдствія; раздѣляя съ терпѣливостію стоическою „иго моей бѣдности, она безъ ропоту сносила мои не-„достатки, плакала со мною о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои „навлекалъ я на себя собственною своею неосторож-„ностію.“

Сколько стиховъ было писано имъ для женщинъ! Но надобно и то сказать, что въ его время — воспѣвать и прославлять красоту дамы, не скрывая даже ея имени, и писать ей о любви—это была привилегія поэта, которая никому не бросалась въ глаза, не оскорбляла ничьей строгости и не почиталась предосудительною.—Прочитайте стихи его современниковъ, Дмитріева, Карамзина и другихъ: вы найдете у всѣхъ стихи о любви, страстные стихи къ женщинамъ. — Дѣвственная наша поэзія началась съ Жуковскаго. Стихи Батюшкова сладострастны; но въ нихъ нѣтъ уже личнаго обращенія поэта къ предмету страстнаго сердца. Другое время; другіе звуки. Теперь наша лира отреклась и совсѣмъ уже отъ чувствъ сердца. Не знаю, лучше ли то время, когда поэты не отзываются чувству любви. Не отъ того ли мало по малу охладѣла наша поэзія! —Князь Иванъ Михайловичъ не могъ перенести этаго измѣненія въ направленіи поэтовъ; я помню, что онъ упрекалъ бывало насъ, тогдашнихъ молодыхъ стихотворцевъ, что мы Іезекіиля тянемъ, пишемъ іереміады, а не воспѣваемъ дамъ.

Онъ былъ столько же нѣженъ и пылокъ въ самой дружбѣ, нѣженъ до страсти, пылокъ до ревности! — Онъ самъ выразилъ это въ стихахъ своихъ, въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ души его:

Напрасно говорятъ, о дружбѣ разсуждая,
Что будто другъ прямой не можетъ жаркъ быть,
Что будто долженъ онъ безъ ревности любить;
Короче: все равно, что другъ, что дикой камень.
Ахъ, нѣтъ, Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть пламень!
Любовникъ—это пылъ, а другъ—есть тотъ огонь,
Который свѣтелъ, тихъ, но чуть его лишь тронь,
Усиляся, и онъ зажжетъ, что прикоснется,
И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется!
Я съ ревностью всегда друзей своихъ люблю,
И въ сердцѣ ихъ ни съ кѣмъ стать рядомъ не терплю!

Мудрено ли послѣ этаго, что онъ желалъ и почти требовалъ, чтобы его любили для него самаго, а не по отношеніямъ къ родству, или къ другимъ лицамъ. Если онъ замѣчалъ даже, что ему оказываютъ почетъ и уваженіе по разсчетамъ, или изъ какихъ нибудь, хотя самыхъ безкорыстныхъ видовъ: это выводило его изъ терпѣнія!—Припомню одинъ примѣръ этому. Одинъ изъ московскихъ жителей, В. А В., любившій приглашать на званые обѣды, любилъ также, изъ тщеславія, чтобъ на этихъ обѣдахъ были чиновныя лица, и хоть кто нибудь со звѣздою. Князь Иванъ Михайловичъ, который не выѣзжалъ никуда на обѣды безъ звѣзды, какъ скоро начиналъ одѣваться, чтобъ ѣхать на обѣдъ къ В., кричалъ своему камердинеру: „Левушка! пори съ фрака звѣзду!“ и къ большому смущенію хозяина всегда, бывало, явится къ нему на обѣдъ безъ звѣзды. Что за любящая душа, которая, оставляя чванство, столь приятное для многихъ, хочетъ, требуетъ, чтобъ ее любили за нее самое, а не по наружнымъ знакамъ почестей!

Странности его были, неизъяснимы; еще неизъяснимѣе удовольствіе, которое онъ находилъ въ своихъ шуткахъ и поговоркахъ: если можно чѣмъ объяснить ихъ, то развѣ чуднымъ избыткомъ веселости, которая

не могла удержаться въ берегахъ и лилась черезъ край!—У него были даже особыя слова и выраженія, которыя понимали только тѣ, которые привыкли къ его балагурству. Напримѣръ, вмѣсто „играть на театрѣ“, онъ говорилъ, какъ говорится въ простомъ народѣ о балаганахъ: „комедь ломать!“ Прыжки съ разными тѣлодвиженіями онъ называлъ: „колѣнца дѣлать.“ Забавляться, шутить, веселиться—это было на его языкѣ: „дрянь дѣлать.“ Стукнуть двоихъ другъ о друга лбами, напримѣръ дѣтей, онъ называлъ: „faire une cognette.“— Однажды, въ минуту отъѣзда на загородную прогулку, онъ роздалъ каждому изъ молодыхъ людей по надписи къ портрету, въ которыхъ не было никакого смысла, только затѣмъ, чтобы всѣ расхохотались этой неожиданности.

Иногда говорилъ онъ важно и плавно; иногда любилъ употреблять самыя простонародныя слова, которыя встрѣчаются и въ стихахъ его, напримѣръ: „и скука сердца *не замай*!“—вмѣсто „не трогай.“ — Къ его особенностямъ можно причислить и почеркъ письма его, который рѣшительно невозможно было разобрать, развѣ послѣ долгаго изученія и приобрѣтя большой навыкъ къ чтенію его писемъ. Мнѣ случалось получать отъ него записки; я посылалъ читать ихъ къ его дочери. Будучи въ Симбирскѣ, я получилъ отъ него однажды письмо изъ Москвы, и принужденъ былъ, не прочтя его, писать въ Москву и просить истолкованія. Многіе писали о томъ, что почеркъ имѣетъ связь съ характеромъ пишущаго. Если это такъ, то почеркъ Князя Ивана Михайловича можно было объяснить необыкновенною живостію его натуры: рука его не успѣвала слѣдовать за быстротою его мысли. Всѣ сочиненія Князя, даже записки о его жизни, немедленно по написаніи, переписывали на бѣло его дѣти, при-

выкшія уже разбирать его почеркъ; иначе оставались бы они недоступными, какъ дипломатической шифръ.— Да! онъ былъ уменъ, чувствителенъ, веселъ, пылокъ, нетерпѣливъ и во всемъ оригиналенъ.

Описавши образъ жизни Князя Ивана Михайловича, его веселость, его шутки, его хандру, его странности, однимъ словомъ, все, что бросалось въ глаза съ перваго взгляда, я опасаюсь, чтобъ читатели, не знавшіе его лично, не сдѣлали слишкомъ легкаго и превратнаго заключенія о характерѣ и свойствахъ этаго замѣчательнаго человѣка и оригинальнаго поэта. И такъ, я скажу, что несмотря на всю свободу, которую позволялъ себя Князь въ домашнемъ короткомъ обращеніи, онъ умѣлъ однако заслужить уваженіе къ своему образу мыслей и къ своимъ нравственнымъ свойствамъ; ибо основаніемъ ихъ были: здравый умъ, ясность души, прямота, чувствительность и чистосердечіе. Онъ не былъ ни въ чемъ педантомъ и не любилъ важничать; но когда говорилъ о предметахъ важнаго содержанія, его чувство и разумъ погружались хотя не глубоко, но легко и свободно, въ иную сферу мыслей, которыя были ему не чужды, но которыхъ онъ, такъ сказать, не любилъ сорить передъ народомъ. Онъ былъ набоженъ посвоему: болѣе по чувству растроганнаго сердца, нежели по глубокому размышленію, а это едва ли не лучше!—Я видалъ его цѣлую недѣлю, ежедневно, во время говѣнья, въ домовой его церкви: онъ не развлекался ни на одну минуту; самъ читалъ вмѣсто причетника во все продолженіе богослуженія, и несмотря на старость, не показывалъ ни малѣйшаго утомленія во все время продолжительной великопостной службы. Онъ хорошо зналъ церковный уставъ; съ малолѣтства, какъ я сказалъ выше, приученъ былъ къ чтенію церковныхъ книгъ, и любилъ великолѣпіе

нашего православнаго богослуженія. — При его веселости, при его наклонности смѣшить и смѣяться, никогда не вырывалось у него ни малѣйшей шутки, похожей на кощунство.—Замѣтимъ еще, что по своему воспитанію, по времени своей молодости, онъ принадлежалъ къ тому времени, когда вольтеріанство было въ модѣ, когда подобныя шутки были у свѣтскихъ людей нипочемъ, и когда остриться на счетъ предметовъ религіи было почти доказательствомъ остроумія.

Въ обращеніи съ нимъ всѣ оказывали ему уваженіе, всѣ цѣнили его умъ и доброту сердца. Молодые люди, съ которыми онъ шутилъ и балагурилъ, сколько душѣ угодно, и которымъ онъ дозволялъ иногда шутить съ собою, какъ съ ровестникомъ, никогда не забывали ни лѣтъ его, ни чина, ни природныхъ его отличій ума и таланта; тѣмъ болѣе—не смѣли при немъ забыться!

За то онъ и самъ умѣлъ уважать достоинство. Онъ уважалъ заслуги, уважалъ людей высокаго званія, особенно, когда они соединяли съ нимъ и высокую душу; о прочихъ молчалъ и никогда не высказывалъ своего мнѣнія. Кто ему дѣлалъ зло, о тѣхъ людяхъ онъ иногда только намекалъ мимоходомъ; но никогда не распространялся о нихъ въ разговорѣ: онъ какъ будто мстилъ имъ забвеніемъ! Изрѣдка только встрѣчаются въ его сочиненіяхъ горькіе упреки, которыхъ впрочемъ нельзя отнести ни къ кому лично. Таковы напримѣръ слѣдующіе стихи:

Съ людьми потерся я довольно!
Они меня кусали больно.
Пора ихъ раны залечить:
Тѣснѣй съ природою сойтиться,
У ней быть счастливымъ учиться
И мирну старость довершить!

* * *

Медвѣдь въ берлогѣ потаенной
И тотъ прохожимъ путь даетъ;
И только голодомъ стѣсненный
Добычу хищну увлечетъ:
Зарѣжетъ въ мигъ и черепъ вскроетъ;
Но духъ исчезъ—ужь тварь не ноетъ!
А человѣкъ, когда напалъ,
Сперва легонько жертву ранитъ,
Растравитъ язву, тамъ тиранитъ,
Еще не сытъ—вонзитъ кинжалъ!

Но благодарность была въ немъ памятлива и величива. Къ московскому университету, какъ къ мѣсту своего образованія, онъ сохранилъ постоянное уваженіе до конца дней своихъ. Ему посвятилъ онъ послѣднее полное изданіе своихъ сочиненій. Вотъ что̀ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ этому изданію:

„Назвавъ книгу мою: *Бытіе сердца моего*, я привожу себѣ на память все бытіе мое моральное, и вез„дѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко „мнѣ университета.

„Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами „умственнаго свѣта. Въ немъ провелъ юность и вы„пущенъ на поприще жизни гражданской.— Служба и „обстоятельства, казалось, разорвали союзъ мой съ „университетомъ въ продолженіе возмужалости моей; „но университетъ не забылъ своего питомца, и я на„послѣдокъ призванъ былъ къ отличію носить званіе „почетнаго его члена. Дипломъ его пребудетъ неоцѣ„неннымъ для меня!

„Кто изъ смертныхъ, влачася на житейскомъ морѣ, „не сражался съ волнами его, когда оно воздвизалось „бурею?—Провидѣніе и мнѣ готовило злоключенія!— „И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству „порфиророднаго пѣснопѣвца, съ воплемъ изрещи:

„ближніе мои далече мене сташа; и тогда, кто протя-
„нулъ мнѣ дружескую руку? кто притупилъ жало зло-
„бы? кто смягчилъ язву отчаянія?—Паки и паки уни-
„верситетъ!—Хладнокровно взирая на коловратность „отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ меня новой чести, „толико уважительнѣйшей, колико паче униженъ я былъ „въ своей собратіи — и нарекъ меня почетнымъ чле-
„номъ учрежденнаго въ немъ Общества любителей рос-
„сійской словесности.

„Такъ поступалъ со мною университетъ во всѣ „эпохи жизни моей, всегда равно, и въ счастіи и въ „несчастіи, въ ведро и въ туманъ, въ торжествѣ и въ „уничиженіи. Я ли забуду сію златую колыбель моего „моральнаго младенчества!“

Такъ! несмотря на свои преклонныя лѣта и знаки почестей, приобрѣтенные службой, несмотря на почетную извѣстность по своему поэтическому таланту, бывшему въ свое время въ славѣ, онъ принялъ званіе члена общества не такъ, какъ должную дань его литературной извѣстности, но какъ почесть, которую онъ цѣнилъ дорого. Не довольствуясь однимъ титломъ члена, какъ многіе изъ почетныхъ старыхъ литераторовъ, онъ счелъ обязанностію своею участвовать и въ трудахъ общества. Нѣкоторыя изъ лучшихъ его стихотвореній были читаны въ публичныхъ засѣданіяхъ общества и напечатаны въ изданныхъ имъ книгахъ.

Таковъ былъ Князь Долгорукой.—Заговорите объ немъ, съ кѣмъ хотите, изъ его знакомыхъ: ни одинъ не вспомнитъ объ немъ безъ глубокаго вздоха! Всякой приведетъ себѣ на память его живой разговоръ, его любезность, и тысячу приятныхъ минутъ, которыхъ онъ былъ душою!—*Никто изъ нихъ не забылъ его!*—такъ говорилъ я, написавши въ первый разъ его біографію; тоже утверждаю и нынѣ.—Оставить по себѣ такую память,

черезъ сорокъ лѣтъ послѣ своей смерти, нельзя, не имѣвши истинныхъ достоинствъ; но главное изъ нихъ то, что онъ самъ умѣлъ любить горячо, что онъ имѣлъ любящее сердце.—И этаго-то человѣка люди не оставили въ покоѣ! И этотъ человѣкъ испыталъ ихъ холодность и разрывы связей, и его язвили, когда счастіе оборотилось къ нему спиною!—Несмотря на свою пылкость, онъ переносилъ черные дни благодушно; въ немъ осталось только чувство унылости и грусти, которое часто находило на него подъ конецъ его жизни!—Какъ прекрасно выражена эта грусть въ началѣ его стихотворенія: *Послѣдняя пѣснь моимъ современникамъ*.

Оставимъ чашу круговую!
Вся сладость въ ней истощена!
Забудемъ юность золотую!
Какъ вихрь умчалася она!
Подъ старость станемъ къ жизни вѣчной
Готовить разумъ свой безпечный!
Кто знаетъ, сколько разъ шагнуть
Еще дозволитъ провидѣнье,
Доколѣ въ горнее селенье
Оно душѣ укажетъ путь!

* *
*

Померкло яркое свѣтило,
Которымъ нѣкогда любовь
Красу подсолнечной двоила
И поминутно грѣла кровь!
Исчезли тѣ очарованья,
Въ которыхъ всякаго желанья
Успѣхъ казался раемъ намъ!
И сердце—сладкой соблазнитель,
Столь многихъ идоловъ обитель,
Въ пустынный превратилось храмъ.

—

Вотъ чѣмъ оканчиваетъ поэтъ эту послѣднюю пѣснь своимъ современникамъ:

О міръ! каралъ меня ты строго,
Любя сѣдинъ моихъ позоръ!
Душѣ изъязвленной столь много,
Лишь неба нуженъ тихой взоръ!
Когда жь глаголъ его священный,
Столь страшный, вмѣстѣ столь блаженный,
Во мнѣ раздастся: умирай!
Тогда, исполнивъ злобы мѣру,
Забудь вражду, и вспомня вѣру,
Хоть гробу правый судъ воздай!

Здѣсь, черезъ десятки лѣтъ послѣ его кончины, въ первый разъ воздается правый судъ его гробу.

Замѣчательно, что и Капнистъ, и Князь Долгорукой, оба въ послѣдніе годы своей жизни написали стихи, исполненные грустнаго предчувствія. Капнистъ написалъ: *Въ память Береста*; а Князь Долгорукой: *Взглядъ старца на заходящее солнце*. Вотъ нѣкоторые куплеты:

Красно солнышко садится,
Слышу колоколъ донской;
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской.
Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ;
Окончавши вѣкъ ненастной,
Заплачу свой долгъ судьбѣ!

* *
*

Скоро духъ угомонится!
Злые вѣстники пришли;
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли!

Жизнь, какъ молнія, сверкнула!
Гдѣ ты, призракъ дорогой?
Буря смертная подула;
Громъ гремитъ: онъ роковой!

* *
*

. . . .

* *
*

Не минетъ меня лихая!
Гнется выя, серпъ готовъ;
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкой кровъ.
Какъ щепа въ рѣкѣ—съ волною
Притекаетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь—и скоро тамъ!

* *
*

Тамъ, гдѣ всѣ сливаясь вѣки,
Временамъ кладутъ предѣлъ;
Гдѣ приемлютъ человѣки
Казнь, иль славу здѣшнихъ дѣлъ!
Все по мнѣ пребудетъ тоже:
Паки солнышко взойдетъ;
Другъ придетъ—заглянетъ въ ложе,
Но души ужь не найдетъ!

Передъ кончиной Князя Долгорукаго, года за полтора, я уѣзжалъ изъ Москвы и во все это время не видалъ его. Возвратясь, я нашелъ его такимъ же, какимъ оставилъ; но уже чаще прежняго замѣчалъ въ немъ унылость. Его лечилъ молодой докторъ, искусный и привязанный къ семейству Долгорукихъ, но не постигъ его болѣзни. Призвали Мудрова; но поздно: и тотъ не могъ уже оказать никакой помощи. Больной былъ однако почти все на ногахъ. Въ день кон-

чины, утромъ, онъ всталъ, умылся, одѣлся, сѣлъ въ кресла и сказалъ: „Я готовъ!“ — Пріѣхала навѣстить его Княгиня Горчакова. Онъ спросилъ ее по французски: „чѣмъ будете меня вспоминать?“—Она отвѣчала очень некстати: „любезностью, которой нѣтъ подобной!“ — Онъ огорчился и сказалъ: „C'est donc là le souvenir que je laisse après moi?... Hélas! ce n'est que du clinquant!...“ „Такъ-вотъ какую я память послѣ себя оставлю?... это одна шумиха!“—Часа за два до кончины онъ все говорилъ: „что же вы не позовете ко мнѣ Рафаила?“ (младшаго сына, Князя Михайлу, который былъ въ отсутствіи). „Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга и стоитъ тамъ у двери.“ — Замѣчательно, что этотъ сынъ умеръ вскорѣ послѣ него и первый изъ всего семейства.—Между тѣмъ, часа за полтора до смерти, онъ написалъ записку къ Анисьѣ Ѳедоровнѣ Вельяминовой-Зерновой и обошелъ всѣ комнаты: что̀ доказываетъ, что онъ былъ въ полной памяти. Въ продолженіе своей болѣзни онъ исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ; во всю болѣзнь читалъ Псалтырь, который любилъ преимущественно. Скончался вдругъ, безъ страданій, 4 Декабря 1823 года, пятидесяти девяти лѣтъ и осьми мѣсяцевъ отъ роду.—Я пріѣзжалъ къ нему въ это утро, по случаю именинъ его дочери. Едва я отъѣхалъ отъ крыльца, его уже не стало! Послѣ его кончины продолжали идти столовые часы, которые онъ заводилъ въ то утро.

Всѣ знакомые, и званые и незваные, собрались отдать послѣдній долгъ доброму человѣку; не дали поставить его гробъ на погребальную колесницу и несли на своихъ рукахъ до самой могилы.—Онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ общее мѣсто погребенія этаго семейства Князей Долгорукихъ. Погребеніе его было не пышное, какъ онъ самъ завѣщалъ въ извѣст-

ныхъ стихахъ своихъ; только не исполнилось его желаніе быть погребеннымъ на Филяхъ. Вотъ его *Завѣщаніе*, изъ котораго я выписываю нѣкоторыя строфы. Другаго онъ не оставилъ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ!
Тогда со всѣхъ концовъ вселенны
На страшный судъ нелицемѣрный
Стекутся люди всякихъ вѣръ;
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжой столкнется изувѣръ!

***

. . . .
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ дотоль въ земной утробѣ
И былъ ли онъ парчей одѣтъ;
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили;
Вопросъ: какъ жилъ?—Давай отвѣтъ.

***

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Чтѝ подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй!
. . . .

***

О вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны;

Они души не скрасятъ злой!
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схорониться,
Земля все въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!

***

. . . .
Печальныхъ картъ не посылайте
И черныхъ платьевъ не вздѣвайте:
Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
Ни въ дождь, ниже во время ясно,
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ!

***

Молитесь Богу лучше вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ онъ пучину безконечну
Явилъ и мнѣ своихъ щедротъ;
Чтобъ онъ, врагамъ моимъ прощая
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемской рай мой духъ вселилъ!
Предъ Богомъ словъ не надо много;
Душевный вздохъ къ нему дорога;
Онъ самъ ее намъ проложилъ!

***

Не славьте вы меня стихами;
Они ненужны мертвецамъ!
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,

Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета!
Протокъ воды, двѣ—три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы—
Вотъ монументовъ красота!

Это желаніе, быть погребеннымъ на Филяхъ, было въ немъ, кажется, не одною стихотворческою мыслію. — Какъ часто заставалъ я его въ лѣтній вечеръ, сидящаго уныло на своей террассѣ, (обращенной къ саду, изъ за котораго видны были окрестности Москвы), и смотрящаго на Фили, на кладбище. — Это такъ осталось у меня въ памяти, что я выразилъ эту картину въ одной изъ моихъ *Московскихъ Элегій*, которую да позволено мнѣ будетъ здѣсь помѣстить въ память незабвеннаго старца:

Здѣсь онъ бывало сидѣлъ передъ домомъ, на ветхой террассѣ,
Глядя съ уныніемъ вдаль, на кладбище Фили за Москвою.
Мы, молодежь, вкругъ него хохотали, шумѣли, играли;
Онъ не мѣшалъ, но съ улыбкой и шуткой вступалъ въ разговоры:
Думалъ о смерти, а жизни былъ радъ, какъ осеннему солнцу!

* *
*

Жизни былъ радъ; а о смерти мечталъ!—Такъ радъ гость угощенью;
А, задумавшись, вспомнитъ подъ часъ, что пора восвояси!
Но для насъ мысль о смерти была—далека, въ безпредѣльномъ
Новомъ пространствѣ пути, озаряемомъ юности утромъ,
Солнцемъ весеннимъ любви!—И дивились мы чудному старцу!

* *
*

Такъ! Мы дивились ему, что онъ юношамъ духомъ ровестникъ,
Что, шутливую лиру спускалъ онъ на грустные тоны,
Что, гонимый людьми, онъ, какъ братьевъ, любилъ человѣковъ,
Что измѣнчивость міра познавъ, онъ привязанъ былъ къ міру,
Что онъ къ жизни любовь сочеталъ съ равнодушіемъ къ смерти!

* *
*

Гдѣ же вся эта семья, столь радушная къ юности нашей?
Холодомъ смерти и вѣтромъ судьбы разбросало ихъ розно!
Домъ ихъ валится давно, дворъ заглохъ подъ густою крапивой,
И дорога къ крыльцу заросла непривѣтной травою,
И давно мы, давно въ сѣдинахъ, молодые ихъ гости!

Замѣчательно, что молодой докторъ Гольдбахъ, который лечилъ Князя Долгорукаго, пережилъ его недолго. Мудровъ, изъ любви къ истинѣ и наукѣ, открылъ ему, со всею откровенностію честнаго человѣка и со всею очевидностію ученаго врача, его ошибочный взглядъ на болѣзнь: это такъ поразило честнаго молодаго медика, что онъ отказался отъ практики, впалъ въ меланхолію, и черезъ короткое время послѣдовалъ во гробъ за своимъ паціентомъ.

Да! Домъ Князя Ивана Михайловича опустѣлъ; иные умерли, иные разъѣхались въ разныя стороны! — Когда я въ первый разъ напечаталъ біографію Князя, этотъ домъ еще существовалъ. Проѣзжая мимо его, я всегда съ грустію видѣлъ, что дворъ заглохъ травою, и нѣтъ уже дороги къ крыльцу, къ которому мы нѣкогда подъѣзжали съ такимъ ожиданіемъ веселья.

Въ послѣднее время я хотѣлъ посмотрѣть его и обойти всѣ комнаты; но мнѣ сказали, что опасно, что потолки грозятъ паденіемъ. Нынѣ это мѣсто продано; домъ сломанъ; на его мѣстѣ построена какая-то фабрика.

28 Іюня 1860 года.

СОЧИНЕНІЯ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКАГО.

Угоденъ — пусть меня читаютъ;
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ!
Трубы похвальной не ищу!

К. И. М. Д.

Такой эпиграфъ поставилъ Князь Долгорукой къ собранію своихъ сочиненій, изданныхъ подъ названіемъ: *Бытіе сердца моего*. И конечно ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не имѣлъ такого права примѣнить къ себѣ эти три стиха и дать такое заглавіе своимъ сочиненіямъ. Онъ, какъ я сказалъ уже, выразился *весь* въ произведеніяхъ пера своего: въ нихъ все *бытіе его сердца*.— Онъ писалъ конечно безъ притязаній на славу, не имѣя въ виду даже искусства, чтò доказываетъ самая небрежность его въ отдѣлкѣ стиха и чтò много отнимаетъ достоинства у его произведеній. Онъ сдѣлался поэтомъ потому только, что ему некуда было дѣвать излишества мыслей и чувствованій, переполнявшихъ его душу. Съ этой точки зрѣнія должно, по моему мнѣнію, и смотрѣть на его произведенія, то есть, не съ одной стороны искусства, а болѣе, какъ на выраженіе человѣка, на отголосокъ поражавшихъ его впечатлѣній.

Съ нѣкотораго времени, именно съ пониженіемъ духа нашей поэзіи, мы, или правильнѣе сказать, наша критика, сдѣлались слишкомъ требовательны: мы требу-

емъ однихъ *художественныхъ* произведеній; мы признаемъ поэтами однихъ Гомеровъ и Шекспировъ, съ которыми, правду сказать, мы очень мало знакомы. Нужды нѣтъ! Такъ столичный житель, пріѣхавшій въ провинцію, хвастаетъ своимъ знакомствомъ съ министрами, у которыхъ онъ не бывалъ и въ передней! Но въ то же время мы необычайно снисходительны къ нѣкоторымъ авторамъ, изображающимъ тотъ пошлый міръ, который, по сочувствію съ нимъ, намъ хочется нынѣ возвысить! Тамъ — мы требуемъ высокаго и чистаго художества; здѣсь—мы восхищаемся безъ разбора всякими, часто мнимыми, картинами натуры и изображеніемъ пошлаго быта, называя это *натуральною школою*, и забывая изреченіе Вольтера: il n' y a rien de plus naturel que le cul, et cependant on ne le montre pas!—Впрочемъ, для успокоенія совѣсти, намъ опять ничего не стоитъ сдѣлка съ такою гибкою способностію оцѣнки. Стоитъ только назвать нашего прославляемаго автора Гомеромъ, или Шекспиромъ! —Какъ будто этому такъ всѣ и повѣрятъ!—И эти же люди смѣются, что встарину называли русскихъ поэтовъ: нашъ Расинъ, нашъ Мольеръ!—И теперь тоже; только—уровень сравненія перемѣнился, взятъ еще выше, и тѣмъ самымъ еще далѣе отъ истины!—Но, говоря о произведеніяхъ Князя Долгорукаго, я не намѣренъ слѣдовать ни той, ни другой крайности: ни требованію высокой художественности, ни сравненію съ великими геніями поэзіи. Художество имѣетъ свои требованія; время — свои! Искусство имѣетъ степени. Tel brille au second rang qui s'éclipse au premier. Безусловнаго художества, какъ и безусловной красоты, нѣтъ въ мірѣ; одно совершенное ихъ отсутствіе недостойно вниманія критики.

Все, что окружаетъ поэта, безспорно имѣетъ на него вліяніе и кладетъ свою печать на его произведе-

нія. Простоты Одиссеи нельзя требовать отъ поэмы нашего времени. Нѣкоторые германскіе поэты, въ концѣ прошлаго вѣка, хотѣли воскресить простоту Библіи и Гомера; но не имѣли успѣха. Точно также мы не можемъ понять, какъ тысячи народа слушали чтеніе исторіи Геродота, или пѣніе длинныхъ одъ Пиндара и не разошлись со скуки; однако они слушали и, говорятъ, восхищались! — Внѣшнее достоинство формы тоже много заимствуетъ отъ своего времени и соотвѣтствуетъ ему же. Требованіе изящнаго остается для знатоковъ искусства, конечно, неизмѣннымъ; но кто удовлетворялъ лучшимъ людямъ своего времени—не скажу, какъ Шиллеръ: der hat gelebt für alle Zeiten—это уже слишкомъ снисходительно; но справедливо сказать, что это ручается за его достоинство!—Пѣсни Сумарокова пѣлись дамами высшаго круга: кто же могъ бы, безъ смѣха, или безъ скуки, пропѣть нынѣ его нѣжности, выраженныя такими стихами?—Но онѣ были по тому времени.—Я хочу сказать не то, чтобы красота и искусство были совершенно условными: это ниспровергло бы всю теорію изящнаго, основанную на натурѣ души человѣческой! — Я говорю только, что поэзія много заимствуетъ отъ своего времени, отъ обстановки, отъ требованій и отъ языка своего вѣка. Эти условія, какъ неразлучныя съ человѣческой натурой, необходимо должны входить въ сужденіе о поэтѣ; необходимо слѣдуетъ отдѣлять, чтò принадлежитъ таланту, и чтò его времени.

Князь Долгорукой писалъ въ одно время съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ; отъ чего же у него нѣтъ ихъ правильнаго, легкаго и текучаго языка, ихъ чистоты и красивости выраженія? Карамзинъ и Дмитріевъ были, въ этомъ отношеніи, преобразователями языка; весь классъ писателей, живущихъ въ одно время, не

дѣлается преобразователемъ; а современникамъ всегда бываетъ уже поздно у нихъ учиться. Замѣтьте: у кого чище языкъ, изъ авторовъ, писавшихъ въ ихъ время? Не у ровестниковъ ихъ; а у тѣхъ, которые были тогда еще молодыми людьми, словомъ, у послѣдующаго поколѣнія: у Жуковскаго, Батюшкова и даже у такихъ стихотворцевъ, которые были ниже ихъ талантомъ. Даже у Вас Льв. Пушкина языкъ чище, чѣмъ у Крылова. Кто перенялъ у Александра Пушкина простоту и легкость его стиха? Тоже не современники Пушкина, а тѣ, которые начали писать позже! — Если намъ укажутъ на Баратынскаго, Дельвига и Языкова, я буду отвѣчать, что это еще больше подтверждаетъ мысль мою. Они не учились у Пушкина; а начали писать одновременно съ нимъ, и также, какъ Карамзинъ и Дмитріевъ, ничего не заимствовали другъ отъ друга.

Князь Долгорукой, по языку, который не щеголяетъ красивостію и чистотою, и по формѣ своихъ сочиненій, которая нѣсколько однообразна и кажется нынѣ уже устарѣлой, безспорно принадлежитъ къ вѣку Екатерины, хотя бóльшая часть его сочиненій написана послѣ. Онъ началъ писать при Херасковѣ и кончилъ при Александрѣ Пушкинѣ. Изъ предисловія къ послѣднему, полному собранію его сочиненій, видно, что онъ учился въ одно время съ переводчикомъ Иліады, Костровымъ. Слогъ его, какъ мы увидимъ послѣ, легче, чѣмъ слогъ соученика его; но у того чище и опредѣленнѣе. Не отъ того ли это происходитъ, что Костровъ болѣе держался языка книжнаго, а Князь Долгорукой рѣчи устной и отчасти народной? Тѣмъ не менѣе эпоха его ученія (между 1777 и 1780) и то время, когда онъ началъ писать (1789), должны быть точкой отправленія при разсмотрѣніи его сочиненій; ибо учители и образцы, современные нашему образованію и началу

нашего литературнаго поприща, сильно дѣйствують на наши произведенія и особенно на нашъ слогъ Ихъ вліяніе почти неотвратимо, развѣ, повторяю, надобно быть самому преобразователемъ языка, чтобы имъ не подчиниться.

И такъ обратимся къ тому времени и припомнимъ себѣ тогдашнее состояніе нашего стихотворства. Должно предупредить однако, что при этомъ краткомъ обозрѣніи я не буду слѣдовать въ точности хронологическому порядку писателей; я буду говорить объ нихъ сообразно перемѣнамъ, происходившимъ въ нашей литературѣ, бóльшему или мéньшему ихъ вліянію на языкъ и на другихъ писателей, и наконецъ сообразно участію, возбужденному ими въ современной публикѣ И потому я упоминаю только о немногихъ писателяхъ, оставившихъ имя и слѣдъ въ нашей словесности.

Имена *Ломоносова* и *Сумарокова* стояли тогда еще на горизонтѣ нашей литературы, какъ свѣтила, около которыхъ, по непроизвольному закону тяготѣнія, обращались планеты нашего міра, начиная съ самой большой изъ нихъ, съ Хераскова. Ломоносовъ въ то время не устарѣлъ еще по языку своему, который былъ чище простѣе и благозвучнѣе, нежели у многихъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Чудное дѣло генія— угадать языкъ потомства и заранѣе заговорить имъ!— Но языкъ Сумарокова и тогда уже почитался устарѣлымъ. Его стихотворныя произведенія были еще уважаемы; но мало имѣли читателей. Несмотря на то, его трагедіи представлялись на театрахъ обѣихъ столицъ. даже и въ то время, когда зять его и преемникъ въ драматической поэзіи, *Княжнинъ*, восхищалъ своими произведеніями Петербургъ; а Москва, желавшая противупоставить ему *своего* трагика, представляла сла-

быя и надутыя трагедіи *Николева.* Двѣ образцовыя комедіи *Фонъ-Визина* и „Мельникъ" *Аблесимова* были въ полной славѣ; но и въ комическомъ родѣ болѣе занималъ зрителей тотъ же Княжнинъ, имѣвшій неоспоримо замѣчательное дарованіе. Въ его комедіяхъ было много истинно комическихъ положеній, много веселости и остроумія, которыми онъ и послѣ долго держался на сценѣ, даже во всю первую половину царствованія Александра, хотя въ нихъ мало оригинальности, мало русскихъ нравовъ и обычаевъ. Его характеры взяты невсегда изъ дѣйствительной жизни русскаго общества: они отчасти были вымышляемы, отчасти переносимы изъ чужой національности; но хорошо выдержаны и вѣрны самимъ себѣ. Таковы: Верхолетъ, Чванкина, Простодумъ и Полистъ. Публика не замѣчала заимствованій и восхищалась комическими сценами, хорошими стихами и сатирическими куплетами. Относительно же языка, его чистоты и легкости, несмотря на то, что нынѣ онъ кажется намъ тяжелымъ, Княжнинъ безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалъ важный шагъ въ стихотворномъ разговорѣ драмы. Этаго забывать не надобно; не многіе современники съ нимъ въ этомъ сравнились.

Старшій изъ жившихъ тогда авторовъ былъ *Херасковъ*, почитавшійся въ свое время звѣздою первой величины въ нашей словесности; планетою, потому только не имѣвшею спутниковъ, что высота эпической поэмы казалась недостижимою. Только въ наше время поняли, что героическая поэма, въ родѣ древнихъ, невозможна, потому что несовременна нашимъ понятіямъ о героизмѣ и о чудесномъ!—Тогда читали Хераскова съ благоговѣніемъ, хотя можетъ быть и принужденнымъ. Безусловное уваженіе къ предметамъ высокимъ было еще во всей силѣ; критики не было; литераторы держались, почти машинально, образцовъ и

школьныхъ теорій, которыя почитались законченными и довершенными навсегда; а смѣлость сужденія не доходила еще до самоуправства.—Тогда уважали въ авторѣ все: и самое намѣреніе, и самую цѣль. Конечно, при этомъ выигрывала больше нравственная сторона читателя, нежели его вкусъ и образованность! — Какъ бы то ни было, Херасковъ былъ въ славѣ и въ уваженіи.—Языкъ его и тогда считался нѣсколько тяжелымъ и напыщеннымъ; но первое оправдывали важностію содержанія, а второе считали принадлежностію высокихъ родовъ поэзіи. Каждое время имѣетъ свои понятія: нужна большая степень просвѣщенія, чтобы смотрѣть своими собственными глазами и освободить себя отъ всѣхъ предубѣжденій и навыковъ своего времени.

Въ лирическомъ родѣ ученый *Петровъ*, богатый мыслями и картинами, истинный наслѣдникъ Ломоносова въ торжественной одѣ, превосходившій его силою мыслей и картинъ, но не языкомъ и не изяществомъ, имѣлъ мало послѣдователей и поклонниковъ и никого не имѣлъ подражателей. Онъ отличался болѣе силою, нежели вкусомъ; онъ отдалялъ отъ себя тяжелымъ и грубымъ своимъ языкомъ, славянскими оборотами рѣчи, и даже нѣкоторыми окончаніями въ склоненіи словъ, только ему свойственными. Онъ не могъ служить образцомъ языка послѣ Ломоносова, и даже послѣ Хераскова; а полнота мыслей и богатство картинъ суть такія качества, которыя не могутъ имѣть подражателей.

Не упоминаю здѣсь о *Костровѣ*, который (съ 1787) славился болѣе, какъ переводчикъ Иліады. Языкъ его тоже тяжелъ, хотя и чистъ; но большая заслуга его въ введеніи многихъ терминовъ въ своемъ переводѣ, терминовъ, почитавшихся непереводимыми и найденныхъ имъ или въ языкѣ церковномъ, или искус-

но составленныхъ. Въ этомъ, по признанію самого Гнѣдича, онъ служилъ ему большою помощію.

Въ легкомъ родѣ было одно замѣчательное произведеніе, полное фантазіи: „Душенька“ *Богдановича* (1775), произведеніе, по тогдашнему времени, легкое, остроумное и исполненное простодушія, котораго образцовъ, за исключеніемъ басенъ *Хемницера* (1778), не представляла тогдашняя наша литература, посвященная болѣе всего громкимъ отзывамъ войны и славы. Пусть удивятся моему отзыву объ этой поэмѣ тѣ, которые помнятъ, что Бѣлинскій, въ одномъ журналѣ, называлъ ее *тяжелою и неуклюжею Душенькою* (*). Они будутъ не правы: „Душенька“ наивна и граціозна; легкость же языка—всегда относительна ко времени. Тогда она казалась легкою. Вспомнимъ, что это было прежде сказокъ Дмитріева, которыя остаются и донынѣ единственнымъ образцомъ въ этомъ родѣ. Вообще, въ отношеніи къ языку, исключая его правильность, произведеній стихотворства не должно судить по сравненію съ новѣйшими. Старыхъ писателей должно разсматривать двояко: во первыхъ въ смыслѣ общаго требованія искусства, или поэзіи; а потомъ относительно къ нихъ, а не къ нашему времени. Впрочемъ старѣетъ языкъ, а не произведеніе фантазіи поэта. Такъ судятъ о литературѣ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ.—Одни

(*) Бѣлинскій писалъ иногда свои сужденія и о такихъ книгахъ, которыхъ, кажется, не видывалъ.—Такъ напримѣръ (томъ X, стран. 276) онъ говоритъ: «Есть еще у Муравьева *рядъ стиховъ* нравственнаго «содержанія, названныхъ у него общимъ именемъ: Обитатель Предмѣ-«стія.»—А книга эта вся *въ прозѣ*; въ ней нѣтъ *ни одного* стихотворенія Муравьева.—Справедливо написалъ кто-то о Бѣлинскомъ:

«Не читавши, сгоряча,
«Такъ и рубитъ все съ плеча!»

А его называютъ нынче многіе своимъ учителемъ! Хорошъ учитель!

мы, съ нѣкотораго времени, только и признаемъ хорошимъ новое, и осуждаемъ Ломоносова за то, что онъ не похожъ на Лермантова. Въ нашей литературѣ и теперь еще нѣтъ поэмы, равной „Душенькѣ", по ея игривости, и особенно по ея простодушію.

Въ шутливомъ родѣ былъ „Елисей" *Майкова* и „Плачевное паденіе стихотворцевъ" *Чулкова.* Обѣ эти поэмы хотя нынѣ и забыты, но не заслуживаютъ пренебреженія, особливо первая. Въ ней много игры воображенія и вымысла; ее можно укорить только низостію нѣкоторыхъ сценъ и не самою строгою благопристойностію положеній. Но тогда это дозволялось.— Такъ какъ Князь Долгорукой писалъ и самъ многое въ шутливомъ родѣ, то говоря о его времени, необходимо знать о его предшественникахъ, хотя и не въ его собственно, но тоже въ забавномъ родѣ.

Почти всѣ поэты, о которыхъ я упомянулъ доселѣ, кромѣ Ломоносова, не составляютъ собственно эпохи въ нашей литературѣ. Исключая Фонъ-Визина и Богдановича, всѣ другіе, болѣе или менѣе принадлежатъ къ школѣ его, или Сумарокова. Колоритъ ихъ почти у всѣхъ одинаковъ.—Наконецъ явился величественный Державинъ! Съ него стихотворство наше начало особый періодъ *свободы* и *силы.* Чтобы вполнѣ оцѣнить геніальную смѣлость этаго поэта, надобно вспомнить произведенія, ему предшествовавшія, которыхъ общее условіе, не говоря о различіи дарованій и родовъ, состояло болѣе или менѣе въ соблюденіи наружной формы. Излишнимъ почитаю говорить о высотѣ его духа, всѣмъ извѣстной; но замѣчу, что онъ одинъ, не слѣдуя никакимъ образцамъ, распространилъ область нашей лирической поэзіи, соединивъ восторгъ поэта съ умомъ философа, сатиру и шутку съ формою оды, до него столь однообразной. Въ этомъ, какъ

мы увидимъ послѣ, приближается къ нему Князь Долгорукой, хотя направленія ихъ различны, сфера у каждаго своя, и оба были своеобразны, т. е. ни въ какомъ случаѣ Долгорукаго нельзя назвать подражателемъ.

Вотъ то поэтическое звѣздное небо, подъ которымъ началъ жить Князь Долгорукой; и таково было состояніе нашего стихотворства въ то время, въ которое онъ началъ писать. Упомянувъ о тогдашнихъ поэтахъ, бросимъ же общій взглядъ на тогдашнее состояніе нашей поэзіи, на понятіе о ней со стороны искусства.— Мнимо-классическія формы французовъ были приняты въ ней, какъ нѣчто утвержденное закономъ; роды поэзіи были разграничены строго, и для каждаго изъ нихъ была готовая форма: стоило только вылить въ нее матеріалъ, и произведеніе признавалось поэтическимъ. Нельзя не сознаться, что это много вредило содержанію, которое не всегда можно было втиснуть въ готовую рамку, и что безъ этаго стихотворство было бы у насъ вѣроятно разнообразнѣе.—Князь Долгорукой, какъ мы увидимъ при обозрѣніи его произведеній, не совсѣмъ сбросилъ съ себя эти оковы; но по крайней мѣрѣ часто выбивался изъ нихъ своевольно. Этому обязаны мы его оригинальностію, или правильнѣе сказать, тою смѣлою безцеремонностію рѣчи и выборомъ предметовъ, за которые иногда упрекали его современные литераторы. Но по языку своихъ произведеній онъ не былъ выше своихъ современниковъ; а языкъ еще не былъ очищенъ и преобразованъ. Что касается до требованій тогдашней публики читателей отъ поэта, чѣмъ тоже много опредѣляется внѣшнее проявленіе таланта, они были другія, не тѣ, какія въ послѣдующее время; не скажу, строже или слабѣе нынѣшнихъ, но другія. Они были, правда, серьознѣе по

уваженію къ литературѣ вообще, но снисходительнѣе, потому что удовлетворялись легче: вкусъ былъ не столько образованъ, читатели не столько избалованы. Князь Долгорукой, повторяю, не заимствовалъ ничего у современныхъ поэтовъ: онъ вполнѣ оригиналенъ и не похожъ ни на какого изъ нихъ. Только общій типъ современнаго стиха выразился на внѣшности его произведеній: недостатокъ легкости и чистоты въ языкѣ, плавности въ выраженіи и щеголеватости въ формѣ. Иногда, и довольно часто, встрѣчается у него какая-то особенная, свойственная ему ловкость выраженія; но не всегда: ибо это качество не было еще всеобщимъ свойствомъ русской стихотворной фразы. За то, эти мѣткія выраженія иногда таковы, что они не пришли бы и въ голову другому стихотворцу его времени; на нихъ и не рѣшился бы иной: потому что они часто находятся въ прямомъ противорѣчіи съ тогдашними условіями стихотворной рѣчи, изъ которой исключалось все рѣзкое, и которая была у однихъ книжною, у другихъ свѣтскою, и никогда простою и народною, почитая простоту слова за нѣчто низкое. Князь Долгорукой не смотрѣлъ на это, и если ему попадалось такое выраженіе, онъ хватался за него, какъ за находку. Онъ и правъ, еслибы только не мѣшала въ этомъ случаѣ нѣкоторая неровность, которой онъ не умѣлъ сглаживать искусствомъ. Объ этомъ яснѣе будетъ сказано послѣ.

Несмотря на упомянутые мною выше недостатки, общіе тому времени, надобно однако замѣтить, что царствованіе Екатерины было самое благопріятное время для нашей, только что образующейся, литературы, и въ особенности для поэзіи. Побѣды вызывали звуки славы; блестящій дворъ отличался остроуміемъ; дѣла государственныя, особливо въ два первыя деся-

тилѣтія, были въ рукахъ опытныхъ и усердныхъ къ народному благу; вельможи любили просвѣщеніе ума и не боялись его, какъ пустаго и вреднаго умничанья; она сама требовала отъ нихъ умныхъ совѣтниковъ, а не однихъ исполнителей приказовъ ея самодержавной воли; образованность, вкусъ, моды, литература—начали проникать и внутрь государства; легкость жизни и взаимныхъ отношеній производила спокойствіе въ настоящемъ и увѣренность въ будущемъ: ибо хотя екатерининское царствованіе и отличалось коренными перемѣнами во внутреннихъ государственныхъ учрежденіяхъ; но онѣ нисколько не колебали коренныхъ основаній и твердости быта, установленныхъ временемъ. Это спокойствіе и эта увѣренность обращали людей къ мирному чувству домашней безопасности и къ спокойному наслажденію жизнію; а тѣ изъ нихъ, которые получили достаточную по тогдашнему образованность, при этой обстановкѣ, чуждой всякаго безпокойства и тревоги, естественно обращались къ чувству изящнаго. Дворъ служилъ примѣромъ столицамъ; столицы провинціямъ. На придворныхъ праздникахъ не было уже пьянства, которое описываетъ Беркгольцъ; балы были блестящи; обращеніе ввелось вполнѣ европейское; умъ блисталъ на приватныхъ вечерахъ Государыни, и замѣнилъ тѣхъ позорныхъ и отвратительныхъ, придворныхъ и вельможескихъ шутовъ, которые обязаны были веселить людей, не находившихъ въ себѣ достаточной живости ума для общаго разговора. Все это отразилось на лучшихъ обществахъ Петербурга и Москвы, и мало по малу входило въ общіе обычаи. Въ Москву стекались заслуженные старики, вельможи, оставлявшіе дворъ и службу; они были представителями общаго мнѣнія, которымъ не пренебрегала Екатерина. Москва имѣла голосъ, раздававшійся далеко и дѣйство-

вавшій на образъ мыслей внутренней Россіи. Не даромъ Екатерина называла Москву республикою. Между тѣмъ національные русскіе обычаи не совсѣмъ еще изгонялись и въ самыхъ столицахъ. Московскіе вельможи жили широко, роскошно; давали обѣды для званыхъ и незваныхъ; составляли огромныя охоты и катанья. Въ Петербургѣ, прислушивавшемся тогда къ голосу Россіи, строилась судьба народа; а между тѣмъ Нева всякой день была покрыта красивыми лодками, на которыхъ, или цѣлыя семейства, или общества гуляющихъ, катались, по русскому обычаю, съ пѣсельниками; голоса ихъ раздавались по волнамъ каждый вечеръ. — Это прекратилось вдругъ въ царствованіе Павла, а потомъ хотя и возобновлялось при Александрѣ Павловичѣ, но мало по малу, по отвычкѣ, вышло изъ употребленія. Всѣ подобные обычаи доказываютъ свободу жизни и веселость народа. Современники вспоминали съ восторгомъ екатерининское время; они видѣли свободу въ самомъ просторѣ жизни, не говоря уже о томъ, что сама гвардейская служба была почти придворною: она соединяла въ себѣ блескъ, почетъ, досугъ и волю. Екатерина же давала свободу уму, которой до нея не было; да сказать по справедливости, до нея едвали и чувствовали въ томъ нужду! — А свобода безпечной жизни и свобода ума благопріятствуютъ дѣятельности таланта и воображенія! — За то имя поэта было тогда титло почетное, которое хотя давалось легко, но давало право на уваженіе. Это право оставалось за нимъ еще долго и въ царствованіе Александра.

О беззаботности тогдашней жизни я упомянулъ уже слегка въ жизнеописаніи Князя Долгорукаго, говоря о тогдашнихъ молодыхъ людяхъ. Тоже можно сказать и о зрѣломъ возрастѣ и о старикахъ. Напри-

мѣръ, въ провинціяхъ хозяйствомъ занимались прилежно, но по охотѣ, а не по необходимости, не по нуждѣ. Заботы еще не грозили будущимъ; дешевизна не требовала усилій. Какъ не жить было поэту, когда вокругъ него все веселилось и жило спустя рукава! — А женщины? — Онѣ были въ свѣтскомъ обществѣ предметомъ поклоненія. Не скажу, чтобы тогда было болѣе добродѣтели и правъ на уваженіе: напротивъ, нынче сознаніе долга, кажется, сильнѣе; но ихъ обожали и вмѣстѣ уважали. Ихъ общество было школою — и обращенія, и сердца, которое, правда, немножко рано и слишкомъ уже явно начинало воспитываться въ этой школѣ. — Это общество, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, наводило на мужчинъ лакъ вѣжливости, хорошаго тона, блестящаго употребленія ума и особенно остроумія. Просвѣщенныя женщины, съ своей стороны, дорожили похвалами поэтовъ: отъ того мы видимъ въ то время множество стиховъ, написанныхъ къ женщинамъ. Отъ того и у Князя Долгорукаго мы находимъ много стихотвореній, обращенныхъ къ открытымъ лицамъ прекраснаго пола. Прославленіе женщинъ и нѣжные стихи — это былъ потокъ времени, въ которомъ нельзя винить тогдашнихъ поэтовъ. Самая сентиментальность, въ концѣ прошедшаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, была логическимъ послѣдствіемъ, хотя къ намъ она и зашла, какъ чуждое растеніе, какъ прививокъ чужаго. Чтобы объяснить ее съ самаго корня, надобно бы начать издалека, съ временъ французскаго рыцарства. Оно, переродившись въ турниры, посадило женщину, такъ сказать, на тронъ. Когда не стало надобности защищать ее отъ насилій, да не было уже и возможности угнетать ее, какъ слабое твореніе: тогда обязанность защиты превратилась въ безусловную преданность, въ поклоненіе и въ наружное обожаніе, не

всегда впрочемъ нравственное. Со времени менестрелей и трубадуровъ, вошло въ привычку воспѣвать красоту женщинъ. Этотъ обычай перешелъ потомъ къ стихотворцамъ. Во время Людовика XIV женщины, во Франціи, были, такъ сказать, властію, хотя и не отличались нравственною красотою; при Людовикѣ XV, при всей красивой условной обстановкѣ общества, явный развратъ, перешедшій отъ двора и въ средніе круги, еще болѣе ободрялъ и поклонниковъ и стихотворцевъ не скрывать своихъ притязаній на женскую благосклонность. Но это все еще не было сентиментальностію. Руссо̀, своею Элоизою, возбудилъ въ сильной степени чувствительность; Гёте, своимъ Вертеромъ, довелъ ее до какого-то тревожнаго, почти неестественнаго чувства; сочиненія Стерна, отчасти понятыя превратно, то-есть слишкомъ литерально, довершили подготовленное прежде: слабость сердца, слезливость сдѣлались какимъ-то необходимымъ состояніемъ чувствительнаго сердца. Вотъ происхожденіе этаго повѣтрія сентиментальности, которая, какъ всѣ новизны, перешла къ намъ изъ Франціи и была у насъ, такъ сказать, литературною модою, въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка, конечно не между первыми талантами, а между писателями второкласными. Эта сентиментальность была—какъ бы опредѣлить ее?—чувствительность натянутая, накликанная и совсѣмъ не моральная: подъ ней, безсознательно для тогдашнихъ писателей, скрывалась тонкая чувственность; въ области человѣческихъ чувствованій это было нѣчто совершенно ложное и достойное посмѣянія. Я говорю здѣсь объ ней только для того, чтобы представить одно изъ направленій литературы, современной Князю Долгорукому, какъ черту обстановки, окружавшей его въ зрѣлую пору его дѣятельности. Но самого его, воспѣвавшаго тоже жен-

щинъ и поклонявшагося имъ въ стихахъ своихъ, никакъ нельзя упрекать въ сентиментальности. Его обожаніе было правдивѣе, и кажется, болѣе происходило отъ страстной натуры поэта, отъ стремленія къ цѣли страсти, хотя и несознаваемаго на ту минуту. Это ручается по крайней мѣрѣ за искренность чувства, каково бы ни было его основаніе.

Чтобы дополнить легкій очеркъ сферы, окружавшей Князя Долгорукаго на его литературномъ поприщѣ, нужно упомянуть и объ иностранной литературѣ, знакомой въ его время нашимъ писателямъ. Кругъ ея былъ для нихъ не обширенъ. Древніе языки, какъ и нынѣ, не многимъ изъ нихъ были извѣстны. Изъ всѣхъ писателей, жившихъ въ его время, едва ли не двое только, Петровъ и Костровъ, посвятили себя основательному ихъ изученію. Потомъ Карамзинъ пользовался ими для историческихъ своихъ изысканій; наконецъ Мерзляковъ, Гнѣдичъ и Мартыновъ, показали знакомство съ древними въ своихъ переводахъ. Вотъ и все! Шесть писателей на полвѣка!—Греки и римляне не имѣли никакого вліянія ни на духъ, ни на форму нашей поэзіи. Самъ Князь Долгорукой, хотя и былъ знакомъ, еще въ первой юности, съ языкомъ латинскимъ и понималъ нѣкоторыхъ римскихъ писателей, но это осталось для него безъ всякаго плода, какъ для поэта. Критическаго и сравнительнаго изученія литературы еще не было: слѣдовательно духъ литературы былъ ощущаемъ не ясно. На науку слова смотрѣли не такъ, какъ на полную, органическую систему, составляющую обширный кругъ знаній, находящихся въ взаимной зависимости, имѣющихъ свою исторію и тѣсно связанныхъ съ духомъ народовъ; а просто какъ на практику пера, и какъ на случайное красивое выраженіе того или другаго. Могли подражать наруж-

ной формѣ; но вѣяніе духа не доходило! Языки новѣйшіе тоже мало были распространены между нами. Англійской и итальянской были почти неизвѣстны. Нѣмецкой, со времени Екатерины, былъ въ пренебреженіи: правда, съ царствованія Анны и по конецъ Петра III, нѣмцы чрезвычайно намъ надоѣли! Литература нѣмцевъ, столь презираемая, какъ сказалъ Шиллеръ, „величайшимъ солнцемъ германцевъ, Фридрихомъ Великимъ," и столь обогатившаяся съ конца прошедшаго столѣтія, была у насъ до Жуковскаго совсѣмъ неизвѣстна, за исключеніемъ развѣ однихъ именъ, и то нѣкоторыхъ, немногихъ писателей. Затѣмъ остается литература французовъ, которая, вмѣстѣ съ ихъ языкомъ, имѣла съ екатерининскаго времени исключительное вліяніе на наше общество и была почти одна извѣстна большинству нашихъ литераторовъ. Сколько ни писали противъ вреднаго вліянія французскаго языка, начиная отъ Бригадира Фонъ-Визина и двухъ комедій Крылова до сильныхъ возстаній Шишкова и Графа Растопчина; но оно продолжалось почти до нашего времени, когда основательное ученіе и знакомство съ литературами другихъ народовъ нанесли наконецъ неотразимый ударъ галломаніи нашего общества и нашихъ словесниковъ. Но тогда французской языкъ былъ признакомъ хорошаго воспитанія: не говорить по французски было стыдно. Припомнимъ только, чтò разсказываетъ Фонъ Визинъ въ своихъ запискахъ: „Стоя „въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного „знатнаго господина, которому физіономія моя понра„вилась; но какъ скоро спросилъ меня, знаю ли я по „французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то „онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ „счелъ меня невѣжею и худо воспитаннымъ. — Тутъ „узналъ я, сколь нуженъ молодому человѣку француз-

„ской языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ „учиться оному (*).“—Свидѣтельство такого человѣка, какъ Фонъ-Визинъ, умнаго и чуждаго предразсудковъ, достаточно показываетъ, какою необходимостію былъ тогда языкъ французской, когда онъ почитался доказательствомъ, или по крайней мѣрѣ признакомъ хорошаго воспитанія!—Французской языкъ, французская литература, вотъ около чего обращалась тогда бóльшая часть нашихъ писателей! — Вольтера знали наизусть; Руссó почти боготворили; уважали даже Фонтенеля; читали съ наслажденіемъ даже Дората!—Теперь это чудно; но тогда общія свѣдѣнія въ литературѣ ограничивались почти этимъ!—Князь Долгорукой оказывалъ также большое пристрастіе къ французской литературѣ и такъ былъ напитанъ ея чтеніемъ, что даже Гéснера называлъ, по французскому произношенію, *Жеснéрв*!

Здѣсь оканчиваю я общественную и умственную обстановку литературной арены Князя Долгорукаго, и обращаюсь къ самому ему, какъ къ писателю.

Къ чести его самороднаго дарованія надобно сказать, что упомянутое мною пристрастіе къ французской литературѣ, эта жертва духу времени, нисколько не подѣйствовало на его произведенія. Если онъ покорился нѣсколько въ этомъ отношеніи своему времени и современной модѣ, то развѣ въ томъ, что писалъ, какъ и другіе современные стихотворцы, много стиховъ къ дамамъ и въ похвалу ихъ. Однако и въ этомъ случаѣ нѣжность его и уваженіе къ прекрасному полу были непритворны и неприторны; онъ и въ этомъ не поддался тому общему тону, тѣмъ общимъ выраженіямъ небывалой пастушеской любви, которыхъ мы теперь

(*) Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ.

не можемъ читать безъ скуки, или безъ улыбки. Въ то время, когда другіе писали къ Филидамъ, или къ Хлоямъ, онъ писалъ прямо и открыто, какъ не скрывалъ и чувствъ своихъ подъ общими избитыми прикрасами стихотворства. Дамы, въ первое время его стихотворнаго поприща, особенно любили стихи его и признавали его, какъ поэта, особеннымъ своимъ почитателемъ. Со всѣмъ тѣмъ у другихъ тогдашнихъ писателей, я думаю, волосы становились дыбомъ, когда онъ, послѣ щегольскаго изображенія приемныхъ комнатъ Селимены, дамы лучшаго свѣтскаго круга, окруженной всею утонченностію свѣтскаго ума и роскоши, переходитъ къ такой простотѣ выраженія и такимъ простонароднымъ поговоркамъ:

Я былъ въ гостяхъ у Селимены;
Прекрасный видѣлъ тамъ боскетъ;
Въ диванной зеркальныя стѣны,
Въ гостиной розовый паркетъ.

* *
*

Въ который край ни оглянуся,
Красно, богато и свѣтло!
Чего рукой ни дотронуся,
Все бархатъ, мраморъ, иль стекло!

* *
*

Разиня ротъ, я любовался
При Селименѣ тамъ на все;
Умомъ своимъ ей посужался,
А сердце пряталъ отъ нее!

* *
*

. . . .
Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей нибудь да счетъ;

Вотъ въ ней-то подлинно ведется
И лисій хвостъ, и волчій ротъ!

За то всѣ эти выраженія, отмѣченныя здѣсь косыми литерами, онъ замѣнилъ послѣ другими, которыя уже не столь рѣзки, но и не столь вѣрны: жертва современному взгляду и условнымъ понятіямъ! — Или чтò думали тѣже щепетильные свѣтскіе критики, когда читали далѣе:

Она нерѣдко *пустошь мелетъ*
Про тѣхъ, кого бѣжитъ обнять;
По русски молвить: *мягко стелетъ,*
Да жостко, сказываютъ, спать!

*
* *

Иному дастъ такую зорю,
Что кровь приводитъ всю въ игру!
Востра, бойка—и я не спорю,
Да только *мнѣ не понутру!*

Какая стихотворческая смѣлость по тому времени—и у кого же?—у человѣка хорошей фамиліи, свѣтскаго воспитанія, и принадлежащаго къ лучшему обществу!—Такъ, вѣроятно, думали современные ему писатели; но мы должны судить иначе. Какое мастерское соединеніе самыхъ простонародныхъ, нашихъ родныхъ выраженій, съ самымъ блестящимъ описаніемъ свѣтской дамы и ея внѣшней обстановки! —Нѣтъ! Князь Долгорукой, несмотря на пристрастіе свое къ французской литературѣ, нисколько не поддался въ поэзіи вліянію ея чопорности: русской умъ, русское чувство и выраженіе у него такъ и рвутся на волю: имъ было тѣсно въ тогдашней рамкѣ! — Онъ писалъ, какъ ему писалось, не смотря ни на кого и ни на чтò, и не боясь того, чтò скажутъ при встрѣчѣ простаго или

народнаго выраженія, оскорблявшаго тогда уши благороднаго общества, воспитаннаго на гладкихъ фразахъ придворной учтивости и модной иностранной литературы!—Одна только смѣлость, введенная въ нашу поэтическую рѣчь Державинымъ, хотя и не имѣла ни прямаго, ни косвеннаго на него вліянія, но была сродственна самородному таланту Князя Долгорукаго, сколько допускалось это—различіемъ направленій и разстояніемъ между ихъ дарованіями! Подобно Державину, онъ былъ самъ себѣ образцомъ; не покорялся ничему, кромѣ своей природы и довѣрялъ одной собственной своей силѣ. Оба они были—натура, а не искусство, чего нельзя сказать о современныхъ имъ поэтахъ; хотя оба они, къ сожалѣнію, не знали границъ между натурой и искусствомъ, и потому иногда слишкомъ пренебрегали послѣднимъ!

Но руссицизмъ Князя Долгорукаго заключается не въ однихъ народныхъ выраженіяхъ; а главное въ духѣ лучшихъ его произведеній. Онъ состоитъ въ той отличительной чертѣ духа русскаго человѣка, которой не представляютъ другія націи: это—*соединеніе грусти съ шуткой и съ ироніей!* Грустная шутка съ горя, улыбка негодованія сквозь слезы: это единственная національная русская сатира. Возьмите народныя наши пѣсни, гдѣ такъ часто жена жалуется на мужа, невѣстка на свекровь: вездѣ жалоба сопровождается горькою ироніей, какъ единственнымъ средствомъ себя высказать—существу, подъ неотвратимою властію, которое беретъ-таки свое, сколько сможетъ! —Таково настроеніе лучшихъ произведеній Князя Долгорукаго, хотя по внѣшности своей они и не представляютъ ничего національнаго. По моему мнѣнію въ этомъ настроеніи гораздо болѣе заключается національности, чѣмъ въ изображеніи внѣшнихъ народныхъ обычаевъ,

или въ подражаніи внѣшней народной формѣ поэзіи: ибо простонародность не есть еще національность; національность состоитъ въ духѣ, а не въ внѣшности. Повторяю, что это замѣчаніе мое относится не ко всѣмъ вообще произведеніямъ Князя Долгорукаго; но только къ нѣкоторымъ, и по всей справедливости, къ самымъ лучшимъ.

Я сказалъ, что онъ выразился самъ въ своихъ стихотвореніяхъ; изъ этаго не слѣдуетъ однако заключать, чтобы онъ былъ субъективенъ. Въ передачѣ собственнаго, личнаго чувства поэта, рѣдко люди принимаютъ участіе, по пословицѣ: *всякому до себя.* Но обобщая его, поэтъ возводитъ его на степень чувства безкорыстнаго, общечеловѣческаго, и тѣмъ самымъ возбуждаетъ участіе, какъ человѣкъ; или обращаетъ людей къ участію, олицетворяя чувство и сосредоточивая его въ образѣ, въ изображеніи объективномъ. Тогда мы, читатели его, не только слышимъ, но видимъ, созерцаемъ жалобу человѣка; а зрѣніе поражаетъ сильнѣе слуха. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, какъ мы видѣли изъ жизнеописанія Князя Долгорукаго, судьба дала ему почувствовать тягость общественнаго положенія, не подкрѣпленнаго матеріальными выгодами богатства. Онъ нерѣдко выражаетъ на это жалобу въ своихъ стихотвореніяхъ; но нигдѣ не выразилъ ее такъ тепло, просто и наглядно, какъ въ стихотвореніи *Бѣдняку* (*), написанномъ имъ еще въ молодости. Здѣсь, такъ сказать, олицетворена нужда; и кто прочтетъ, безъ вздоха и безъ убѣжденія, какъ тяжелъ гнетъ судьбы, эти стихи, написанные впрочемъ не безъ грустной ироніи. Вотъ ихъ начало и нѣсколько куплетовъ съ ряду:

(*) Въ послѣднемъ изданіи: *Парфену.*

Парѳенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, съ скуки изнываешь:
Ты бѣденъ—слѣдственно, терпи!

* *
*

Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты, на небеси;
А здѣсь съ поклону все дается:
Ты бѣденъ—слѣдственно, проси!

* *
*

Коль баринъ на-смѣхъ поднимаетъ,
Вмѣняй то въ честь, и не ропщи;
Тобой онъ тѣшиться желаетъ:
Ты бѣденъ—слѣдственно, молчи!

* *
*

Не смѣй отнюдь тѣмъ обижаться,
Что некогда ему тобой
Въ своей уборной заниматься:
Ты бѣденъ—такъ въ сѣняхъ постой!

* *
*

Иной шага не переступитъ,
Съ софы не тронется своей;
А сходно все достанетъ, купитъ:
Ты бѣденъ—бѣгай и потѣй!

* *
*

О бѣдность! горько жить съ тобою!
Нельзя и чувствамъ воли дать!
Я, разсуждая самъ съ собою,
Не могъ во вѣкъ того понять,

* *
*

Какъ могутъ люди быть такіе,
У коихъ множество всего,
И въ томъ же свѣтѣ есть другіе,
У коихъ вовсе ничего!

**
*

Иной въ прекраснѣйшей палатѣ
Даетъ вседневный пиръ друзьямъ;
А рядомъ съ нимъ въ подземной хатѣ
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ!

**
*

Богачъ теряетъ десятину,
И всѣ кричатъ: какой уронъ!
А бѣдный выронитъ полтину,
И никому не жалокъ онъ!

**
*

Обиженъ сильный—шумъ, тревога;
Обиженъ сирый—быть должно!
Иль въ области всесильна Бога
Парѳенъ и Крезъ не все равно!

Трудно опредѣлить общій характеръ стихотвореній Князя Долгорукаго; еще труднѣе раздѣлить ихъ на различные роды. Они не поддаются ни какимъ подраздѣленіямъ, принятымъ въ піитикахъ его времени. Этимъ онъ отличается отъ всѣхъ стихотворцевъ ему современныхъ, и предупредилъ наше время, въ которое не признается почти никакихъ ограниченій формы. Иныя изъ нихъ принадлежатъ къ лирикѣ по своей внѣшней формѣ, а къ сатирѣ по своему содержанію. Его стихотворенія, чисто лирическія, и по содержанію и по формѣ, никогда не возвышаются до высоты оды; а содержатъ въ себѣ иногда чувство элегическое, иногда филосо-

фическія размышленія, иногда горькой упрекъ судьбѣ и людямъ, иногда легкую шутку. Посланія содержатъ всѣ роды дидактики: описаніе, поученіе, размышленіе, сатиру. А иныя, чисто дидактическія, обнаруживаютъ порывы лиризма. Иногда все это встрѣчается вмѣстѣ. Однимъ словомъ, онъ далъ себѣ просторъ, которымъ не смѣли пользоваться современные ему наши стихотворцы. Это выводило его, такъ сказать, изъ ряду другихъ, которые смотрѣли на него болѣе, какъ на дилетанта, не принадлежащаго къ ихъ корпораціи; но этоже самое и доставляло ему читателей, которымъ, хотя они сами не сознавались въ этомъ, должна была нѣсколько надоѣдать чинность и великосвѣтскость тогдашней поэзіи. Имъ пріятно и ново было видѣть поэта, который нейдетъ по битой дорогѣ; встрѣчаетъ иногда житейскія простыя истины, которыя казались слишкомъ простыми для тогдашней позолоченной рамки; иногда позволяетъ себѣ шутку, доходящую до балагурства, которая не допускалась въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, цѣлившихъ на полированный кругъ читателей. — Чтобы опредѣлить сколько нибудь его отличительный характеръ, всего вѣрнѣе, думаю, сказать, что по внѣшней формѣ, онъ склоняется болѣе къ лиризму, а по содержанію — къ сатирѣ; но что самая сатира по бóльшей части растворена у него добродушною шуткою и горячимъ чувствомъ и никогда не является въ отдѣльномъ, опредѣленномъ видѣ, а входитъ, какъ одна изъ стихій его таланта, тамъ, гдѣ находитъ себѣ мѣсто.

Оставляя въ сторонѣ торжественныя оды, въ которыхъ Князь Долгорукой не имѣлъ никакого успѣха, и которыя были, съ его стороны, кажется, только жертвою своему времени, вѣрнѣе всего раздѣлить его стихотворенія: на стихи, писанные къ женщинамъ, на

шутливые, сатирическіе и философическіе, въ которыхъ бо́льшею частію господствуетъ элегическое чувство. Я не безъ намѣренія ставлю ихъ въ этомъ порядкѣ. Если наблюдать хронологически одни *лучшія* его стихотворенія, можно замѣтить, что по мѣрѣ зрѣлости лѣтъ и опытовъ жизни, этому порядку слѣдовало въ своемъ ходѣ постепенное направленіе поэта; разумѣется, не безъ исключенія. Въ одно и тоже время писано имъ было много стиховъ различнаго направленія; но лучшіе, наиболѣе открывающіе характеръ его поэтическаго духа, выставляются именно въ этомъ порядкѣ, которому я и буду слѣдовать, говоря о его произведеніяхъ.

Въ своей молодости онъ много писалъ стиховъ о женщинахъ и къ женщинамъ. Нынче это было бы странно; но я сказалъ уже, въ его жизнеописаніи, что это было въ нравахъ того времени. Нынче просвѣщенная женщина требуетъ тѣхъ же правъ, какъ и мужчина, съ которымъ она состязуется въ силѣ ума, въ силѣ таланта и въ широтѣ просвѣщенія. Она ничего не требуетъ себѣ лишняго, во имя слабости, и ничего не уступаетъ, по равенству энергіи и способностей. Тогда—она охотно уступала мужчинѣ эти преимущества, какъ принадлежащія его натурѣ, оставляя за собою власть красоты, и требуя себѣ поклоненія и жертвъ, какъ существу высшему, хотя и слабѣйшему, живущему только для любви и забавы. Отъ этаго произошло, что выдавали особыя книги для дамъ, какъ для дѣтей, напримѣръ: Миѳологія и Нравственная философія, Дюмутье; а у насъ дамскіе журналы. Я упомянулъ выше, какъ произошло это поклоненіе въ Европѣ, какъ чувствительность превратилась въ сентиментальность, и какъ все это перешло къ намъ естественнымъ путемъ переимчивости, составляющимъ, кажется, отличительную

черту нашей натуры, не способной ни въ чемъ къ инициативѣ. Въ понятіяхъ нашего свѣтскаго общества чувствительность была тогда какимъ-то высшимъ закономъ, на который не было апелляціи. Само собою разумѣется, что при этомъ права сердца брали самые широкіе размѣры, даже въ ущербъ долга. Вспомнимъ стихи Карамзина въ „Островѣ Борнгольмѣ:“

Природа! ты хотѣла,
Чтобъ Лилу я любилъ!

Законъ природы—и кончено! противъ законовъ природы—не было возраженія! „Въ осмнадцатомъ вѣкѣ, говоритъ Сентъ-Бёвъ, чувствительность примѣшивалась ко всему: и къ описаніямъ природы Сен-Ламбера, и къ сказкамъ младшаго Кребильона, и къ философической исторіи обѣихъ Индій, Рейналя.“—Прошу идти противъ такого потока! — Такъ было и у насъ въ концѣ того вѣка и въ началѣ нынѣшняго. — Стихи посвящались тогда женщинамъ открыто, или подъ самымъ прозрачнымъ покровомъ перемѣны имени, или подъ вымышленнымъ именемъ, однажды навсегда усвоеннымъ ей поэтомъ. Всякой зналъ, къ кому они относятся, и это нимало не вредило чести красавицы: напротивъ, окружало ее какимъ-то вѣнцомъ славы, а поэту доставляло самую лестную извѣстность.—Кто не зналъ, напримѣръ, въ Москвѣ, что стихи Карамзина: „Къ невѣрной,“ и другіе: „Къ вѣрной,“ относились къ Княгинѣ Прасковьѣ Юрьевнѣ Гагариной? — У Князя Долгорукаго есть стихи къ В. И. Кошелевой, которой имя, замѣтимъ это, напечатано полными буквами, и которые начинаются очень просто: „Всю жизнь мою въ Варваръ влюблялся.“—Чего откровеннѣе? Поэтъ не заявляетъ даже себя и постояннымъ:

И сердце, гдѣ бы ни летало,
Прильнетъ къ Варварѣ невзначай!

Онъ не входитъ въ претензіи и на непостоянство дамы, увѣренный, кажется, что и она этимъ не обидится;

Мила Варвара чрезвычайно
Лицомъ, душою и умомъ;
Одна бѣда: непостоянна,
Рѣзва—и ставитъ все вверхъ дномъ!

За то началомъ своей поэтической извѣстности въ кругу свѣтскомъ Князь Долгорукой обязанъ былъ именно стихамъ, писаннымъ имъ для женщинъ; хотя вскорѣ эта извѣстность сдѣлалась болѣе всеобщею, стихами нѣсколько уже важнаго содержанія, именно стихотвореніемъ *Каминъ въ Пензѣ*, съ котораго начало высказываться болѣе зрѣлости въ его талантѣ.

Между свѣтскими дамами того времени Князь Долгорукой въ своей молодости пользовался славою *нѣжнаго* поэта. Но справедливость требуетъ замѣтить, что эти-то нѣжныя стихотворенія и имѣютъ мало цѣны въ сравненіи съ другими, по крайней мѣрѣ далеко не заслуживаютъ стоять наравнѣ съ шутливыми и сатирическими его произведеніями. Во всѣхъ его стихахъ, посвященныхъ женщинамъ, не столько чувства, сколько мысли, разсужденій о чувствахъ и выраженій преданности сердца. И потому они холодны.—Странное дѣло! Онъ, у котораго такъ много глубокаго чувства оскорбленнаго сердца, когда онъ говоритъ о себѣ и о людскомъ эгоизмѣ, онъ же, при алтаряхъ своихъ кумировъ, женщинъ, холоденъ и приноситъ имъ жертвы, какъ будто по обряду! — Если приписывать это тому, что въ чувствительности того вѣка много участвовала чувственность: то стоитъ только вспомнить, напри-

мѣръ, Парни, у котораго вездѣ проглядываетъ чувственность,—отъ чего же тотъ увлекаетъ насъ своею страстію къ Елеонорѣ?—Именно отъ того, что то была страсть истинная, и только къ одной, избранной сердцемъ женщинѣ, а не временное увлеченіе и не простое поклоненіе прекрасному полу. Притомъ же у Парни много той красивости и деликатности въ выраженіи, того искусства въ стихѣ, которыя еще не были найдены тогда нашими русскими поэтами, за исключеніемъ очень немногихъ.

Я бы желалъ подтвердить это выписками изъ нѣжныхъ стихотвореній Князя Долгорукаго; но оно почти невозможно! Вездѣ одинаковый недостатокъ теплоты и искусства!—Напримѣръ, въ стихахъ *Къ Глафирѣ*, которые тогда правились, почти все состоитъ изъ риторической амплификаціи:

Когдабъ, я говорилъ, мнѣ мудрость боги дали,
Какою встарину во Греціи сіяли,
Я родъ бы смертныхъ всѣхъ къ ногамъ ея привлекъ,
Глафиру божествомъ вселенныя нарекъ!
Когда бы призванъ былъ я свѣту дать уставы,
Глафирой обольстя и самы дики нравы,
Велѣлъ бы всюду то закономъ почитать,
Что̀ вздумается ей хотѣть, иль приказать!

Вся піэса продолжается въ этомъ родѣ. Рѣдко даже можно замѣтить какой нибудь стихъ, который остановилъ бы на минуту вниманіе счастливымъ выраженіемъ мысли.

Другіе стихи его: *Споръ*, представляютъ по крайней мѣрѣ нѣсколько живости и искусства.—Нынче они конечно были бы невозможны, ни по содержанію, ни по стиху; но сравнивая ихъ съ бо̀льшею частію тогдашнихъ стиховъ, напечатанныхъ напримѣръ хоть въ

„Аонидахъ“ Карамзина, находимъ, что они были тогда изъ лучшихъ. Упоминаю объ нихъ по этой причинѣ, то есть по сравненію съ произведеніями современными, и потому, что они въ свое время дѣйствительно нравились читателямъ. Такія указанія свидѣтельствуютъ о вкусѣ извѣстнаго времени, и потому они никогда не лишнія при обзорѣ произведеній поэта, чѣмъ бы то ни было отличившагося отъ другихъ въ свое время. Выписываю изъ нихъ нѣсколько куплетовъ:

„Изъ двухъ свѣтилъ, что Богъ устроилъ
На освѣщенье тверди сей,
Луну хоть ночи онъ присвоилъ,
Но солнца мнѣ она милѣй!“

* *
*

Такъ мысль свою мнѣ изъясняла
Одна любезная жена.
За солнце мнѣ досадно стало;
Вошелъ я въ рѣчь—и вотъ она:

* *
*

Лучь солнца грѣетъ и питаетъ;
Что̀ можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ...
„Все такъ! Да мнѣ луна милѣй!“

* *
*

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей,
Все вдругъ цвѣсти, раждаться станетъ...
„Все такъ! да мнѣ луна милѣй!“

* *
*

. . . .

. . . .

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто боленъ
Въ избѣ своей ждетъ красныхъ дней!
Увидитъ солнышко—доволенъ....
„Все такъ! да мнѣ луна милѣй!“

**
*

За чтожь вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросить.
Какимъ вы свойствомъ въ ней плѣнились?
Всему должна причина быть.

*
**

„Вы очень сильно расхвалили,
Она сказала, солнца свѣтъ;
Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжетъ, а мѣсяцъ нѣтъ!

**
*

„Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанутъ суеты всѣ вдругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелится,
Вездѣ начнется недосугъ.

**
*

„Тутъ всѣ заботы, попеченья;
Житейскихъ дѣлъ мятежъ пойдетъ,
Умы и чувства въ развлеченьѣ
И всякой внѣ себя живетъ.

**
*

„Когдажъ луна чело подъемлетъ,
Тогда природа въ тишинѣ,

Какъ будто въ утомленьѣ, дремлетъ;
Тогда и я—я вся во мнѣ!

**
*

. . . .
„Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моей,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своей!“

**
*

. . . .
Пришлось мнѣ съ нею согласиться,
На мѣсяцъ солнце промѣнять,
Ея рѣчами убѣдиться
И самому себѣ сказать:

**
*

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что *всякой логики сильнѣе*
Любезной женщины слова.

Замѣтятъ ли мои читатели эти послѣдніе два стиха, какъ характеристическую черту времени? — Это черты надобно ловить у поэтовъ, и не надобно осуждать эти черты на основаніи новѣйшей точки воззрѣнія, а отмѣчать ихъ въ памяти, какъ такія, которыя въ одно время просты и естественны, а въ другое были бы натянуты и даже невозможны. Въ то время такое заключеніе конечно казалось очень любезнымъ оборотомъ и спора, и самаго стихотворенія! Оно было сообразно съ понятіями, господствовавшими въ обществѣ.

Нахожу нужнымъ еще одно замѣчаніе по поводу этихъ стиховъ. Изъ другихъ стиховъ Князя Долгорукаго, на именины, писанныхъ къ другой особѣ, видно тоже пристрастіе къ лунѣ; вотъ этотъ куплетъ:

Дай Богъ, чтобы сама природа,
Твое пристрастье чтя къ лунѣ,
Велѣла ей во всѣ дни года
Играть съ тобой въ твоемъ окнѣ!

Какъ видно изъ этаго тогдашнее настроеніе къ мечтательности, къ меланхоліи, къ чувствительности! Такими чертами времени, хотя бы для насъ и смѣшными, повторяю, не должно пренебрегать въ литературѣ. Онѣ невольно дѣйствуютъ на современныхъ поэтовъ, и много служатъ къ объясненію ихъ направленія, и отчасти къ ихъ оправданію. А кто изъ нихъ, и самый талантливый, можетъ сказать, что онъ совершенно свободенъ отъ дѣйствія на него современности? Потомки разберутъ и въ нынѣшнихъ поэтахъ, что̀ принадлежитъ таланту, что̀ имъ лично, и что̀ ихъ времени. Теперь мы этаго не замѣчаемъ.

Къ этому же разряду стиховъ нѣжныхъ принадлежатъ *Пѣсни* Князя Долгорукаго, которыхъ у него числомъ 29. — Изъ нихъ многія положены были на музыку и пѣлись; многія помѣщены въ пѣсенникахъ, изданныхъ книгопродавцами; но только одна въ „Собраніи русскихъ стихотвореній“, изданномъ Жуковскимъ. Всѣ онѣ отзываются стариннымъ складомъ тѣхъ пѣсенъ, которыя начались съ Сумарокова и продолжались до Нелединскаго и Дмитріева, изъ которыхъ у перваго приобрѣли онѣ болѣе чувства, а у послѣдняго тонъ болѣе свѣтской.

Перехожу къ шутливымъ стихотвореніямъ Князя Долгорукаго. Здѣсь былъ онъ въ настоящей своей

сферѣ; кто помнитъ, что̀ сказано мною о его характерѣ, о его шутливости въ кругу близкихъ знакомыхъ, тотъ пойметъ вполнѣ это замѣчаніе. Эти его стихотворенія, которыя я называю шутливыми, совсѣмъ не сатира: въ нихъ ничего нѣтъ колкаго. Это иронія умнаго и веселаго человѣка; это—легкое балагурство, вылившееся въ стихахъ отъ избытка природной веселости.

До Князя Долгорукаго никто, кажется, изъ нашихъ поэтовъ, кромѣ Державина, не думалъ выражать въ своихъ произведеніяхъ духъ русскаго народа. Поэзія наша, не говоря объ относительномъ достоинствѣ поэтовъ, была общею европейскою, и чѣмъ болѣе очищался языкъ стихотворный, чѣмъ болѣе пріобрѣтала она красивости формъ и выраженія, тѣмъ болѣе приближалась къ чему-то общему и условному. Переведите лучшія изъ ихъ произведеній на языкъ иностранный,—опять скажу, кромѣ Державина,—никто не узнаетъ въ нихъ ничего русскаго, типическаго, принадлежащаго собственно нашему народу. — Князь Долгорукой, европеецъ по блестящему воспитанію, сохранялъ въ себѣ неотъемлемый инстинктъ руссицизма, который проявлялся и въ разговорѣ его, и въ стихотвореніяхъ. Я не говорю, чтобъ онъ выразился въ каждомъ изъ его произведеній, и во всей полнотѣ національнаго духа: этаго и донынѣ, что̀ ни говорятъ наши критики, не представляетъ въ себѣ ни одинъ изъ нашихъ писателей. Но часто выказывается онъ у него явно и сильно; иногда по мѣстамъ, иногда и въ цѣлыхъ стихотвореніяхъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ господствуетъ его неистощимая шутливость.

Только нынче поняли, что въ характерѣ нашего народа есть нѣкоторыя свойства, которыя болѣе всего препятствуютъ ему стать наравнѣ съ другими европейскими народами. Прежде обращали вниманіе на

одни добрыя его качества, которыя впрочемъ общечеловѣческія, а не по преимуществу русскія. Выставляли, напримѣръ, его гостепріимство, какъ ему одному свойственную добродѣтель, между тѣмъ, какъ это общая добродѣтель всѣхъ народовъ, чуждыхъ развитія общественности: она же, оказываемая безъ разбору, граничитъ у насъ съ нашею нерасчетливостію и чванствомъ; хвалили его ловкость, съ которою онъ будто бы сдѣлаетъ топоромъ и долотомъ такія подѣлки, на которыя нѣмцу нужны хитрые инструменты, и забывали, что за то и работа выходитъ топорная; превозносили его удальство и молодечество, которыхъ дѣйствительно нѣтъ у другихъ европейцевъ, замѣняющихъ ихъ обдуманностію дѣйствія. Наконецъ, любовались даже его шаткою опорою на *авось*, замѣняющею ему болѣе надежную опору на соображеніе причинъ и послѣдствій; потѣшались и его заключительной поговоркой: *живетъ!* когда, вслѣдствіе безпечности и лѣни, торопливости и увальчивости, вмѣсто дѣла выходила изъ его работы дрянь, которую онъ и самъ называетъ лавочною работою.—Теперь мы, кажется, смотримъ на всѣ эти свойства иначе: мы видимъ, что изъ этихъ принциповъ, на которыхъ вертится буднишная жизнь русскаго человѣка, не выдетъ ничего прочнаго, пока онъ не покорится тѣмъ раціональнымъ правиламъ жизни, которымъ такъ твердо слѣдуютъ въ Европѣ; и что этотъ, по выраженію московскихъ славянофиловъ, гнилой Западъ, много имѣетъ въ себѣ началъ положительныхъ и здоровыхъ, совершенно противоположныхъ нашему *авось*: именно настойчивость въ исполненіи и заблаговременную обдуманность всякаго начинанія. Всѣ эти, столь превозносимыя качества нашего народа, суть только отрицательныя, а не положительныя свойства народнаго характера.

Князя Долгорукаго рано, еще въ молодости, поражали эти фальшивыя пружины и ненадежныя подпорки нашего характера: *авось* и *живетъ*!—Онъ шутитъ надъ ними, это правда; шутитъ тамъ, гдѣ стоило бы пожалѣть. Онъ смѣется надъ нашимъ безотчетнымъ фатализмомъ, надъ нашею беззаботною лѣнью, которая въ окончаніи труда довольна кое-какимъ результатомъ, лишь бы избѣгнуть скучной внимательности, сосредоточенности мысли и трудолюбивой настойчивости въ своемъ дѣлѣ. Вотъ нѣсколько куплетовъ изъ его *Авось*; само собою разумѣется, что все это — иронія:

. . . .
На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ, и такъ и сякъ;
Пойдешь съ авось—вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ—все буеракъ!
. . . .
. . . .

* *
*

Авось всему и всѣмъ подпора,
Съ нимъ любо и за карты сѣсть;
Не глядя въ нихъ, кричи, знай, скоро:
Бостонъ!—открылъ—онъ тутъ и есть!
Въ бесѣдѣ миленькой дѣвчонки,
Влюбился ль кто въ ея глазенки,
Скажи: люблю! скажи, небось;
И вѣрь, что нѣжное словечко
Пройдетъ насквозь ея сердечко:
Въ любви премудрость вся—авось!

* *
*

. . . .
Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалитъ,

По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая,
Авось она не разглядитъ;
Растетъ—тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,
Что съ рукъ авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ!

***

Сожитель жонку увѣряетъ,
Что онъ чужихъ не терпитъ жонъ;
Супруга мужа лобызаетъ,
Твердя, что всѣхъ милѣе онъ;
Скупой свою шкатулку прячетъ,
Бродяга весь свой вѣкъ маячетъ;
Приказный крадетъ что есть силъ;
И всякой самъ въ себѣ смекаетъ,
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

***

. . . .
За что̀ зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ,
По вѣтру смыслитъ управлять?
Чужое благо насъ тревожитъ!
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его авось вѣдь удается;
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути!

***

Другое стихотвореніе его въ этомъ же родѣ, подъ названіемъ: *Живетъ*. Вотъ и изъ него нѣкоторые куплеты:

Своя у всякаго есть муза,
Бумаги пропасть, перьевъ тьма,
Идей подъ черепомъ обуза,
Какъ мошки льнутъ вокругъ ума!
Прихожанъ въ храмѣ Аполлона
Такъ много, что отъ ихъ трезвона
Онъ самъ ужъ мѣста не найдетъ;
А я, у притолки тамъ стоя,
Худую балалайку строя,
Мурнычу кой-что—и *живетъ!*

* *
*

. . . .
Не всякой можетъ, какъ Державинъ,
Вспорхнуть и на небо летѣть,
Быть арфой и свирѣлью славенъ,
Одной тронуть, другой гремѣть!
Изящность прочимъ уступаю;
Я звѣзды съ неба не хватаю:
На откупъ взялъ парнасской соръ!
Писать пустое — наше дѣло;
За это мы беремся смѣло!
Послушайте жъ мой новый вздоръ!

* *
*

. . . .
По мыслямъ и слова родятся!
А навыкъ, сей большой деспотъ,
Уча свободно изъясняться,
Знакомитъ съ ними весь народъ.
Во всѣхъ странахъ языкъ природной
Свой духъ имѣетъ; превосходно!
Но нашъ всѣхъ за поясъ заткнетъ!

Ну какъ французъ, швейцарецъ, нѣмецъ,
Какой хотите иноземецъ,
Посвойски выразитъ: *живетъ!*

* *
*

А мы прекрасно вразумились
Въ натуру этаго словца,
Играть имъ кстати научились
Отъ самыхъ хижинъ до дворца!
. . . .
. . . .

Здѣсь разыгрывается безгранично его веселость, и картина за картиной, сцена за сценой, всѣ взятыя изъ нашей жизни, смѣняютъ одна другую. Не требуйте отъ нихъ художественной отдѣлки: это просто веселая болтовня въ стихахъ, но болтовня наблюдателя, припоминающая ему въ веселую минуту все, чтò ни проходило когда нибудь въ разныхъ кругахъ и въ разныхъ сословіяхъ передъ его глазами, или чтò мгновенно представляетъ ему разыгравшееся воображеніе, эта домашняя шутиха, какъ называетъ его Монтань. — Предлагаю выписки:

Плѣня большаго господина
Расхожей прелестью своей,
Выпрашиваетъ мужу чина
Наглѣйшая изъ Дульциней.
Для сильныхъ есть ли невозможность?
Готовъ и крестъ, и чинъ, и должность
И вмѣстѣ рогъ на лбу ростетъ!
Вотще разсудокъ возражаетъ:
„Постой! онъ грамотѣ не знаетъ!"
У страсти свой отвѣтъ: *живетъ!*

* *
*

Бояринъ длиннаго заглавья,
Готовясь къ праздничному дню,
Когда сберется изъ тщеславья
Дарить убогую родню,
Велитъ сыскать въ рядахъ бездѣлку,
Или лежалыхъ смоквъ тарелку
Съ большими вычурами шлетъ.
Что дрянь такая негодится,
Онъ тѣмъ нимало не стыдится;
Бормочетъ сквозь зубовъ: *живетъ*!

* *
*

Судейка проситъ на крестины
Мелкопомѣстнаго къ себѣ;
Сперва попробуетъ всѣ вины
У ключницы своей въ избѣ,
И лучшихъ сортовъ прочь отставитъ,
А кислыя медкомъ приправитъ,
Смолой замажетъ, и черкнетъ
Своей рукою: Дрей-Мадера!
Весьма хозяйственная мѣра!
А гдѣ же лучше взять?—*живетъ!*

* *
*

Купецъ, *нанявши щель*, торгуетъ
И мѣтитъ, какъ бы обмануть;
Повѣса, вздернувъ носъ, гарцуетъ
И всюду хочетъ заглянуть.
Попалось взору нѣчто мило,
На видъ красно, на пользу гнило—
Онъ туго денежки даетъ;
Сидѣлецъ фарсы выпускаетъ:
„Купите, баринъ!“ приступаетъ,
„Товаръ по васъ, сударь! *живетъ!*“

* *
*

Мастеровой ли — тотъ конечно
Шага не ступитъ безъ него!

Верстакъ ворочая безпечно,
Путемъ не сладитъ ничего!
У всѣхъ работой заберется,
И тѣмъ исторія начнется,
Что весь задатокъ онъ пропьетъ;
Потомъ, съ похмѣлья, кажду штуку
Испортитъ онъ на скору руку
И кончитъ пѣсенкой: *живетъ!*

* * *

Отпущенный на госпожинки,
Къ отцу домой, семинаристъ,
Обнюхавши домашни скрынки,
Нашелъ въ оберткахъ драный листъ,
И ну съ ужасною методой
Потѣть надъ чрезвычайной одой:
Реторика тикъ и плыветъ!
А батька веселясь о чадѣ,
Воркуетъ при умильномъ взглядѣ
Съ улыбкой скромною: *живетъ!*

* * *

. . . .
. . . .

* * *

Пускай бы такъ; по вотъ несчастье!
О небо! отврати его!
Исчезло къ родинѣ участье
И свой не любитъ своего;
Благоутробіе пропало;
Въ устахъ кипитъ змѣино жало,
А сердце каждый день гніетъ.
Смотря на эту зла картину
И видя прежнихъ благъ руину,
Никакъ нельзя сказать—*живетъ!*

Между этихъ двухъ полюсовъ пустой сферы, вертящейся наудачу, между безотчетной надежды на *авось* и довольства пустымъ словомъ: *живетъ*, для дополненія такой успокоительной домашней философіи, конечно ничего не остается, кромѣ фатализма, кромѣ увѣренности въ какой-то невидимой, неразумной силѣ, отъ которой зависитъ успѣхъ безъ всякаго нашего содѣйствія. Лѣнь ума удивительно какъ умѣетъ себя оправдывать и успокоивать! Это—и не въ простомъ уже народѣ, а въ кругу высшемъ—мы выражаемъ словомъ: *ему везетъ*!—Эта-то увѣренность, эта вѣра въ фатализмъ счастія составляетъ основу третьяго стихотворенія Князя Долгорукаго, въ томъ же родѣ.—Такимъ образомъ представилъ онъ весь кодексъ жизни, не дающей себѣ отчета, ни въ начинаніяхъ, ни въ ихъ результатѣ, и въ заключеніи всѣмъ довольной.

На что̀ чему нибудь учиться,
Безъ пользы тратить краткой вѣкъ?
И звѣздочетъ подъ часъ крушится,
Какъ и безъ смысла человѣкъ!
На свѣтѣ что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не даетъ,
Чего въ рядахъ не покупаютъ,
Ни въ житницы не собираютъ,
Что̀ просто мы зовемъ: *везетъ!*

* * *

Въ одномъ прекрасномъ этомъ словѣ
Сокрытъ чудесный талисманъ!
Всеедневно счастія въ обновѣ
Горитъ въ алмазахъ истуканъ!
Убей, украдь, сожги, насилуй,
Невинныхъ корчь, злодѣевъ милуй,
Какъ съ горъ вода, все съ рукъ сойдетъ!

Любви усердной подъ предлогомъ,
Тебя зовутъ всѣ полубогомъ;
Чему дивиться тутъ?—*Везетъ!*

**
*

. . . .
. . . .

**
*

Осмотримъ весь народъ крещеный;
Вездѣ проказами живутъ:
Арабъ на солнышкѣ копченый,
И замороженный якутъ!
Съ конца въ конецъ всѣ козни строютъ,
Плетутъ силки, да ямы роютъ;
И Князь, и Графъ, и баринъ лжетъ;
Но только тотъ уменъ, достоинъ,
Хорошъ, пригожъ, богатъ, покоенъ,
И словомъ хватъ—кому *везетъ*!

**
*

На это нѣтъ въ законахъ права,
Не схватишь пушкой на проломъ,
Ни самымъ лучшимъ свойствомъ нрава,
Ни твердымъ духомъ, ни умомъ!
Пускай одно благотворенье
Твой долгъ, и честь, и наслажденье:
Прекрасно; только въ прокъ нейдетъ!
Себѣ тѣмъ счастья не устроишь,
Отъ темной ночи не укроешь;
За малымъ стало: *не везетъ*!

**
*

Другой за все про все рискуетъ,
И не теряетъ ничего;
Колоду картъ возьметъ, стасуетъ—
Ва-банкъ! пустилъ—и все его!

Надъ нимъ не грянетъ громъ изъ тучи;
При нуждѣ вдругъ червонныхъ кучи —
И тотъ, и тотъ взаймы даетъ;
На чай, на балъ, откушать просятъ;
Студенты въ риѳмахъ превозносятъ;
Вотъ то ли дѣло, какъ *везетъ*!

* *
*

Везло и мнѣ, какъ былъ моложе!
Я славно сѣялъ, чисто жалъ...
. . . .
. . . .

* *
*

Везло, когда съ подругой милой
Катался въ шлюбкахъ по Невѣ,
Или со всей душевной силой
Влюблялся каждый день въ Москвѣ.
Мечтами сердце восхищалось!
Кого ни встрѣчу—мнѣ казалось,
Что всякой внутренно хорошъ;
Не зналъ, что есть такія души,
Для коихъ на морѣ и сушѣ
Другаго Бога нѣтъ, какъ грошъ!

* *
*

. . . .
. . . .

* *
*

Тогда летѣли мы, летѣли,
Неслись на крыльяхъ счастья въ рай;
А нынѣ все пошли мятели,
На ясны дни неурожай!
Пришлось и мнѣ, сквозь огнь и воду,
Стерпѣть ужасную погоду;

Духъ бурный перья всѣ ошибъ (*);
Со всѣхъ сторонъ бѣды жестоки
Отверзли горькихъ слезъ потоки;
Но Богъ взглянулъ—и я не сгибъ!

* *
*

Ему едину поклоняюсь
Въ душѣ и совѣсти моей;
Его десницей ущедряюсь,
Живу, дышу и движусь ей!
Не гнѣвъ бояръ—гнѣвъ божій страшенъ;
Не судъ людской—Его ужасенъ;
Онъ вьюги вѣетъ—Онъ уйметъ;
Велитъ зарѣ во мглу проникнуть—
Тогда и мнѣ удастся вскрикнуть:
Ура, друзья мои!—*везетъ!*

Въ этомъ же стихотвореніи есть одинъ куплетъ, исполненный юмора. Въ немъ намекаетъ онъ на свою отставку, и на отраду, находимую имъ въ нетребовательной снисходительности семейнаго круга.

Теперь я сталъ мужикъ свободный,
И дѣлать всячину досугъ;
Хотя піитъ не превосходный,
Но все гожусь въ семейный кругъ!
Бумагу цѣлый день мараю,
Перепишу, да прочитаю;
Моя цензура все жуетъ!
Она не смѣетъ бить тревогу—
За тѣмъ, что дома, слава Богу,
Черезвычайно мнѣ везетъ!

Въ числѣ шутливыхъ стихотвореній Князя Долгорукаго есть одно, которое предшествовало, въ сво-

(*) Это напоминаетъ гораціево: «Decisis humilem pennis...» Lib. 2. Epist. 2.

емъ родѣ, нынѣшнимъ изображеніямъ провинціальнаго грубаго быта, съ тою только разницею, что нынѣшнія пишутся въ прозѣ. Это—каррикатура, подъ названіемъ *Семира Болеславна.* Читая ее, любопытно сравнивать тогдашняго закоснѣлаго въ глуши дворянина-неуча съ нынѣшними такого же разбора дворянами. Увидишь большую разницу въ обстановкѣ, въ требованіяхъ вкуса и въ образѣ жизни, хотя въ сущности остается все тоже. Нынѣшніе одѣваются приличнѣе и слѣдуютъ модамъ, даютъ посвоему балы, кутятъ съ большими претензіями на подражаніе столицамъ; нынче двадцатилѣтній дворянинъ, раздобрѣвшій, какъ телецъ, упитанный, отъ ѣды и бездѣлья, не надѣнетъ уже отцовскаго фрака, какъ женихъ Семиры Болеславны, а ходитъ въ пальто; нынче не увидишь уже на дворянской попойкѣ:

Какъ стряпчій удалой въ присядку славно пляшетъ;
А засѣдательша надъ нимъ ширинкой машетъ.

И никто конечно не будетъ такъ откровенно хвалиться ни своимъ стоячимъ болотомъ уѣздной роскоши, ни своимъ разгуломъ и дикою жизнію, мало отличающеюся отъ жизни животныхъ; никто не скажетъ:

Сорокоумники напрасно говорятъ,
Что Питеръ, да Москва одни лишь веселятъ;
Пустое! Въ этомъ нашъ поспоритъ околодокъ!
Во первыхъ, нѣтъ нигдѣ такихъ отмѣнныхъ водокъ;
Къ тому же никакой въ столицѣ господинъ
Не ссилитъ выпить то, что̀ нашъ братъ дворянинъ!

Но тогда хвастались грубою роскошью невѣжества; нынче его красивою прикрышкою: танцуютъ подъ

фортепіано кадрили, пьютъ поддѣльное шампанское и *очищенное*, даже читаютъ романы Дюмà; а перемѣнились однѣ формы; кругъ идей не шире, не глубже и не чище. Однимъ словомъ, стихотвореніе *Семира Болеславна* представляетъ любопытную, хотя и грязную картину дворянина, утонувшаго въ родимомъ захолустьѣ; но не поэтическую картину.

Изъ сравненія представленныхъ мною прежде трехъ стихотвореній съ послѣднимъ, которое я назвалъ каррикатурою, видно, что Князь Долгорукой былъ разнообразенъ въ своей шутливости. Упомяну еще объ одномъ: *Исповѣдъ грѣховодника*, которое тоже основано на ироніи, но приближающейся нѣсколько къ юмору, въ истинномъ значеніи этаго слова. Вотъ оно съ нѣсколькими пропусками:

Охота вамъ любить,
Забывъ себя, другова!
Чтò пользы все тужить
О бѣдствіяхъ чужова?
По мнѣ—пусть ближній мой
Живетъ, какъ Богъ поможетъ;
Чтò рветъ его покой,
Меня то не тревожитъ!

* *
*

Довольно горевать
О собственной кручинѣ
И небу не спускать
Въ отчаянной судьбинѣ;
А впрочемъ, вкругъ меня
Будь моръ, пожаръ, ненастье,
Безъ горя вижу я
Всеобщее несчастье!

* *
*

На дняхъ къ сосѣду въ домъ
Летѣла съ вихремъ туча:
Внезапно грянулъ громъ—
И все развалинъ куча;
А я въ тотъ самый часъ
Въ бесѣдѣ наслаждался,
Отъ двухъ прекрасныхъ глазъ
Любовью вспламенялся!

* *
*

Недавно мертвеца
Подъ окнами моими
Съ земли на небеса
Попы переносили;
А я—игралъ въ бостонъ
И картъ изъ рукъ не кинулъ,
Услышавъ плачь и стонъ,
Лишь столъ поотодвинулъ.

* *
*

Въ лохмотьяхъ нищебродъ
Меня не поражаетъ;
Домашній мой народъ
Его съ двора гоняетъ.
Больной мнѣ незнакомъ;
Съ печальнымъ не съѣзжаюсь;
Безсовѣстнымъ займомъ
Съ богатыми равняюсь!

* *
*

. . . .
. . . .

* *
*

Но вотъ чему, ей-ей!
Никакъ не надивлюся,
И въ томъ столицы всей
На публику пошлюся:
Меня и тамъ и сямъ
Хоть скаредомъ злословятъ;
А праздникъ только дамъ,
То всѣ въ объятья ловятъ!

* *
*

На карточки мои
Отказъ совсѣмъ не въ модѣ;
Чужіе и свои
Летятъ ко мнѣ въ свободѣ,
Мое здоровье пьютъ,
Столъ, домъ, услугу хвалятъ,
Съ приязнью руку жмутъ,
А послѣ—крѣпко жалятъ!

* *
*

Что я имъ всѣмъ постылъ,
Я это точно знаю;
Что мнѣ никто не милъ,
То имъ извѣстно, чаю:
За что жъ такой обмѣнъ
Поступковъ пренегодныхъ?
Ума ли онъ безмѣнъ
Въ сословьѣ благородныхъ?

* *
*

У опыта спросись;
Увидишь очень ясно,
Что какъ ни суетись
Для ближнихъ—все напрасно!
Любви не наживешь,

Довѣренности тоже;
Всю жизнь въ трудахъ убьешь!
На чтò это похоже?

**
*

Коль Богъ, который далъ
Природу, жизнь, вселенну,
За то во мзду приялъ
Лишь смерть уничиженну:
Чего же отъ людей
Ждать долженъ имъ подобной?
Трехгранныхъ ста ножей
И ямы безъ надгробной!

**
*

Нѣтъ, нѣтъ! не положу
Животъ свой за другова;
Я тутъ не нахожу
Веселья никакова!
А лучше всякой день,
Гостей созвавъ араву,
Вкушать приятну лѣнь
И всѣмъ дарить забаву!

**
*

Внемлите, господа!
Здѣсь пуншъ, картежъ и бубны!
Пожалуйте сюда
Хвалить во гласы трубны
Меня, мою мораль;
И послѣ скажемъ вмѣстѣ:
Какой хозяинъ враль!
Какая жь дрянь и гости!

Затрудняясь дать опредѣлительное понятіе о шутливыхъ стихотвореніяхъ Князя Долгорукаго, я счелъ за лучшее представить изъ нихъ выписки. Они такъ оригинальны, по выбору предметовъ и по своему содержанію, что ни до него, ни послѣ него, никто не писалъ въ этомъ родѣ. Въ нихъ отражается та свобода шутливости, которая происходитъ не отъ намѣренія попасть въ какую нибудь цѣль, а отъ естественнаго избытка веселости, отъ увлеченія веселаго нрава. Въ нихъ совсѣмъ не насмѣшка, еще менѣе эпиграмма; а разгулъ веселаго духа, подъ который попадается иногда и черта сатирическая, но по бо́льшей части легкая, не язвительная, которую мы легко прощаемъ, какъ забавную шутку весельчака.

Впрочемъ свобода, не покоряющаяся ничему условному въ поэзіи и никакимъ образцамъ, (а въ его время это почти требовалось отъ искусства), составляетъ общую принадлежность его стихотвореній. Таковъ онъ и въ тѣхъ, которыя я назвалъ философическими, хотя сознаюсь, что это названіе не совсѣмъ точно. Въ нихъ конечно господствуетъ болѣе сила мысли; но весьма ошибочно было бы заключить изъ этаго, что они содержатъ въ себѣ нѣчто подобное тѣмъ нравоучительнымъ одамъ, которыя извѣстны были въ его время, напримѣръ философическимъ одамъ Хераскова, состоящимъ изъ моральныхъ разсужденій. Нѣтъ! въ стихотвореніяхъ Князя Долгорукаго, относимыхъ мною къ философическимъ,—не мораль, не избитыя разсужденія о добродѣтели; а откликъ дѣйствительной жизни, съ житейскимъ добромъ, которое въ ней попадается, и съ человѣческимъ зломъ, которое сторожитъ каждаго на его дорогѣ. Первыя стихотворенія, въ которыхъ онъ показалъ направленіе свое къ философствованію,—это: *Каминъ въ Пензѣ* и *Каминъ въ Москвѣ*, которыя столь-

ко прославили его въ то время. Иныя изъ стихотворенiй этаго рода содержатъ въ себѣ утѣшительную сторону жизни; иныя обнаруживаютъ опасную. Покорность провидѣнiю, довольство немногимъ, сладость семейнаго круга, мирныя чувства дружбы—вотъ предѣлы, начертанные поэтомъ для истиннаго счастiя человѣка. Осторожная недовѣрчивость къ людямъ, холодность ихъ къ чужимъ бѣдствiямъ, эгоизмъ и корыстныя чувства общежитiя—вотъ темная сторона его философiи.

Одежда есть, хлѣбъ-соль готова;
Вина бутылку *Пегри* далъ;
Въ семьѣ не вижу сердца злова,
И крышу вихорь не сорвалъ!
Гроза-ль придетъ—окно закрою,
Сквознаго вѣтра не пущу,
И громъ услышавъ надъ собою,
Какъ робкой звѣрь не трепещу!

* *
*

Кто сей системой вѣкъ свой прожилъ,
Тотъ меньше всякаго тужилъ,
Догадкой бѣдъ своихъ не множилъ,
Забавы всякой день троилъ;
Въ лѣтописяхъ не добивался
Наполнить цѣлый листъ собой
И въ землю тужь, когда скончался,
Подъ царской прахъ—присыпалъ свой!

Таковы мирныя и спокойныя чувства поэта, когда онъ входитъ въ самого себя и ограничиваетъ себя малымъ и близкимъ кругомъ домашняго счастiя. Въ другомъ стихотворенiи: *Размышленiе о смерти*, онъ смотритъ уже не на фортуну частнаго человѣка; а на

жизнь вообще—съ стоическимъ спокойствіемъ духа. Въ строфахъ, приведенныхъ выше, проявляется его частная, такъ сказать, домашняя философія; здѣсь уже болѣе общій, болѣе обширный взглядъ на жизнь, какъ на законъ природы, какъ на безпрерывное измѣненіе, которымъ поддерживается всеобщая жизнь ея, какъ на міровой законъ, сообразно которому созидаются законы человѣческаго общества. Конечно, это болѣе взглядъ философствующаго поэта, нежели сама поэзія; но я прошу моихъ читателей не забывать, что я, говоря о произведеніяхъ Князя Долгорукаго, столько же хочу представить въ нихъ и человѣка, сколько поэта.

Земля, свои храня законы,
Скрываетъ труповъ милліоны,
Межъ тѣмъ, какъ новый родъ растетъ;
И тамъ, гдѣ предковъ гробы тлѣютъ,
Потомки ихъ пшеницу сѣютъ,
Живой на мертвомъ хлѣбъ свой жнетъ.

* *
*

Отецъ владѣлъ и наслаждался;
Родилъ дѣтей, пригрѣлъ, соблюлъ;
Они вспорхнули, онъ скончался,
Свершивши подвигъ свой—уснулъ.
Угодно такъ Творцу правдиву,
Чтобъ всякъ изъ насъ шалашъ свой, ниву,
Другому здѣсь передавалъ;
Чтобъ все изъ бренія раждалось,
Среди теченія кончалось,
И міръ въ себѣ себя мѣнялъ!

Но гдѣ онъ обращается къ міру, къ людямъ, тамъ, въ волненіи души, беретъ онъ иногда желѣзный грифель и глубоко врѣзываетъ имъ черты судьбы, преслѣдую-

щей человѣка!—И надобно замѣтить вообще, что всѣ такія мѣста у него сильнѣе картинъ спокойствія и мирнаго счастія. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя строфы изъ его стихотворенія *Послѣдняя пѣснь моимъ современникамъ*:

Стезей, проложенной ко славѣ,
Нельзя при откровенномъ нравѣ
Достигнуть тихаго конца!
Ужасно вѣкъ свой пробиваться,
Прогнавъ туманъ, въ другомъ теряться,
Чтобъ мечъ найти, гдѣ ждалъ вѣнца!

* *
*

. . . .
. . . .

* *
*

Вотще и совѣсть бы желала,
Своей сіяя чистотой,
Извлечь убійственное жало
И сердцу сладкой дать покой!
Ахъ нѣтъ! и совѣсть неспособна
Противъ ударовъ рока злобна
Вложить въ десницу крѣпкой щитъ:
Она сама хоть насъ не мучитъ,
Но мужеству безъ пользы учитъ,
И сердце все-таки болитъ!

* *
*

Для входа въ рай, въ чертогъ небесный
Спокойна совѣсть—вѣрный путь;
Но въ оболочкѣ сей тѣлесной
Тѣснится ль меньше съ нею грудь?
. . . .

* *
*

Когда въ узилищѣ я стражду
И неповинно цѣпь ношу,
Когда я голоденъ и жажду
И хлѣба по̀-міру прошу—
Хотя нѣтъ совѣсти волненья,
Но меньше ль естества мученья
Безсовѣстнаго я терплю?
Того моральны мучатъ кары,
Меня физически удары;
И онъ не спитъ—и я не сплю!

* *
*

Твердятъ: подушка не вертится
У тѣхъ, чья совѣсть безъ пятна!
Напротивъ, многимъ крѣпко спится,
Хоть *совѣсть въ уголь сожжена*!
Увы! и въ замкахъ превосходныхъ
Для мирныхъ дней, отъ золъ свободныхъ,
Какъ мало совѣсти одной!
Сей даръ небесъ, залогъ столь трудный,
Потщимся чистъ явить въ день судный;
А въ мірѣ съ нимъ—накладъ живой!

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что начитанность священнаго писанія, о чемъ упомянуто мною въ жизнеописаніи Князя Долгорукаго, невольно представляла иногда его памяти изреченія изъ книгъ священныхъ. Такъ и здѣсь употребилъ онъ выраженіе св. Павла, говорящаго о людяхъ, *сожженныхъ въ совѣсти своей*.

Когда тоска превозмогаетъ его силы, онъ изливается въ горькомъ негодованіи; и тогда стрѣлы упрека отдѣляются сами собою отъ его изъязвленнаго сердца. (А оно носило многія язвы!)—Ими, въ отраду угнетеннаго и страдальца, поражаетъ онъ и свой вѣкъ, и холодное отродье людей, которымъ чуждо чужое страданіе:

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали,
Какъ яликъ на морѣ волна;
То выше бѣдъ приподнимали,
То мрачна вдругъ касался дна!
Упалъ, и пресмыкаюсь низко!
Но былъ и я отъ солнца близко!
Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень студено!

* *
*

Напрасно дѣды говорили:
„Что городъ-де, то норовъ свой!"
Не въ наше время видно жили,
И нравъ ихъ былъ совсѣмъ иной!
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровъ
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ;
Богачъ безъ умолку болтаетъ;
А бѣдный, съежившись, молчитъ!

Но душа поэта—это волны, которыя то кипятъ подъ бурею, то текутъ спокойно; то блещутъ, отражая лучи солнца, то покрываются мракомъ подъ нависшею тучею. Поэта не только не должно винить за его переходы отъ негодованія къ оптимизму, какъ нельзя винить зеркало за вѣрное изображеніе предметовъ: напротивъ! Кто бы открылъ и изобразилъ намъ, если бы не поэты, всѣ различные переходы души, въ различные моменты ея существованія?—Такъ Князь Долгорукой въ другія минуты является оптимистомъ:

За что мечтать напрасно нынѣ,
Что наше время—время бѣдъ;
Что нашихъ предковъ лишь судьбинѣ

Присвоенъ былъ ко счастью слѣдъ?
Природа видъ свой измѣняетъ:
Насъ то же солнце освѣщаетъ,
Небесъ насъ кроетъ тотъ же сводъ,
Подъ коимъ дѣды наши жили!
Тому жь Творцу они служили;
Ихъ Богъ есть нашъ: Онъ Богъ щедротъ!

Нѣкоторыя изъ философическихъ стихотвореній Князя Долгорукаго, по своему тону, приближаются къ элегіи. Въ нихъ чувство унынія и недовольство жизнію проникнуты истиною, выраженною по бо̀льшей части просто и оригинально, но не въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыя не оставляютъ по себѣ памятнаго образа. Онъ никогда не выражаетъ индивидуальнаго, собственнаго чувства; напротивъ, чувство, общее человѣку, онъ облекаетъ въ опредѣленные образы. Тоже уныніе выражается въ нѣкоторыхъ одахъ Капниста, о которомъ наши новѣйшіе критики хоть изрѣдка да упоминаютъ, забывая напротивъ Князя Долгорукаго: можетъ быть потому, что Капнистъ гораздо глаже и чище его, по слогу и языку своихъ лирическихъ произведеній, хотя и слабѣе по выразительности. Но какая между ними разница въ силѣ мысли и выраженія и въ оригинальности обоихъ!—Капнистъ, почти безцвѣтный въ своихъ элегическихъ одахъ, бо̀льшею частію *расказываетъ* свою горесть, какъ напримѣръ въ одѣ *На смерть сына*; Князь Долгорукой—никогда! Онъ, если можно такъ выразиться, *чувствуетъ вслухъ*, создаетъ *образы* своего чувства. Онъ, въ своей задумчивости, въ своей собственной грусти, стоитъ передъ вами не отдѣльнымъ лицомъ, а человѣкомъ; такъ что всякой на его мѣстѣ чувствовалъ бы тоже.—И вы сами сочувствуете ему невольно, какъ человѣкъ, подтверждая справедливость извѣстнаго изреченія: homo sum, et nihil humani

a me alienum puto! Читая его жалобу, или ропотъ, вы думаете не о немъ, а о себѣ, и переводите его чувство на собственную свою участь, на участь всякаго сына земли, называющаго себя человѣкомъ.

Вотъ, въ противоположность стихамъ негодованія, нѣкоторыя строфы, содержащія чувство элегическое, хотя и тѣ стихотворенія, и это, взятыя во всей полнотѣ, равно заключаютъ въ себѣ философическое воззрѣніе на людей и на жизнь. Беру эти строфы изъ піэсы *Взглядъ старца на заходящее солнце.*

Новый мѣсяцъ народился.
Робко смотритъ изъ за тучъ;
Частымъ дождичкомъ обмылся...
Вижу тотъ же томный лучь,
Коимъ прежде вдохновенный,
Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И восторгомъ увлеченный
Имъ конца не ожидалъ!

* *
*

Тотъ же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ:
Геній скрылся—не пою!
Слабымъ перстомъ движу лиру;
Звукъ исчезъ—кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру;
Отголоска не слыхать!

* *
*

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу жизнь даетъ,
Пылкой умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льетъ;
Жизнь есть адъ, когда взаимной

Связи нѣтъ у двухъ сердецъ—
Тутъ природы всей противной
Милъ становится конецъ!

***

Чтò въ картинѣ мнѣ прекрасной
Мірозданія всего?
Безъ любви, въ восторгахъ страстной,
Вся вселенна—ничего!
Если должно—но боюся
Нитку дней моихъ продлить—
Провидѣніе! молюся:
Силу дай всегда любить!

***

Нѣтъ! сей даръ не возвращаетъ
Царь природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тьму!
Такъ и я, въ послѣдни годы,
Суетамъ сказавъ: прости!
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути!

Здѣсь господствуетъ чувство; оно облекаетъ своею теплотою мысль о преходящемъ счастіи молодости: это обращеніе на самого себя философствующаго поэта естественно принимаетъ тонъ элегіи. Прошу читателя вспомнить другія прекрасныя строфы изъ того же стихотворенія, которыя я привелъ въ біографіи Князя Долгорукаго (*).

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, въ томъ же родѣ, то есть названныхъ мною философическими, пре-

---

(*) Стран. 159.

имуществуютъ описанія и картины мѣстностей, вообще просто и вѣрно снятыхъ съ натуры; но не онѣ составляютъ предметъ поэта, какъ это вводилось у насъ по примѣру Делиля въ такъ называемой описательной поэзіи: родъ ложный, и логически, какъ часть, принимаемая за цѣлое; и въ отношеніи къ художественности, какъ внѣшность, не облекающая идеи, слѣдовательно какъ холодная форма. У Князя Долгорукаго описанія или возбуждаются воспоминаніемъ чувства и мысли, или ведутъ къ воспоминаніямъ, и вообще слиты съ ними естественно и нераздѣльно. Къ такимъ стихотвореніямъ причисляю я слѣдующія: *Прогулка на Трехъ горахъ*, *Прогулка въ Савинскомъ*, *Прогулка въ Кусковѣ* и *Хижина на Рѣки.*

О *Прогулкѣ въ Кусковѣ* я упомянулъ уже въ біографіи Князя Долгорукаго: это то стихотвореніе, гдѣ онъ, яркими красками, напоминающими Державина, изобразилъ роскошь Графа Шереметева. Въ *Прогулкѣ на Трехъ горахъ* — память о прежней красивости и веселостяхъ этой загородной дачи приводитъ его къ мысли о тлѣнности, о разрушеніи всего, и богатства, и самаго величія, мысли, выраженной имъ съ тою простотою, которая ему только свойственна. Онъ мало обращалъ вниманія на выборъ терминовъ; но это не мѣшало вѣрности его описаній: онъ изображалъ, что̀ видѣлъ и помнилъ:

Въ саду, гдѣ всякой веселился,
Гдѣ воздухъ день и ночь курился
Благоуханьемъ нѣжныхъ розъ,
Гдѣ все дышало восхищеньемъ,
Тамъ зрѣлъ я съ нѣкимъ отвращеньемъ
Пустыни мерзость и навозъ.

* *
*

. . . .

* *
*

Давноль тамъ были маскарады,
Толпились тысячи людей,
Вездѣ игра, вездѣ прохлады,
Ракетки, плошки, тьма затѣй!
Давно ль хозяинъ тароватый,
Вельможу звавъ па пиръ богатый,
Аршинныхъ стерлядей крушилъ?
Давно ль?—И вдругъ мечты пропали!
Всѣ въ преисподнюю низпали:
И тотъ, кто ѣлъ, и кто кормилъ!

* *
*

Давно ль бояра изъ столицы
Туда съѣзжалися смотрѣть,
Какъ въ честь премудрыя Фелицы
Прозрачный будетъ щитъ горѣть?
Давно ль?—И все, какъ сновидѣнье,
Обвороживши наше зрѣнье,
Исчезло послѣ малыхъ лѣтъ:
Столпы балкона повалились,
Цвѣты поблекли, птички скрылись;
Фелица!—И тебя ужъ нѣтъ!

* *
*

При мысли сей я содрогнулся,
Мой быстрый притупился шагъ;
Стѣсненнымъ вздохомъ захлебнулся
И тьму ся представилъ благъ...
. . . .

Прогулка въ Савинскомъ изображаетъ сельской садъ извѣстнаго государственною службою. умомъ, благочестіемъ и филантропіею, Ивана Владиміровича Ло-

пухина, оставившаго столь интересныя записки о своей жизни. Объ этомъ замѣчательномъ садѣ было упомянуто въ Вѣстникѣ Европы 1809 года, именно о находившихся тамъ Юнговомъ островѣ и памятникѣ Фенелона. Кромѣ обширности и мастерскаго, художественнаго расположенія всѣхъ частей этаго сада и красоты различныхъ его видовъ, онъ болѣе всего былъ замѣчателенъ осуществленіемъ философическихъ идей хозяина, дававшихъ въ немъ всему значеніе. Всякаго мыслящаго человѣка наводилъ этотъ садъ на воспоминаніе людей добродѣтельныхъ, или даровитыхъ, благородныхъ дѣятелей, или благодѣтелей человѣчества. Потому-то говоритъ и Князь Долгорукой:

Все тамъ—вѣры возношенье,
Истой мудрости отливъ:
Каждый шагъ есть поученье,
Каждый шагъ—iероглифъ!

Мудрено ли, что эти самыя идеи добра и воспоминанія о представителяхъ ихъ въ человѣчествѣ возбуждены были въ поэтѣ его прогулкою. Здѣсь вспоминаетъ онъ Репнина, Жанъ-Жака Руссо, Сократа, Юнга, Конфуція, Діогена, Ломоносова.—Бюстъ Сократа и тогда уже разрушался отъ дѣйствія времени и суроваго климата. Князь Долгорукой, вѣрный своему юмору, и тутъ не утерпѣлъ, чтобы посреди важныхъ своихъ воспоминаній, не ввернуть шутки о нашемъ климатѣ:

Здѣсь угрюмый озирался
Съ удивленіемъ Сократъ!
Истуканъ его шатался:
Онъ бѣжать хотѣлъ назадъ!
Сколько сѣверъ ни гордится

Поднебесною своей,
Счастливъ тотъ, кому родиться
Тамъ случилось, гдѣ теплѣй!

Какъ въ этой піэсѣ къ предметамъ, возбуждающимъ важные помыслы, примѣшалъ Князь Долгорукой шутку, такъ въ другихъ стихотвореніяхъ того же рода онъ приближается уже къ сатирѣ. Таково одно изъ лучшихъ его произведеній въ томъ же родѣ, подъ названіемъ: *Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ.* Здѣсь вооружается онъ на общественные обычаи, которые замѣнили роскошью и притворствомъ прежнюю простоту нравовъ, прежнее радушіе и гостепріимство; и въ заключеніе изображаетъ рѣзкими чертами эгоиста:

Люблю пріятельску бесѣду,
Гдѣ нѣтъ насмѣшки никакой,
Гдѣ можно за столомъ сосѣду
Сказать словца два—три за свой;
Люблю я тамъ играть, рѣзвиться,
Гдѣ принятъ просто, безъ чиновъ,
Гдѣ не боюсь тѣмъ провиниться,
Что на bon mot я не готовъ!

* * *

Бывало дѣдъ, почтенный въ родѣ,
Когда семейный пиръ даетъ,
По чувствамъ сердца, не по модѣ,
Своихъ гостей къ себѣ зоветъ,
Трапезу ставитъ не богату,
Виномъ заморскимъ не поитъ,
Не штофомъ убираетъ хату —
А всякой веселъ тамъ и сытъ!

* * *

Тамъ нѣтъ вѣстей, переговоровъ,
Надутый баринъ не шипитъ;
Не сѣютъ сплетницы раздоровъ,
Богачъ надъ бѣднымъ не трунитъ!
Прошли тѣ годы, какъ любили
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить!
То дни златаго вѣка были,
Какихъ намъ снова не нажить!

* *
*

. . . .

* *
*

Въ большой великолѣпной залѣ
Посмотришь индѣ—тьма людей!
Всѣ пляшутъ до-поту на балѣ,
А скука ждетъ всѣхъ у дверей!
Приятель друга обнимаетъ,
Его нимало не любя;
Тотъ той же лаской отвѣчаетъ
И шепчетъ: чортъ бы взялъ тебя!

* *
*

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межъ собой;
Ихъ вальсъ приводитъ въ восхищенье,
Мазурка—рай для нихъ земной;
Повсюду слышится всечасно:
Ахъ, какъ мила! ахъ, какъ онъ милъ!
Все въ ней божественно, прекрасно!—
Гудки съ двора—и жаръ простылъ!

Послѣ другихъ картинъ общежитія, вотъ обращеніе поэта къ эгоисту:

Ликуй, холодный себялюбецъ!
Твой праздникъ и пора теперь!
Лежи въ диванѣ, сластолюбецъ,
Одинъ, какъ въ дебри дикой звѣрь!
Тебя никто, никто не любитъ,
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твои дѣла не слава трубитъ,
Но купленный бродягъ языкъ.

* *
*

Когда желѣзный прутъ судьбины,
Который школитъ смертныхъ всѣхъ,
Пробьетъ на лбу твоемъ морщины,
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ!
Вздохнешь, забывъ ума игрушки;
Никто не повторитъ твой вздохъ!
Обнявъ парчевыя подушки,
Тошнѣй меня ты скажешь—охъ!

* *
*

Тошнѣй, чѣмъ я, который въ свѣтѣ
Тропинкой узенькой бреду;
Имѣя малое въ предметѣ,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мнѣ другъ; она мнѣ рада;
Дѣтей у насъ полна изба:
Вотъ въ мірѣ семъ небесъ награда!
Красна простыхъ сердецъ судьба!

* *
*

О другъ мой, мать и вождь природа!
Твои дары милѣй всего!
Здоровье, пища и свобода—
Не надо больше ничего!
Пускай въ златую колесницу

Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясницу
Не гнется, встрѣтивши меня!

* *
*

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искусства—
За то Творца благодарю!
А еслибъ далъ богатства много,
Когда бъ возвысилъ онъ мой рогъ,
Сошедъ убожества съ порога,
Я бъ, можетъ быть, забылъ, гдѣ Богъ!

Лучшее изъ всѣхъ его стихотвореній въ этомъ родѣ есть *Завѣщаніе*, изъ котораго я привелъ нѣкоторыя строфы въ концѣ его жизнеописанія.

Въ формѣ чисто-дидактической являются немногія стихотворенія Князя Долгорукаго въ этомъ родѣ, и они не изъ лучшихъ. Таково его „*Разсужденіе о судьбѣ*, взятой въ смыслѣ французскаго слова fatalité, по латынѣ fatum.“ – Нынѣ такого рода разсужденія въ стихахъ не признаются уже принадлежащими къ области поэзіи. Не входя въ разборъ этаго мнѣнія, скажу только, что въ поэзіи многое зависитъ отъ самой формы поэтической рѣчи, отъ такъ называемой *поэзіи стиха*, и что весьма многія разсужденія въ стихахъ представляютъ истинно поэтическія красоты, какъ въ энергіи мысли, такъ и въ красивыхъ и сильныхъ оборотахъ. У французовъ этотъ родъ былъ очень извѣстенъ, подъ общимъ названіемъ discours. Во время Князя Долгорукаго онъ не только не былъ исключенъ изъ кодекса поэзіи; но былъ въ большомъ уваженіи. Нѣсколько такихъ разсужденій, соединенныхъ общею

идеею, составляли даже особый родъ поэмъ дидактическихъ. Таково у Попа An Essay on man. Таковы поэмы Вольтера: Discours sur l'homme, и другая Poème sur la loi naturelle. Трудно исключить ихъ изъ области поэзіи. Упоминая о нихъ, я однако нисколько не сравниваю ихъ въ поэтическомъ достоинствѣ съ подобными разсужденіями Князя Долгорукаго, которыя вообще довольно слабы, если не по мысли, то по исполненію; но мое дѣло было упомянуть и объ нихъ, чтобы показать поэта со всѣхъ сторонъ, въ его произведеніяхъ.

Какъ въ шутливыхъ стихотвореніяхъ: *Авось*, *Живетъ* и *Везетъ*, изобразилъ онъ нашъ русской доморощеный фатализмъ, надѣющійся, ни съ того, ни съ сего, на удачу, увѣренный въ слѣпой, неразумной силѣ, управляющей успѣхомъ, и довольный пустымъ результатомъ: такъ въ *Разсужденіи о Судьбѣ*, взятой въ смыслѣ фатализма, онъ представилъ другую сторону понятія о счастіи и бѣдствіяхъ человѣка, какъ о необходимомъ слѣдствіи нашихъ дѣйствій и поступковъ, исключающемъ слѣпой случай, или, какъ понятіе о правосудномъ провидѣніи, правящемъ міромъ, на основаніи вѣчныхъ законовъ, по которымъ изъ *причинъ* естественно возникаютъ *послѣдствія*. Его тема заключается въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Судьбы на свѣтѣ нѣтъ!—Все слѣдствіе причинъ;
И счастья своего самъ смертный господинъ!

Такимъ образомъ, сколько это доступно поэту, Князь Долгорукой исчерпалъ философически весь кругъ понятій о томъ, чтò мы называемъ судьбою. Идея о судьбѣ, какъ о слѣпомъ случаѣ, чтò онъ называетъ мечтою, естественно возбудила въ немъ, какъ

понятіе пустое, стихотворенія шутливыя; другая же идея, какъ истинная, какъ мысль о всеобщемъ законѣ, о правдѣ провидѣнія, само собою разумѣется, представилась его уму въ формѣ важнаго размышленія. Я хочу сказать этимъ замѣчаніемъ не то, чтобы онъ намѣренно представилъ, въ полномъ циклѣ стихотвореній, какъ бы философической трактатъ объ этомъ предметѣ; но говорю только, что они, взятыя вмѣстѣ, представляютъ передъ взоромъ критика разныя его стороны, какъ онѣ случайно, и въ разное время, представлялись поэту.

Переходя къ сатирамъ Князя Долгорукаго, я долженъ прежде всего замѣтить, что ни одна изъ нихъ не названа у него сатирою. Бо́льшая часть изъ нихъ имѣютъ форму посланія, или разсужденія; но по содержанію своему—это сатира. Въ нихъ Князь Долгорукой иногда довольно рѣзокъ, и вообще поражаетъ мѣткими чертами. Въ нихъ нѣтъ злости, которая и не должна принадлежать сатирѣ, какъ такое движеніе души, которое никогда не можетъ быть привлекательнымъ, и никогда не возбуждаетъ участія. Въ нихъ или наглядное изображеніе предметовъ и дѣйствій, достойныхъ осмѣянія; или негодованіе, доходящее иногда до сильной степени.

Къ сатирамъ я причисляю слѣдующія стихотворенія Князя Долгорукаго: *Черты свободнаго писателя*, *Торжество совѣсти*, *Пиръ*, *Приказъ швейцару*, *Нѣчто для весельчаковъ* и *Пріятелю*, *шутка за шутку*. Считаю нужнымъ сказать о каждой изъ этихъ піэсъ нѣсколько словъ особо, и представить тоже выписки.

Черты свободнаго писателя направлены противъ лести нѣкоторыхъ тогдашнихъ стихотворцевъ.—Вспомнимъ, что тогда наша ода еще не умолкла, и что вообще похвальные стихи были еще въ употребленіи у

ıхотворцевъ, хотя уже не въ ходу у публики. Са-
ɔa Дмитріева *Чужой толкъ* была направлена прямо
ɔтивъ торжественной оды, и въ самое то время,
:да она была всеобщею заразою нашего стихотвор-
a; но сатира Князя Долгорукаго, написанная въ 1813
[у, лѣтъ тридцать позже, мѣтитъ не на всеобщую
ɔтроенность къ торжественности и бомбасту, а на
шую охоту нѣкоторыхъ стихотворцевъ подносить
хвальные стихи, иногда изъ низости, иногда изъ
ɔысти:

Стихи писать теперь есть промыселъ торговый,
И къ праздничному дню бояра всѣ съ обновой!

гда писали еще стихи и вельможамъ, и покровите-
лъ, и важнымъ родственникамъ, и богачамъ. Около
о времени появлялись стихи не только Графу Н. П.
мянцеву, издававшему на своемъ иждивеніи древнія
мяоты и отправлявшему корабль кругомъ свѣта; но
Позднякову, имѣвшему публичный театръ и давав-
му публичные маскарады. Вотъ что̀ говоритъ Князь
лгорукой вообще о предметѣ сатиры:

Нѣтъ! нѣтъ! не такъ писать піиту принадлѐжитъ.
Хочу, чтобъ онъ былъ твердъ! Пусть правду чисто рѣ-
жетъ!
Чѣмъ можетъ небесамъ признательность явить,
За то, что дали даръ ему стихи творить,
Инымъ, какъ не судомъ строжайшимъ человѣка
Въ дѣяньяхъ своего и времени, и вѣка?
О случаяхъ мірскихъ съ чего намъ разсуждать,
Какъ внуку будетъ дѣдъ свой вѣкъ передавать,
Когда не станутъ намъ—дѣеписатель вѣрный,
Изящныхъ книгъ творецъ—піитъ нелицемѣрный,
Въ прямыхъ чертахъ казать достоинства людей?
Иначе, какъ опознать, кто добръ былъ, кто злодѣй?

Долгъ поэта, по его мнѣнію:

Во славу Божества порокъ уничижать,
Хвалить одно добро, съ нечестіемъ сражаться,
Невѣжество учить, фанатику смѣяться,
И правду предпочтя всѣмъ счастія играмъ,
Безъ трепета ее вѣщать самимъ царямъ!
Чего смотрѣть ему, что цензоръ не похвалитъ?
Тѣмъ истинный талантъ отнюдь онъ не умалитъ,
Когда, принаровясь къ обычаямъ людскимъ,
Печатать не велитъ наборщикамъ своимъ,
Что̀ вѣра, честь рекла, а совѣсть пропустила
И что̀, съ согласья ихъ, душа въ огнѣ чертила!
Восторговъ дань піитъ вездѣ приобрѣтетъ;
А въ родинѣ своей когда жъ пророкъ живетъ?

Торжество совѣсти имѣетъ уже гораздо обширнѣйшій кругъ воззрѣнія. Здѣсь обличаетъ сатирикъ тайну совѣсти и завоевателя, и богача, и корыстолюбца, и лицемѣра, и игрока, и тщеславнаго; и наконецъ изображаетъ счастіе умѣреннаго удѣла. Здѣсь, какъ о ненасытномъ завоевателѣ, говоритъ поэтъ о Наполеонѣ. Тогда бѣдствія наполеоновскихъ войнъ и нападеніе на Россію были еще свѣжи и живы въ народной памяти.

Счастливъ ли тотъ изъ нихъ, въ чаду похвалъ народныхъ,
Владѣя тьмою темъ языковъ разнородныхъ,
Который, возгордясь удачною войной,
Всѣ жатвы усыривъ кровавою росой,
Дымяся предъ людьми *фараонитской славой,*
Изобличается отъ совѣсти лукавой?—
Тихи ль его заря? безтрепетенъ ли сонъ?
Послушайте въ ночи его прискорбный стонъ;
Душа, объятая змѣями вѣроломства,
И неба слыша судъ, и поздняго потомства,

Сквозь грезы сообща страхъ скрежетный уму,
Покоя не даетъ ни крови, ни уму!
Подобнаго царя въ непостижимой долѣ
Давно ли зрѣли мы у галловъ на престолѣ?
Чтобъ дать сигналъ бѣдамъ, народовъ слышать стонъ,
Довлѣло произнесть: „идетъ Наполеонъ!"
Не имъ ли Богъ предрекъ, открывъ геенны бездну,
И небо мѣдяно, и персть земли желѣзну?

Изображеніе богача напоминаетъ нѣсколько одно мѣсто изъ сатиры Буалò: „Quiconque est riche est tout, sans sagesse il est sage"; хотя это совсѣмъ не подражаніе:

Богатый можетъ все, чего бъ ни захотѣлъ;
Изъятія здѣсь нѣтъ; весь міръ его удѣлъ;
Свободнѣе царей: тѣ дóма лишь велики,
Отъ подданныхъ своихъ внимая громки клики,
Не могутъ иногда, по званью своему,
Стремиться въ край чужой, какъ вздумалось кому;
Носящій санъ—слуга; а служба что?—неволя,
И царская ея не избѣгаетъ доля!
Богатый—тотъ одинъ владыка надъ собой;
Онъ золотомъ облитъ, какъ дерево корой;
Чужое—слова нѣтъ такого въ лексиконѣ:
Далъ деньги—все его, и вѣрно все въ законѣ!
Боярамъ ближній другъ, съ монархами за-свой,
Въ Пекинѣ первый гость, въ Стамбулѣ не чужой;
Куда ни загадалъ, летитъ безъ принужденья;
Вездѣ ему пиры, вездѣ увеселенья!
Соскучился въ Москвѣ, не взмилился климатъ—
Онъ въ Римѣ!—Слышу, тамъ кричатъ ему: виватъ!
Въ Парижѣ у него всѣ милостыни просятъ:
Въ Италіи къ нему жъ художества приносятъ.
Богатому Дербентъ и Або за Невой,
Какъ просто говорятъ у насъ: подать рукой!
Все спѣетъ по его малѣйшу произволу:
Приятенъ своему, любезенъ нѣжну полу.

Проснется—цѣлый полкъ служителей готовъ;
Изъ устъ его приказъ—велѣніе боговъ!
Ложится почивать въ сералѣ дѣвъ прекрасныхъ,
И дремлетъ тонкимъ сномъ въ объятьяхъ сладострастныхъ!

Въ числѣ преимуществъ богача очень забавна черта совершенно русская, чего нигдѣ, я думаю, не бываетъ, кромѣ какъ у насъ, потому что у насъ, къ несчастію, продается даже право получить что нибудь за свои деньги; и потому наконецъ, что нигдѣ не требуется такого рода отличія. Богачу, говоритъ поэтъ—

Какая бы игра въ театрѣ ни была,
Всѣ лучшія мѣста дирекція дала!
Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу подвозятъ!

Нельзя не согласиться, что это очень вѣрно! Далѣе говоритъ онъ—

Чего ему искать? О чемъ ему крушиться!
Не наша сухота!—Все съ неба въ домъ валится!
. . . .
Богатый вѣчно правъ, безгрѣшенъ, безъ пятна!
На что ему стяжать моральныя доброты?
Онѣ не векселя: не выложишь на счеты!
А съ деньгами какихъ нельзя пороковъ сбыть,
Достоинствъ наклепать, талантовъ прикупить!
Дуракъ ли кто--премудръ; безграмотенъ — все знаетъ;
Безчестенъ—день и ночь о чести помышляетъ;
Безбожникъ, изувѣръ—всѣ въ городѣ твердятъ,
Что нѣтъ святыхъ мужей, коль первый онъ не святъ;
Обманщикъ, езуитъ—*журналъ однако пишетъ,*
Что легкое его для ближнихъ только дышетъ;
Холодный сибаритъ—давно ли я читалъ,

Что въ пользу бѣдныхъ онъ комедію давалъ!

. . . .

Богатому на что̀ молвою дорожить?
Онъ можетъ, какъ тиранъ всесвѣтный, говорить:
„Я царь и надъ молвой! Облыжна, или права,
Дать славу я могу; себѣ же самъ я слава!"
Послушай богачей, какъ вздумается имъ
Геройствомъ въ правотѣ похвастаться своимъ:
„Я честенъ! Ничего не требую съ народу!"
О подвигъ!—Своего ему мильонъ доходу!

. . . .

„Я чистъ! нельзя сказать, чтобъ ланомъ былъ къ дарамъ!"
Повѣрю!—Всю Москву дарить ты можешь самъ!
О фениксъ въ естествѣ, изнѣженный сынъ неба!
Какъ сытому легко не ѣсть чужаго хлѣба!
Нѣтъ! Нужду, нищету и голодъ испытай;
А послѣ правотой похвастаться дерзай!

Вотъ что̀ говорится далѣе:

Чѣмъ нажилъ, говори, огромное имѣнье?
Сокровище твое—чужое разоренье!
Прекрасный держишь домъ, и нектаръ сладкой пьешь,
Весь городъ всякой разъ на праздники зовешь;
Но взглянь вокругъ себя, на кровы тѣхъ несчастныхъ,
Иль временно тебѣ, или совсѣмъ подвластныхъ,
Которыхъ ты всего имущества лишилъ!
Иное съ молотка за полцѣны купилъ;
Хозяйственно другихъ опекою своею
Заставилъ навязать суму себѣ на шею;
Тамъ, мѣру положивъ неправеднѣйшей мздѣ,
Ты почеркомъ пера все отнялъ на судѣ;
Тутъ нагло торговалъ прекрасною женою;
Здѣсь строилъ, созидалъ, все деньгою чужою!
Блѣднѣй и трепещи!—Я вѣчно при тебѣ!
Приду и обличу—въ какой ни будь судьбѣ!

Это одна изъ сильнѣйшихъ сатиръ Князя Долгорукаго: въ ней есть что-то ювеналовское! — Самый

предметъ вызывалъ силу мысли и стихи, которые врѣзываются въ памяти. Въ этой-то сатирѣ находятся тѣ стихи о Графѣ Шереметевѣ, обидѣвшемъ родныхъ своихъ въ раздѣлѣ имѣнія, о которыхъ я упоминалъ въ жизнеописаніи Князя Долгорукаго (*).

Въ сатирѣ *Пиръ* изображено роскошное угощеніе богача въ подмосковной, и толпа гостей, объѣдающихъ и славящихъ хозяина. Въ предыдущей сатирѣ изображенъ самъ богачъ между другими лицами; здѣсь —гости, окружающіе богатаго хлѣбосола. Это двѣ стороны одной картины.

Такія угощенія были прежде въ Москвѣ въ большомъ употребленіи. Ими Москва славилась. Довольно прочитать *Дневникъ Студента*, (С. П. Жихарева), чтобы составить себѣ понятіе о тогдашнемъ роскошномъ, чудовищномъ хлѣбосольствѣ, которое давало хозяину, часто не имѣющему никакихъ достоинствъ, и почетъ, и славу. Другія времена, другіе нравы! Въ то время, когда писана эта сатира, то-есть, по народному выраженію, послѣ французовъ, правда, этотъ обычай нѣсколько уже вышелъ изъ обыкновенія; однако, по временамъ, бывали еще такіе пиры и такіе охотники до званыхъ даровыхъ обѣдовъ. Но повторяю: оно не было уже въ общихъ нравахъ московскаго общества.

Это сатирическое стихотвореніе вызываетъ на размышленія о сатирѣ вообще. Истинная сатира должна изображать общество, а не лица. Конечно, общество состоитъ изъ лицъ; но въ томъ-то и дѣло, что одни люди имѣютъ недостатки, принадлежащіе имъ лично; другіе выказываютъ собою недостатки, принадлежа-

---

(*) Стран. 85.

щіе цѣлому обществу: они, такъ сказать, представители общественныхъ пороковъ и слабостей, ложныхъ и кривыхъ идей, господствующихъ въ самомъ обществѣ, и дурныхъ обычаевъ всего общественнаго быта. А этотъ бытъ, эти недостатки — весьма важны, какъ сложившіеся вслѣдствіе его исторіи, его воспитанія и ложнаго общественнаго устройства. Они-то подлежатъ порицанію сатиры. Не потому только, что обнаруживать ихъ будто бы полезно въ отношеніи къ нравственности: сатира, какъ и комедія, никого еще не исправила; но потому, что только тогда сатира можетъ заключать въ себѣ поэтическую истину, изображая человѣка въ извѣстномъ кругу общественнаго положенія, и съ извѣстной точки зрѣнія. Въ обществѣ живутъ люди, подчиняющіеся бо́льшею частію общему его потоку, что̀ не препятствуетъ впрочемъ каждому изъ нихъ являться сообразно своему частному характеру; одно не мѣшаетъ другому; частный характеръ въ самомъ этомъ подчиненіи удерживаетъ свою натуру, свои индивидуальныя черты личности, невольно подводя ихъ однако подъ тонъ общаго настроя, съ которымъ болѣе или менѣе сродняется каждый, живущій въ обществѣ. Скажу болѣе: безъ этихъ частныхъ особенностей личныхъ характеровъ картина общества была бы однообразна, безцвѣтна и безразлична; только онѣ и составляютъ ея рельефность; безъ нихъ нельзя бы и живописать общества. Но будучи возможны только подъ условіемъ извѣстнаго общественнаго настроенія, онѣ, придавая разнообразіе этому общему настрою, принадлежатъ болѣе ему и входятъ, какъ части въ цѣлое, въ общую его картину.

Бываютъ однако люди, которые, уклонясь отъ условій общества, обнаруживаютъ въ себѣ отдѣльные странности, привычки, недостатки и пороки: это тѣ,

которыхъ общество называетъ прямо порочными, чудаками, оригиналами, не принимая на себя отвѣтственности въ ихъ недостаткахъ. Они бросаются въ глаза; между тѣмъ какъ о первыхъ общество молчитъ, безмолвно сознавая этимъ молчаніемъ, что они представители его самого. Оригиналы, или гуляки, могутъ быть предметомъ, пожалуй, каррикатуры, но не сатиры. Ювеналъ изображаетъ собраніе римскаго Сената, разсуждающее о томъ, какой соусъ приличнѣе для пойманной, необыкновенной величины, рыбы. Но это исторія. Это было во время тиранства и рабства, во время униженія Сената: этимъ изображается характеръ времени и общества.

Напрасно сказалъ одинъ критикъ, что сатира есть родъ ложный; что сатира можетъ смѣшить, если умна и ловка, но смѣшить, какъ остроумная каррикатура, набросанная на бумагу карандашомъ даровитаго рисовальщика. Нѣтъ! сатира есть изображеніе недостатковъ и пороковъ, а каррикатура изображеніе уродливости; сатира выставляетъ *въ частномъ общее*, а каррикатура *частное, выдающееся изъ общаго*; сатира есть *лицевая сторона* уклонившейся натуры, а каррикатура есть *изнанка*. И потому сатира есть истинная, хотя и дурная, а каррикатура—искаженная сторона предмета, хотя и та и другая могутъ содержать въ себѣ истину художественную, безотносительную истину поэзіи. Довольно сравнить *Чужой толкъ* и *Каррикатуру* Дмитріева.

И такъ сатира должна имѣть въ виду *уклоненіе общее въ проявленіи частномъ*. Объяснюсь примѣромъ, близкимъ къ той сатирѣ Князя Долгорукаго, которая подала мнѣ поводъ къ этимъ размышленіямъ. Еслибы романистъ, или сатирикъ, вздумали напримѣръ пред-

ставить англичанъ, которые, по окончаніи обѣда и по выходѣ дамъ, начинаютъ пить и продолжаютъ сидѣть за бутылками до ночи: это была бы картина общества, а не каррикатура, потому что въ ней изображался бы общій обычай, общая черта быта; автору оставалось бы только заботиться, чтобъ вымышленныя имъ подробности пира не противорѣчили народному духу и народнымъ нравамъ. Но представить у насъ, что на званомъ, свѣтскомъ обѣдѣ всѣ перепились дò-пьяна, это была бы частность, не подлежащая сатирѣ, какъ не заключающая въ себѣ истины, основанной на общихъ нравахъ, хотя бы это и дѣйствительно случилось. Въ самыхъ подробностяхъ есть истина, заключающаяся въ самой себѣ, въ вѣрности, понимаемой поэтомъ инстинктивно; она одна служитъ основаніемъ поэтической вѣры, безотносительно къ той истинѣ, которая понимается однимъ разумомъ, еще менѣе къ той, которая подтверждается фактами. Есть истина историческая, умственная и поэтическая. Истина въ поэзіи не то, чтò произошло дѣйствительно, чтò дѣйствительно было; но чтò могло быть, хотя бы этаго и не было: она оправдывается нравами, вѣрованіемъ народа и вѣрностію идеѣ. Такъ въ Метаморфозахъ Овидія, основанныхъ на вѣрованіи народномъ, и въ преданіяхъ чародѣйства, которымъ народъ и нынче вѣритъ, гораздо болѣе истины, чѣмъ въ нѣкоторыхъ романахъ и комедіяхъ, въ которыхъ авторъ представляетъ небывалые и вымышленные нравы.

Въ этой сатирѣ *Пиръ* авторъ, кажется, не слѣдовалъ вышеизложеннымъ понятіямъ о сатирѣ. Во-первыхъ, онъ изображаетъ званый обѣдъ, состоящій не изъ послѣднихъ слоевъ столичнаго общества, на которомъ гости перепились, перебранились и дошли до драки: положимъ, что это могло случиться; но дѣло

въ томъ, что это не общая черта нравовъ. Вовторыхъ, если не ошибаюсь, авторъ списалъ многія лица съ натуры, то-есть изобразилъ не общество, а портреты оригиналовъ, которые есть вездѣ, но нигдѣ не принадлежатъ къ общей картинѣ нравовъ. По крайней мѣрѣ я имѣю нѣкоторое основаніе быть убѣжденнымъ въ этомъ, зная, что въ началѣ сатиры, знакомый, подговорившій автора ѣхать на этотъ обѣдъ, былъ извѣстный сентиментальный писатель Князь Шаликовъ. Кто зналъ его, тотъ согласится со мною, что это изображеніе дѣйствительно вѣрно:

Лишь сѣлъ, и закричалъ: „Пошелъ! Какъ тихо *ѣдемъ!*
Мы эдакъ никогда до мѣста не *доѣдемъ!*“
—Помилуй пять минутъ лишь только со двора!
„Какое пять минутъ! часа ужь полтора!
Фу! что за пекло здѣсь! нѣтъ мочи! задушился!
Вели спустить хоть верхъ!“—Ты очень запалился!—
„Пожалуй, прикажи!“—Слуга лишь соскочилъ—
„Постой! постой!“—Что тамъ?—„Я тросточку забылъ!“
—Неужто намъ за ней турить домой лакея?
„Добро, ужь такъ и быть! пошелъ, да поскорѣе!“
Отъѣхали сажень.—„Ай, ай! вонъ косогоръ!
Коляска на боку!“—Пустое, братецъ, вздоръ!
Вотъ такъ-то онъ блажилъ; а я все съ нимъ чинился.
Наскучилъ мнѣ сумбуръ, и я за умъ хватился...
. . . .
Да пуще-то всего онъ тѣмъ мнѣ надоѣлъ,
Что сряду двухъ минутъ въ покоѣ не сидѣлъ:
Какъ живчикъ, то и знай, въ коляскѣ онъ вертится!
Вдругъ крикнетъ: „Ну, пошелъ!“—Вдругъ: „дай остановиться!“
Тамъ кочка, сямъ бугоръ! „Ой! вывалятъ тотчасъ!“
Подъѣдемъ ли къ рѣкѣ: „Прощай! уходятъ насъ!“
Я только что спрошу, когда заколобродитъ:
„Да часто ль на тебя такая дрянь находитъ?“
Какъ стали мы къ селу верстъ на пять подъѣзжать,

„Постойте!“ закричалъ.—Когда теперь стоять!
Что тамъ Богъ далъ еще?—„Вотъ въ рощѣ незабудка!
Сорви ее, слуга!“—И полно! что̀ за шутка!
Не слушайтесь его! я людямъ приказалъ,
И кое какъ въ село къ обѣду прискакалъ.

Выписываю здѣсь окончаніе обѣда:

Покушавши, когда немножко толще стали,
Другъ къ другу наклонясь, какъ мухи зажужжали;
Часъ отъ часу потомъ и громче и сильнѣй,
Гость каждый рѣчь свою запѣлъ, какъ соловей!
Иной, схватя пирогъ, въ двѣ щоки утираетъ
И думаетъ, что онъ Морô на штыкъ сажаетъ;
Индѣичье крыло терзая тамъ, другой
Расказываетъ всѣмъ про Макдональдовъ бой;
Надъ жирной ветчиной *уѣздный бушма прѣетъ*
И крайне о долгахъ дворянскихъ сожалѣетъ;
Потягивая пуншъ, беззубыхъ двое тутъ
Грустятъ, что скоро дни послѣдніе придутъ!
. . . .
По рюмкѣ поднесли еще намъ дрей-мадеры.
Кто въ шахи захотѣлъ; кто въ знатны господа;
Кто хочетъ милліонъ рублей имѣть всегда;
Иной стрѣльнулъ въ Мадритъ съ испанцами подраться;
Другой готовъ весь вѣкъ съ сосѣдями тягаться;
Тотъ весь индійской скарбъ въ баулъ свой положилъ,
А этотъ въ свой чуланъ сераль перетащилъ!
Что̀ разумъ, то разсчетъ! что̀ сердце, то желанье!

Это не столько сатира, сколько каррикатура, хотя каррикатура довольно забавная. Для насъ, знавшихъ лично Князя Долгорукаго, она тѣмъ забавнѣе, что напоминаетъ манеру его шутокъ, его балагурство, когда онъ бывало вполнѣ предается своей неистощимой веселости: въ этихъ стихахъ виденъ онъ самъ. Но для читателей, не знавшихъ его лично, эта относительная черта не существуетъ.

О *Приказѣ швейцару*, (нѣкоторый родъ посланія, который тоже можно причислить къ сатирамъ,) я говорилъ въ жизнеописаніи Князя Долгорукаго. Развѣ привести изъ него еще нѣсколько стиховъ о взяткахъ. Впрочемъ въ этомъ предметѣ русскому поэту нельзя быть новымъ и оригинальнымъ. Предметъ избитый, предметъ вѣчный, и также не измѣняющійся, какъ вѣчность; болѣзнь національная и доселѣ ничѣмъ не излечимая, даже и ссылкою на каторгу, не только сатирой. Горько сказать это; но ненавистное взяточничество едва ли даже могло бы доставить черты для поэзіи, если бы не разувѣряла въ этомъ превосходная комедія Капниста. Послѣ нея, кажется, чтò ни будетъ написано о взяткахъ, все будетъ слабо.—Вотъ чтò говоритъ Князь Долгорукой: — „Купцы, говоритъ онъ, —

„Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему наверхъ чай, сахаръ и гроши;
А онъ, приемля даръ тихонько въ кабинетѣ,
Благодаритъ *боговъ:* „не худо жить на свѣтѣ!"
И вправду, вѣдь нельзя того грѣхомъ назвать,
Чтобъ Богу и Царю обоимъ вдругъ солгать!
Присяга встарину считалась важнымъ дѣломъ;
А нынѣ все пустякъ, всѣ люди пишутъ мѣломъ!
Сегодня присягнулъ и крестъ разцѣловалъ;
Назавтра обманулъ, обидѣлъ и укралъ.

Блѣдно, хотя и истина! Но дѣло въ томъ, что никакая сила поэтическаго дарованія, думаю, ни сила самого Ювенала, не сравнится съ этою адскою силою, называемою взяточничествомъ. Надобно пожить въ провинціи, чтобы узнать, какъ она обхватила и держитъ въ своихъ когтяхъ нашу православную Русь: въ столицахъ мы только отчасти знаемъ объ этой силѣ; но не встрѣчаемся съ нею на каждомъ шагу лицомъ къ лицу, и

видимъ ее, такъ сказать, въ перспективѣ. Богъ знаетъ, и встарину считалась ли присяга важнымъ дѣломъ! Да простятъ мнѣ читатели мою выходку; но признаюсь, что не могу говорить равнодушно о взяткахъ! (*)

Нѣчто для весельчаковъ. Эта сатира обращена противъ стѣснительныхъ обычаевъ свѣта, противъ условныхъ законовъ, такъ называемыхъ, приличій общественной жизни. Я сказалъ уже въ жизнеописаніи Князя Долгорукаго, что онъ всегда тяготился ими, хотя имъ и покарялся. Поэтъ, больше всего любившій свою свободу и дозволявшій ее другимъ, возстаетъ здѣсь довольно забавно противъ самыхъ мелочныхъ уставовъ общества, мѣшающихъ каждому жить, какъ онъ хочетъ.

Шагни лишь чуть не такъ, какъ всѣ они хотятъ,
„Не принято!"—Бѣда! тотчасъ и закричатъ!
„Не принято!"—Да кѣмъ?—Господь ихъ, право, знаетъ!
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ!
Будь честенъ, добръ, уменъ; но ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ—прощай! навѣки сталъ чудакъ!
Какъ будто, чтобъ имѣть отраду наслажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья!

Вотъ тема этой сатиры. Далѣе поэтъ развертываетъ свою мысль въ разнообразныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя черты я представлю здѣсь для образца; иначе надобно бы было переписать все стихотвореніе.

(*) Нынѣ царствующій Государь, вводя, болѣе или менѣе, гласныя учрежденія и въ самомъ судопроизводствѣ, можетъ быть, достигнетъ наконецъ и до прекращенія взяточничества, если не при насъ, такъ при нашихъ потомкахъ. Не многіе изъ нашихъ Государей, не исключая Екатерины II и Александра I въ восемь лѣтъ царствованія заслужили столько страницъ въ исторіи.

На балъ ли позовутъ—не ѣзди въ семь часовъ!
Какая старина!—нашъ вѣкъ ужъ не таковъ:
Старайся такъ попасть, чтобъ около полночи
Пріѣхавши, торчать до бѣла дня, сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой, и спи хоть цѣлый годъ!
Хворай, лежи, умри—знакомства не бывало,
Пріѣхать навѣстить не вздумаютъ ни мало!

Изъ этихъ послѣднихъ стиховъ видно, что кромѣ нападковъ на обычаи, эта сатира направлена и противъ людскаго эгоизма, на которомъ, впрочемъ, и основывается бо́льшая часть людскихъ требованій. Слѣдовательно, если проникнуть въ основную мысль поэта, она гораздо глубже, нежели простое порицаніе обычаевъ.

За вздоръ готовы стать врагами человѣки!
Визита не отдай—поссоришься навѣки!
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка, и дѣдъ,
Травою заростетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.
Но смѣй, объ Рождествѣ, иль на Святой недѣлѣ,
Кататься на горахъ, явиться подъ качели,
А къ нимъ не завернуть—хоть не зачѣмъ, да такъ—
Прощенія себѣ не ожидай никакъ!
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство!
За что, скажи, всѣмъ тѣмъ приязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня?
Будь родственникъ мнѣ другъ—его я буду другомъ;
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недосугомъ,
Копейку раздѣлю!—А это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ,
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки
Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы, вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ Первый жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходской попъ грузилъ?
Роднымъ зову того кто, мыслитъ благонравно,

Кто въ счастьи твердый другъ, въ несчастіи подавно;
А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь!

Въ этой сатирѣ встрѣчаются очень забавныя изображенія лицъ того времени. Напримѣръ:

. . . . Душистый автоматъ,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ, какъ букварь, и старъ, какъ этикетъ!

Или:

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ вознесла.
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла:
Искусство—на себя принять добра личину,
И грѣшниковъ щадя, любить грѣхи причину!

Я сказалъ, что къ сатирамъ можно причислить еще одно стихотвореніе, подъ названіемъ: *Пріятелю, шутка за шутку.* Оно писано къ Михайлу Николаевичу Зиновьеву (*), по случаю его женитьбы. Это посланіе, которое, впрочемъ, дѣйствительно не что иное, какъ шутка, направлено не противъ женщинъ, какъ извѣстная сатира Буало̀, а противъ хлопотъ и нѣкоторой неволи женатаго состоянія, въ противоположность свободѣ холостяка.

Этимъ оканчиваю разсмотрѣніе стихотвореній Князя Долгорукаго, въ философическомъ, шутливомъ и сатирическомъ родѣ. Представленныя мною, довольно большія выписки, достаточны, думаю, чтобы показать оригинальность и характеръ его стихотвореній.

(*) Переводчику осьмой сатиры Буало̀: *На человѣка.*

Смотря на нихъ съ нынѣшней точки зрѣнія на литературу, когда въ ней отвергаются всѣ основанія, признанныя прежде, всѣ вспомогательныя науки (и риторика, и піитика, и эстетика) (*), и вносятся требованія строгія, произвольныя и не опредѣляемыя самими критиками; безъ сомнѣнія, многими возбудится еще вопросъ: поэтъ ли Князь Долгорукой и принадлежатъ ли поэзіи его произведенія?—Предубѣжденіе убѣждать трудно. Прежнія понятія о поэзіи и вообще объ искусствѣ имѣли по крайней мѣрѣ положительныя начала: вѣрныя, или нѣтъ, не объ этомъ теперь вопросъ; по крайней мѣрѣ ученіе, имѣющее основаніе, можетъ подлежать правильному суду и разбору. Но гдѣ все отрицается и ничего не полагается въ основу, тамъ остается, или принять догматъ на вѣру, или отказаться отъ правильнаго разбора.

Поэзія, какъ искусство, есть творчество; но творчество имѣетъ свои степени, опредѣляемыя натурою произведенія. Творчество есть плодъ фантазіи; но фантазія тоже имѣетъ различныя области, высшія и низшія. Не знаю, много ли творчества въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ; а онѣ признаются нынѣ за поэзію! Но на временной модѣ и на увлеченіи нельзя основывать идеи объ искусствѣ! —Воображеніе есть конечно низшая степень фантазіи; но принадлежитъ тоже къ ея области. Слѣдовательно, воображеніе — вотъ главный дѣятель въ поэзіи; а та область, въ которой оно дѣйствуетъ, опредѣляетъ только степень высоты поэтическаго дарованія, но не даетъ права отрицать его. Кто

(*) Все это отвергается со времени Бѣлинскаго, который первый началъ нападать на риторику. Это напоминаетъ изреченіе Фонъ-Визина въ Недорослѣ: «Утѣшительно для человѣческаго невѣжества почитать «все то за вздоръ, чего мы не знаемъ.»

будетъ спорить въ томъ, что поэзія, какъ и другія изящныя искусства, требуетъ полноты въ формѣ и совершенства въ исполненіи!—Первое не всегда удавалось Князю Долгорукому; втораго въ немъ не было. Но тотъ же недостатокъ встрѣчается и въ Державинѣ, не искупаемый даже и высотою его духа. Я не сравниваю ихъ; но хочу сказать, что черты поэта видны и сквозь эти важные недостатки, которые впрочемъ принадлежатъ ихъ времени.

Въ началѣ этой статьи я не безъ намѣренія упомянулъ о нашихъ поэтахъ, предшествовавшихъ и современныхъ Князю Долгорукому. Ни одинъ изъ нихъ не отличался художественною полнотою и совершенствомъ отдѣлки. Князь Долгорукой былъ не преобразователь, не двигатель своего времени, а писатель, вполнѣ ему принадлежащій. Хотя языкъ нашъ и былъ еще въ началѣ его поприща очищенъ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, хотя поэтическая форма получила у послѣдняго чистоту и округлость, которыхъ до него не было; но я сказалъ уже, что ровестникамъ переучиваться поздно: преобразователи дѣйствуютъ всегда на младшее поколѣніе. Князь Долгорукой писалъ, какъ писали его современники: оригинальность мысли и свобода въ выраженіи были его собственность; а внѣшняя форма и языкъ были общіе тогдашнему времени.

Вотъ мое общее заключеніе о стихотвореніяхъ Князя Долгорукаго. Нельзя не пожалѣть, что неровность слога, смѣсь силы и слабости, и небрежность стиха много вредятъ имъ. Если бы, по совѣту Горація, который былъ ему извѣстенъ, онъ больше *опиливалъ* свою работу, онъ нашелъ бы въ наше время болѣе читателей. Многіе ли имѣютъ охоту отыскивать хорошія и оригинальныя произведенія между многими посредственными, или сильныя мѣста между слабыми?

Многіе ли простятъ растянутость слога бо́льшей части его произведеній въ уваженіе той мѣткости выраженія, которую представляютъ другія, особенно нынѣ, когда языкъ стихотворный привыкъ угождать читателямъ правильностію, быстротою и блескомъ, когда онъ, пренебрегая идеею, составляетъ у нѣкоторыхъ почти исключительное достоинство стихотвореній! — Это главный недостатокъ стиховъ Князя Долгорукаго, и должно признаться, недостатокъ немаловажный. Но за нимъ остается: глубокое чувство многихъ изъ его произведеній, сила неподдѣльной натуры, шутливость неподдѣльной веселости, и иногда мѣткая язвительность оскорбленнаго сердца; прибавимъ къ этому: своеобразность мысли и выраженія, независимость въ выборѣ предметовъ и стихотворческая смѣлость, не смотрящая на qu'en dira t-on, всегда имѣющая цѣну и тѣмъ болѣе замѣчательная, что въ его время предметы стихотворства имѣли въ себѣ что-то общее, а выраженіе было осторожно, боязливо и подчинено общимъ условіямъ. Онъ, какъ и Державинъ, не смотрѣлъ на это.

Касательно слога, его философическія стихотворенія, шутливыя и другія, писанныя четырестопными стихами, много отличаются отъ его же сатиръ: въ первыхъ онъ несравненно легче. Не отъ того ли это происходитъ, что шестистопный стихъ вообще, по самой своей конструкціи, тяжеловѣснѣе другихъ; а можетъ быть отъ того, что они бо́льшею частію писаны уже въ старости поэта.—Какъ бы то ни было, но онъ менѣе четырехстопнаго удавался Князю Долгорукому: тотъ у него текучѣе, свободнѣе и легче.

Я описалъ въ біографіи Князя Долгорукаго его характеръ, состоявшій въ смѣси серьознаго направленія и веселаго, шутливости и хандры, которыя смѣнялись у него быстро и находили на него порывами; я

показалъ тамъ же, что молодость его была самая веселая и блистательная, а вторая половина его жизни прошла въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и неудачахъ по службѣ. Говоря о его стихотвореніяхъ, я замѣтилъ въ ихъ характерѣ сходство съ характеромъ самого поэта и случаями его жизни, повторивъ неоднократно, что онъ самъ и его жизнь отразились въ его произведеніяхъ, въ которыхъ тоже смѣсь веселости и хандры, шутки и негодованія.—Это очевидно; но несправедливо было бы заключить изъ этаго, что я характеръ поэта безусловно хочу выводить изъ свойствъ человѣка. Неоспоримо, что и то и другое бываетъ въ естественной и необходимой связи, и что поэтъ, болѣе или менѣе, всегда отражаетъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Если бы не такъ, то всякой поэтъ былъ бы равно способенъ ко всѣмъ родамъ поэзіи: чего однако мы не видимъ. Державинъ бездаренъ въ трагедіи; Пушкинъ, прекрасно изобразившій, въ своемъ Борисѣ Годуновѣ, характеры дѣйствующихъ лицъ, оказался въ немъ слабымъ, какъ въ драмѣ. Въ серьозныхъ, высокихъ родахъ поэзіи онъ даже себя и не пробовалъ: онъ не былъ сотворенъ для нея, не имѣлъ высокаго духа, какъ Державинъ; онъ игралъ въ поэзію, хотя игралъ прелестно. Обстановка общества тоже была уже другая, и другія требованія Все это, вмѣстѣ съ индивидуальнымъ характеромъ поэта, обусловливаетъ и характеръ его произведеній. Слѣдовательно, объяснять свойство произведеній одними свойствами поэта, не есть еще твердое основаніе. Свойства даетъ природа; но почему эти свойства могли развиться и отразиться въ произведеніяхъ писателя, а не заглохнуть безъ проявленія?—Здѣсь-то, при этомъ вопросѣ, встрѣчается критикъ лицомъ къ лицу съ обществомъ, современнымъ писателю, и съ обстановкой, его окружавшей.

Державинъ могъ явиться только при Екатеринѣ. Не считаю нужнымъ повторять того, чтò было уже сказано объ этомъ другими критиками. Образованность, даже и высшихъ слоевъ общества, была тогда еще не всеобщею; она граничила, но не сливалась, съ грубостію понятій и образа жизни даже дворянства, не только другихъ классовъ народа. При Александрѣ, крайности смягчились и уравнялись; но не слились. — Этаго мы конечно и теперь еще не видимъ, и едва ли возможно сліяніе понятій между разными классами народа; но просвѣщеніе дѣлаетъ по крайней мѣрѣ возможнымъ переходъ ихъ и облегчаетъ восприемлемость. Нынѣ этотъ переходъ понятій сдѣлался уже доступнѣе. Тогдашнихъ писателей никакъ нельзя сравнивать безусловно съ позднѣйшими. Талантъ талантомъ: его даетъ природа; но въ природный талантъ писателя много вносится развитіемъ общества. Общество подѣйствовало на Князя Долгорукаго уже инымъ образомъ, не такъ, какъ на писателей, принадлежавшихъ совершенно къ вѣку Екатерины; однако онъ былъ изъ людей того же времени: при ея кончинѣ ему было уже слишкомъ тридцать лѣтъ; сгибъ времени могъ уже достаточно утвердиться. Чтò теперь почитается избитою истиною, тогда еще обращало на себя вниманіе, какъ идея. Чтò теперь давно разобрано и опредѣлено, тогда было еще предметомъ мысли, темою философіи для писателя. Разсужденія Фенелона, въ его Телемакѣ, и Хераскова въ его Кадмѣ и Гармоніи—не почитались лишними, а принимались, какъ уроки мудрости. Напрасно смѣются нынѣ надъ ними, какъ надъ пошлыми наставленіями: тогда они были именно тѣмъ, за чтò ихъ принимали. Кто теперь станетъ писать стихи противъ роскоши и эгоизма, противъ гордости богача и надменности вельможи, противъ слѣпаго счастія и

лживости приятельскихъ увѣреній?—Все это такъ извѣстно, такъ старо̀!—Теперь не только такого рода житейскія истины всѣмъ извѣстны; но и общія идеи, болѣе высшаго разряда, такъ сказать, разлиты въ воздухѣ и составляютъ атмосферу образованности. Этимъ мы обязаны, безъ сомнѣнія, ближайшему и болѣе раціональному знакомству нашему съ Европою. Тогда мы получали отъ нея житейскіе обычаи и матеріальныя новизны. Проскакивалъ, правда, въ концѣ прошедшаго столѣтія, и образъ мыслей; но идеи не доходили. Переводились книги, и историческія, и политическія, и юридическія: были переведены и Монтескьё, и Беккарія, и другіе; но они читались не обществомъ, а немногими избранными и спеціалистами. Идеи не были еще, какъ нынѣ, потребностію въ образованномъ обществѣ. Правда, отъ того, что нынѣ ничего нѣтъ въ ихъ области непочатаго, нѣтъ ничего и новаго: новымъ можетъ быть только ихъ развитіе и приложеніе. Но за то многое разъяснено и поставлено на свое мѣсто; и потому писатель и поэтъ, вступая въ сферу идей общественныхъ, находится, такъ сказать, болѣе прежняго въ сферѣ общей гармоніи. Теперь не можетъ быть скачковъ изъ одного круга въ другой. Какъ ни различны круги людскаго общества; но ихъ границы не суть не переходимы. Тогда столица и провинція, дворъ и общество были совершенно различные міры. Отъ того, въ то время, поэтъ, изображавшій высшія идеи, былъ почти на Олимпѣ; а поэтъ, допускавшій житейское и шутку, необходимо впадалъ въ тривіальность. Это мы видимъ отчасти и въ Державинѣ, и въ „Душенькѣ“ Богдановича.—Нынче талантъ истинный можетъ избѣгать крайностей. Шутка Пушкина и его картины провинціальныхъ обычаевъ, напримѣръ въ Онѣгинѣ, вѣрны, забавны, но не грязны. Есть исклю-

ченія и нынѣ, особенно въ послѣднее время нашей литературы; но лучшее, образованное общество ихъ не читаетъ. Если Князь Долгорукой изображаетъ иногда моральныя истины, давно извѣстныя: это принадлежность его времени; дѣло только въ томъ, какъ онъ ихъ изображаетъ. Возьмите оды Томаса *На Время* и *О Должностяхъ общества*, переведенныя Нелединскимъ; возьмите оду Хераскова *О Клеветѣ* и другія; вездѣ одни моральныя размышленія, прикрашенныя болѣе или менѣе языкомъ поэзіи, то-есть, одною внѣшнею формою рѣчи. Но у Князя Долгорукаго уже не одни моральныя размышленія, высказанныя въ стихахъ. Возьмите его стихотворенія: *Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ; Послѣдняя пѣснь моимъ современникамъ*; *Взглядъ старца на заходящее солнце*: у него мысль облечена уже въ теплоту чувства, или возвышена чертами сатиры; она проявляется уже въ образахъ. Въ этихъ качествахъ и поэтическихъ пріемахъ онъ сходится съ Державинымъ. Это уже не голая мораль Хераскова.—Если онъ въ шутливыхъ своихъ стихотвореніяхъ нерѣдко бываетъ тривіаленъ: въ этомъ должно винить неразвитость его времени, и ту діаметральную противоположность круговъ, о которой я упомянулъ выше. Какъ скоро поэтъ спускался изъ свѣтскаго, образованнаго круга въ область столь свойственной нашему народу шутливости, самъ языкъ долженъ былъ неизмѣримо измѣняться.—Въ такомъ народѣ, гдѣ общество мало участвовало въ образованіи языка; гдѣ оно мало говорило, то-есть, мало мѣнялось мыслями, и гдѣ о многомъ еще совсѣмъ не говорено; гдѣ народъ и образованное общество живутъ различными стихіями: тамъ шутка всегда груба и не можетъ быть облечена въ приличіе и тонкость выраженія. Для шутки, въ высшемъ обществѣ, былъ тогда французской каламбуръ, но не было

легкихъ и мѣрныхъ русскихъ выраженій: Князь Долгорукой искалъ выраженій для своей шутливости, поневолѣ, въ низшемъ слоѣ общества. Дмитріевъ, въ своихъ сказкахъ и въ своей сатирѣ, первый облагородилъ у насъ шутку. Князю Долгорукому, повторяю, поздно было переучиваться. Кромѣ того, онъ былъ не изъ числа подражателей: онъ былъ совершенно самобытенъ. Можетъ быть даже, болѣе полировки въ выраженіи много повредило бы его оригинальности.

Самая наклонность его къ шутливой веселости, независимо отъ его личнаго характера, тоже много объясняется его временемъ. Я описалъ веселость и безпечность тогдашняго общества. Приглашаю прочитать объ этомъ еще въ „Дневникѣ студента", С. П. Жихарева. При легко-удовлетворяемой жизни, въ нее не такъ глубоко всматривались тогдашніе люди. Она мало представляла затрудненій, еще менѣе вопросовъ, и потому они легко развлекались; а неудачи, по той же причинѣ, чувствовались сильнѣе и живѣе. Отъ этаго сатира не останавливалась на полудорогѣ, а шутка, при врожденной наклонности къ ней человѣка, не удерживалась никакой задней мыслію, никакимъ облакомъ, предвѣстникомъ дурной погоды. Дни ихъ были слишкомъ ясны; погода установилась; нечего было опасаться никакой ея перемѣны.

Свѣтское общество, довольное немногимъ количествомъ просвѣщенныхъ понятій; довольное собою и жизнію, говорящее на чужомъ языкѣ, и легкомысленно порхавшее отъ забавы къ забавѣ, не могло требовать отъ поэта важныхъ откровеній духа, еще менѣе могло внушать ему важные помыслы. Съ одной стороны его легкомысліе; съ другой – недалекость горизонта понятій и непросвѣщеніе другаго круга, напримѣръ, дворянства провинціальнаго: все это окружало поэта жиз-

нію, въ которой трудно было его природному таланту развиться до художества, ни въ полнотѣ духа, ни въ красотѣ формы, ни въ отчетливости языка стихотворнаго. Вліяніе всѣхъ этихъ причинъ, всѣхъ этихъ разнородныхъ и неопредѣленныхъ началъ, всей этой недозрѣлости, видно и на стихотвореніяхъ Князя Долгорукаго.—Языкъ, не утвердившійся въ своихъ формахъ, отражается въ языкѣ его произведеній, вмѣстѣ съ собственной его нерадивостію о стилѣ, о чемъ будетъ сказано послѣ.

Если Дмитріевъ первый изъ нашихъ поэтовъ является художникомъ, то это было по счастливому инстинкту; идеи художественности, какъ истинной науки поэзіи, не было еще въ нашемъ стихотворствѣ.—Первый, начавшій сознавать ее, какъ идею, былъ Жуковской; и это было уже поздно, въ срединѣ царствованія Александра. Князь Долгорукой и другіе его современники знали Батё, читали Мармонтеля и Лагарпа, Сабатье и Клемана; но и не подозрѣвали, что въ поэзіи заключается внутренняя идея, и что она должна быть въ необходимой связи, въ полномъ сліяніи съ формой. Слово *стихотворецъ* было даже синонимомъ слову *поэтъ*. Отъ этаго происходило, что всякой стихотворецъ, и геніальный, какъ Державинъ, и талантливый, и бездарный, слѣдовали просто, или природному дарованію, или минутному увлеченію, безъ всякаго отношенія къ сущности требованій своего искусства. Вся разница въ ихъ искусствѣ состояла въ томъ, что одинъ обработывалъ и вычищалъ свои произведенія; другой не заботился объ этомъ; а третій и не могъ ихъ усовершенствовать.

Таковъ является въ своихъ стихахъ и Князь Долгорукой. Онъ, кажется, принадлежалъ къ тѣмъ, которые не считали нужнымъ заботиться о дальнѣйшемъ

усовершенствованіи написаннаго, ввѣряясь безусловно своему природному дарованію, каково бы оно ни было, и не почитая нужнымъ пропускать его сквозь машину, для послѣдней отдѣлки: что̀ конечно много вредитъ его произведеніямъ. Онъ менѣе другихъ подчинялся и формальности тогдашняго кодекса поэзіи; почему и трудно подвести его стихотворенія подъ извѣстные и признанные тогда законными роды поэзіи. Это въ немъ сторона хорошая; потому что это подчиненіе много повредило бы его оригинальности. Но при его живости и перемѣнчивости характера, при его впечатлительности и быстромъ охлажденіи, безъ руководства основной идеи искусства, очень понятна разнородность его направленій и неровность въ достоинствѣ его произведеній. Между прекрасными или сильными строфами встрѣчаются такія слабыя мѣста, и по мысли, и по выраженію, что у него, также. какъ у Державина, рѣдко найдешь вполнѣ доверщенное стихотвореніе. Слабыхъ пiэсъ и слабыхъ отдѣльныхъ мѣстъ—даже болѣе, чѣмъ сильныхъ.

Языкъ его правиленъ, но недовольно точенъ; а слогъ вообще не ровенъ и не отличается отчетливостію и чистотою. Встрѣчаются даже неправильности въ стопосложеніи, небрежность въ соблюденіи ударенiй, которой не допускали не только въ его время, но и прежде. Напримѣръ: „*Ме́ня* любятъ;“ „*Они* совѣсти не мучатъ;“ „*Стрѣла* горести летитъ;“ „Какъ тотъ жалокъ *ко́му* скучно.“—Въ эпитетахъ онъ невсегда былъ вѣренъ; а въ выраженіяхъ невсегда точенъ и разборчивъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *Ропотъ на дорогу*:

Дороги нѣтъ; мосты *поганы*;
Въ избахъ *и вонь, и тараканы;*
Путемъ нельзя ни стать ни сѣсть;

Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться,
Не сыщешь булки мягкой съѣсть.

Вотъ главнѣйшіе его недостатки, между которыми нерѣдко, къ сожалѣнію, встрѣчается недостатокъ вкуса. Натуры у него всегда много; но вопреки нашей натуральной школѣ, нельзя при этомъ не повторить замѣчанія, что натура не искусство, и наоборотъ.

Спросятъ послѣ этаго: въ чемъ же состоитъ достоинство произведеній Князя Долгорукаго?—Я отчасти показалъ ихъ выше; но не отказываюсь отъ объясненія. Я отвѣчаю: вы читали отрывки, приведенные мною изъ его стихотвореній. Нашли ли вы въ нихъ силу недюжинной мысли и мѣткость выраженій? Задумывались ли вы съ нимъ, перенося его собственныя, личныя чувствованія на судьбу человѣка? Видѣли ли яркія черты человѣческихъ недостатковъ и суеты общественной жизни? Раздѣляли ли съ поэтомъ его беззаботную веселость? Смѣялись ли отъ души, иногда простодушнымъ, иногда язвительнымъ его шуткамъ? Наконецъ раздѣляли ли съ нимъ негодованіе уязвленной души его? – Если такъ, то дарованіе поэта оправдано безъ моей защиты, и безъ моего указанія на его достоинство!

Не ищите въ немъ искусственныхъ звуковъ и красивой внѣшности; а ищите самой вещи: ищите свободнаго выраженія *шутливости*, непритворнаго выраженія *мысли*, сильнаго выраженія *негодованія*, и вѣрнаго человѣческаго *чувства*, безъ всякой маски, безъ всякой задней мысли. Вотъ въ чемъ его достоинство. Прежде всего онъ былъ въ своихъ произведеніяхъ *человѣкъ*, который сказалъ о себѣ: „Натура жизнь дала, а страсти воспитали;“ а потомъ уже *поэтъ*, предавав-

шійся безусловно своей натурѣ. Хотя я и сказалъ, что натура не искусство; но искусство находитъ поэзію въ ней же. Поэтъ-художникъ постигаетъ въ ней единство идеи и формы, ускользающее отъ другихъ; поэтъ нехудожникъ пользуется ею же, но грѣшитъ противъ высшей степени искусства, тѣмъ, что беретъ изъ цѣлаго части и невсегда сливаетъ въ одно идею съ формою. Но и эти части, не сливающіяся въ цѣлую и полную гармонію, не мѣшаютъ однако вырываться наружу яркимъ проблескамъ души, обладающей природнымъ дарованіемъ. Къ такимъ поэтамъ принадлежитъ и Князь Долгорукой, и *названіе поэта не можетъ быть у него оспорено.*

Изящная внѣшность необходима въ искусствѣ, какъ необходимое условіе совершенства. Но нельзя не замѣтить, что въ наше время слишкомъ много даютъ у насъ преимущества наружному блеску стиха, прощая за него скудость и даже пустоту содержанія, и слишкомъ мало дорожатъ сущностію идей поэта. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что корифеи поэзіи, которыхъ нынѣ условились признавать единственными непогрѣшительными образцами, и съ которыхъ началось новое развитіе нашей поэзіи, или, правильнѣе сказать, новое поколѣніе нашихъ стихотворцевъ, были сами скудны идеею, и прикрывая эту скудость гладкостію стиха и блескомъ выраженія, открыли легкой путь очаровывать невзыскательныхъ читателей. Пушкинъ конечно былъ богатъ содержаніемъ; но онъ такъ обольщалъ легкостію языка и красотою выраженія, что для многихъ послѣдующихъ, даже даровитыхъ стихотворцевъ эти два качества заслонили, такъ сказать, внутреннюю красоту художника. Послѣдователи его замѣтили у него одну наружную легкую форму, и почти одну ее перенесли въ свои произведенія Му-

дрено ли послѣ этаго, что нынѣ отвергаютъ безъ суда многихъ прежнихъ поэтовъ, потому только, что они имѣли несчастіе родиться послѣ Пушкина; что они были, какъ и нынѣшніе писатели, людьми своего времени. Такъ осмѣиваетъ нынѣшній *денди* прежнихъ *франтовъ*, или старомодные наряды своихъ прадѣдовъ, забывая, что и они нравились въ свое время, что и подъ парикомъ были головы, и подъ вышитыми камзолами билось сердце. Но въ поэзіи, какъ въ искусствѣ, не должно быть моды. И къ чему мы изучаемъ исторію литературы, если не обращаемъ вниманія на отношеніе писателей къ ихъ времени? Искусство конечно должно имѣть законы независимые отъ времени, вѣчные; но для насъ сама вѣчность является здѣсь во времени. Всякому отдавать ему принадлежащее, suum cuique, есть законъ самой правды: ему подлежатъ и писатели.

Князь Долгорукой никакъ не можетъ назваться образцовымъ писателемъ. Но онъ одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые никому не подражаютъ, и которые сами никогда не могутъ имѣть подражателей, потому что подражательность можетъ занять только форму, а не можетъ усвоить духа. Форма его не оригинальна и не блестяща; а духъ есть врожденный даръ природы, не передающійся другому. Однимъ словомъ: оригинальность не подлежитъ подражанію; а наружнаго блеска, который перенимаютъ подражатели, у него не было. Онъ, между поэтами, стоитъ одинокъ, безъ образцовъ и безъ подражателей.

Князь Долгорукой дѣйствительно стоялъ одинокъ между тогдашними авторами: онъ не былъ въ связи съ ними; не былъ въ сношеніяхъ литературныхъ, не принадлежалъ къ ихъ кругу. Вѣроятно, онъ никогда не слыхалъ дружеской изустной критики своихъ со-

чиненій, которая такъ строга и чистосердечна между молодыми авторами. Кромѣ Ив. Ив. Дмитріева, съ которымъ сблизила его на короткое время гвардейская служба, онъ не былъ коротко знакомъ ни съ однимъ изъ современныхъ ему писателей. (*) Въ Справочномъ энциклопедическомъ словарѣ сказано, что во время своей службы въ гвардіи, онъ былъ друженъ съ Державинымъ. Это совершенно несправедливо: довольно снести года и мѣста службы и того и другаго, чтобы увидѣть, какъ это показано невѣрно. Во время гвардейской службы Князя Долгорукаго (съ 1782 по 1791 годъ) Державинъ, послѣ краткой отставки, былъ олонецкимъ и тамбовскимъ губернаторомъ, и жилъ не въ Петербургѣ. Князь Долгорукой узналъ его гораздо позже, и никогда не былъ съ нимъ въ близкихъ, тѣмъ менѣе въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ зналъ Хераскова въ своей юности, зналъ Карамзина и другихъ; но ни съ кѣмъ не былъ короткимъ и близкимъ, не примыкалъ ни къ кому изъ авторовъ, ни отъ кого не слыхалъ совѣтовъ, и ни отъ кого ничего не заимствовалъ. Не отъ того ли, между прочимъ, такъ необработаны его сочиненія, такъ не выработанъ его слогъ?—Но за то, не отъ этаго ли они такъ оригинальны, такъ непохожи ни на чьи другія? — Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, всѣ они, особливо двое послѣдніе, составляли, сказать по нынѣшнему, каждый свою школу, и эти три школы захватывали собою все поле тогдашней литературы. Князь Долгорукой одинъ отдѣлялся отъ всѣхъ, и самъ не имѣлъ послѣдователей. Правда, не такова была степень его таланта и не такова была красивость языка, чтобы онъ могъ имѣть

(*) Къ Дмитріеву написано Княземъ Долгорукимъ посланіе, подъ названіемъ: «Къ сослуживцу.»

подражателей; но правда и то, что мудрено схватить типъ его самородной оригинальности. Державину подражать было можно; конечно, не въ высотѣ его духа, не въ богатствѣ воображенія, но хотя въ наружномъ блескѣ и въ нѣкоторыхъ мастерскихъ приемахъ. У Долгорукаго же наружная форма мало имѣетъ значенія, еще менѣе блеска: она проста и непривлекательна; языкъ рѣдко бываетъ силенъ и вообще не изященъ; а индивидуальнаго чувства, природной шутливости, горькаго негодованія, и наконецъ юмора (соединенія наивной веселости и грусти) заимствовать нельзя.

Полнота обозрѣнія требовала бы, чтобы я оцѣнилъ и драматическія сочиненія Князя Долгорукаго; но они, не представляя ничего оригинальнаго и изящнаго, почти не подлежатъ критикѣ. Они вполнѣ подтверждаютъ ту истину, что одни только геніальные писатели опереживаютъ свое время; а всѣ другіе, хотя бы и имѣли дарованіе, невольно ему подчиняются. Въ твореніяхъ драматическихъ эта истина всего очевиднѣе. Всѣ, *напечатанныя*, драматическія произведенія Князя Долгорукаго, хотя нѣкоторыя писаны уже въ позднѣйшее время, когда комедія наша сдѣлалась живѣе и развязнѣе и заговорила языкомъ употребительнымъ, всѣ они, и по изобрѣтенію, и по тону, и по языку, принадлежатъ къ той старинѣ, къ той категоріи театральныхъ сочиненій, которыми наполнены и переполнены сорокъ три тома *Россійскаго Өеатра*.

Лучшая изъ его комедій — *Дурыломъ, или выборъ въ старшины,* о которой я упоминалъ въ жизнеописаніи автора. Она забавна; но не столько по комизму дѣйствія, сколько по каррикатурнымъ лицамъ. Я говорилъ уже, что въ ней главное дѣйствующее лицо и нѣкоторыя второстепенныя лица списаны съ

подлинниковъ. Но списокъ съ лица не есть снимокъ съ натуры. Этаго многіе изъ нашихъ комиковъ и романистовъ не понимали. Отдѣльное лицо, не принадлежащее къ роду и составляющее только исключительный видъ, никогда не можетъ быть предметомъ комедіи. Какъ общій недостатокъ не можетъ быть ея предметомъ, если не представляется въ чертахъ частныхъ, такъ и частныя черты не подлежатъ комедіи, если онѣ не входятъ въ общій родъ смѣшнаго, заключающагося въ подобныхъ недостаткахъ. *Дурыломъ* —провинціальный честолюбецъ. Все честолюбіе его заключается въ томъ, чтобы быть старшиною губернскаго клуба, угощать на славу, властвовать надъ кухней и экономомъ, распоряжаться пирами и быть первымъ и необходимымъ лицомъ въ городѣ по этой части. Кто не согласится, что такого рода честолюбіе дѣйствительно можетъ овладѣть человѣкомъ! — Но это такая эксцентрическая специальность, которая не принадлежитъ къ общему характеру честолюбія, хотя бы и въ провинціальномъ бытѣ, а представляетъ собою просто каррикатуру, просто выродокъ общаго характера. Отъ этаго Дурыломъ, хотя и смѣшонъ, но возбуждаетъ какое-то чувство, близкое къ презрѣнію. Простакова, у Фонъ-Визина, конечно, существо вполнѣ презрѣнное, но кругъ ея дѣйствія обширнѣе: оно простирается на семейство, на подвластныхъ ей людей. И потому чувство отвращенія къ ней не вполнѣ и не исключительно овладѣваетъ зрителемъ; оно переносится на интересъ важнѣйшій, проистекающій изъ ея злоупотребленія власти, на человѣческое участіе въ человѣкѣ. Тоже должно сказать и о *Ябедѣ* Капниста: отвратительное зрѣлище презрѣнныхъ взяточниковъ утопаетъ, такъ сказать, въ благородномъ чувствѣ человѣческаго требованія правоты и ненависти къ не-

правдѣ. Въ *Бригадирѣ* Фонъ-Визина изображеніе глупости, невѣжества и разврата представляетъ въ данный моментъ цѣлую картину провинціальнаго общества: это тоже интересъ не частный, не ограничивающійся лицомъ отдѣльнымъ. Въ „Горѣ отъ Ума“ важенъ не характеръ Фамусова, а то, что въ это время Фамусовы были, въ московскомъ обществѣ, возможны. То есть: вездѣ истинный комизмъ заключается въ истинѣ изображаемаго времени и быта, отъ чего зависитъ и истина лица. Загоскина я часто упрекалъ, что онъ выдумываетъ нравы, да надъ ними и смѣется. Это не тотъ комизмъ, который переживаетъ поколѣнія, и смѣшивши современниковъ, смѣшитъ и потомство. Въ Дурыломѣ тоже представлена странность частная, которая нисколько не соприкасается ни съ какимъ общимъ характеромъ, и ни съ какимъ общимъ человѣческимъ интересомъ. Онъ смѣшонъ, какъ каррикатура, и заслуживаетъ, какъ лицо, только презрѣнія. Между тѣмъ въ немъ есть смѣшныя сцены и забавные стихи. Напримѣръ монологъ, которымъ начинается комедія:

О стѣны, въ коихъ я чрезъ разныя явленья
Всю публику держу лѣтъ тридцать въ изумленьи!
Ужели съ вами рокъ разстаться мнѣ велитъ
И купчую на васъ палата совершитъ!

Или:

Имѣя на Дону помѣстья за собой,
На Каму привлеченъ печаянной судьбой,
И новую найдя здѣсь родину, издѣтства
Учился лишь одной наукѣ—раболѣпства!

Или обращеніе Дурылома къ своимъ дочерямъ:

Откуда, кто и какъ, я не пойму, ей-ей!
Со всѣхъ базаровъ къ вамъ снесетъ такихъ вѣстей?

Воспитываю васъ, всѣ знаютъ, превосходно;
Учу и поступать и мыслить благородно;
А кончится всегда, какъ осмотрюсь—увы!
Гдѣ сплетня?—У меня!—Кто въ сплетнѣ?—Я да вы!

Забавенъ и заключительный стихъ комедіи:

Есть правда на землѣ, когда я старшина!

Что касается до разговорнаго языка, то изъ этихъ короткихъ примѣровъ видно, какъ онъ отзывается стариною. Даже языкъ Княжнина новѣе и лучше; а стихи его гораздо превосходнѣе. Если бы Дурыломъ явился въ осьмидесятыхъ или девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ непремѣнно попалъ бы на сцену, и можетъ быть удержался бы не малое время въ репертуарѣ: вотъ все, что̀ можно сказать въ его пользу.

Другія драматическія піэсы Князя Долгорукаго: комедія *Отчаяніе безъ печали*, и опера *Любовное волшебство*, не заслуживаютъ разбора.

Но гораздо лучше ненапечатанныя его драматическія пословицы; а именно: 1) *Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ ума ввѣкъ не сойдешь*. 1820 года. — 2) *Чему быть, тому не миновать*. Написана 1820 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ.—3) *Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ*. Играна 1820 года Іюля 28 дня. 4) *Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день*. Играна 1820, Августа 11 дня.—5) *У семи нянекъ дитя безъ глазу*. Играна 1820 года Августа 11 дня.—6) *Грибъ съѣли*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. 1820 года.

Не имѣя этихъ піэсъ подъ руками, я помню содержаніе только одной: *У семи нянекъ дитя безъ глазу*, которая была извѣстна между нами подъ названіемъ: *Представители*. Она очень жива и забавна.

Какой-то Графъ, богатый помѣщикъ, погруженный въ идею о представительномъ образѣ правленія,

(о которомъ такъ много толковали въ то время, когда написана эта комедія,) заводитъ представителей у себя въ деревнѣ. Къ нему пріѣзжаетъ его пріятель, давно съ нимъ не видавшійся. Хозяинъ раскавываетъ гостю о новомъ устройствѣ правленія въ своемъ помѣстьѣ, объ устройствѣ, въ которомъ всякой имѣетъ въ завѣдываніи свою отдѣльную часть; а въ случаѣ общаго дѣла собираются въ общій совѣтъ, и рѣшать всѣ совокупно. „Однимъ словомъ,“ говоритъ онъ, „у меня идетъ теперь все такъ стройно, что мнѣ почти нечего дѣлать въ имѣніи.“ Въ эту самую минуту вбѣгаетъ староста съ извѣстіемъ о пожарѣ, и въ ужасномъ испугѣ.—„Не тревожься!“ говоритъ ему важно и спокойно владѣтель: „это все не что иное, какъ простое дѣйствіе стихій; ты отъ того въ такой тревогѣ, что не учился физикѣ: это все слѣдствіе невѣжества!—Вели сейчасъ собрать представителей!“—Открывается на сценѣ засѣданіе членовъ; призываютъ и старосту.—Машинистъ нѣмецъ, Герръ фонъ Гиль, у котораго въ распоряженіи пожарныя трубы, спрашиваетъ старосту, откуда дуетъ вѣтеръ.—Отчаянный староста отвѣчаетъ: „Досугъ ли разбирать, откуда вѣтеръ дуетъ? горимъ, да и только!“ — „Нѣтъ!“ возражаетъ нѣмецъ: „мнѣ непремѣнно нужно это знать, дабы я могъ такъ расположить мои машины, чтобы онѣ не могли вредить зданію!“ — „Со всѣхъ сторонъ дуетъ!“ отвѣчаетъ староста.—„Это не можетъ быть! вѣтеръ никогда не дуетъ со всѣхъ сторонъ!“ и проч.—Наконецъ староста уходитъ, и начинается совѣщаніе.—Герръ фонъ Гиль требуетъ лошадей, которыя въ завѣдываніи у другаго члена, и конюховъ, которыми завѣдываетъ третій членъ.—Одинъ изъ нихъ говоритъ, что лошадей у него теперь нѣтъ; что онѣ разставлены по станціямъ для скорѣйшаго полученія земледѣльческихъ жур-

наловъ. Другой отвѣчаетъ, что конюха хотя и дóма, но они теперь заняты: они въ школѣ, гдѣ обучаются хомутологіи, въ смыслѣ предметномъ и подлежательномъ. — Однимъ словомъ: совѣщаніе не подвигается впередъ нисколько; а деревня горитъ. —Входитъ Графъ; узнаетъ о безплодномъ преніи представителей—и приходитъ въ отчаяніе. – Въ эту минуту является прежній пріятель и увѣдомляетъ его, что онъ собралъ мужиковъ, самъ былъ на пожарѣ, и пожаръ потушенъ.— Таково содержаніе этой маленькой комедіи, которая на сценѣ забавна до чрезвычайности.—По причинѣ насмѣшки надъ представительнымъ образомъ правленія, боялись, что эта комедійка не пройдетъ театральную цензуру; но тогдашній московской генералъ-губернаторъ, Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, разрѣшилъ представить ее на домашнемъ театрѣ, и самъ былъ въ числѣ зрителей.

Жаль, что я не помню содержанія другихъ маленькихъ комедій, или пословицъ, Князя Долгорукаго; но во всѣхъ господствуетъ самая живая шутка, въ нѣкоторыхъ даже безграничная веселость. Всѣ эти мелкія театральныя піэсы хорошо бы напечатать. Какъ тяжелъ Князь Долгорукой въ своихъ напечатанныхъ драматическихъ произведеніяхъ, такъ легокъ и натураленъ въ этихъ небольшихъ драматическихъ шуткахъ, хотя онѣ написаны имъ уже въ старости. Въ нихъ возвратился онъ къ свободной и неудержимой шутливости своей молодости. Это надобно приписать времени. Первыя, исключая Дурылома, были написаны еще подъ вліяніемъ драматическихъ произведеній стараго театра екатерининскаго времени, подъ вліяніемъ тѣхъ тяжелыхъ образцовъ, которые составили многотомное изданіе Россійскаго Ѳеатра; писавши послѣднія, авторъ имѣлъ уже примѣры новѣйшихъ произве-

деній: и бо́льшую свободу формы, и бо́льшую легкость разговорнаго языка. Веселости ему занимать было нечего; но выраженіе ея само собою приняло современную живость; лица обрисованы легче; старинную неуклюжесть и условную тяжеловѣсность положеній замѣнила нѣкоторая ловкость въ очертаніяхъ, развязность въ приемахъ, и вообще свѣжесть жизни.

Этимъ оканчиваю я разсмотрѣніе произведеній Князя Долгорукаго. Въ то время, когда мы начинаемъ опять обращать вниманіе на прежнихъ нашихъ писателей, изъ которыхъ съ многими мы были совсѣмъ незнакомы, нѣкоторыхъ позабыли, о нѣкоторыхъ вспоминали съ пренебреженіемъ, я предпринялъ, думаю, не лишній трудъ напомнить объ одномъ изъ нихъ, самомъ оригинальномъ, самобытномъ, не обязанномъ ничѣмъ подражанію образцамъ и общему увлеченію времени.

Я не хотѣлъ и не могъ показать въ Князѣ Долгорукомъ писателя изящнаго, образцоваго: это было бы несогласно съ истиною. Но я хотѣлъ выставить въ немъ писателя замѣчательнаго и не дюжиннаго, а оригинальнаго въ высшей степени, что̀ всегда составляетъ достоинство въ писателѣ. Его неотъемлемое достоинство: естественность, безпритворство; а главный его недостатокъ: совершенное отсутствіе искусства, неразборчивость и небрежность въ языкѣ и слогѣ. Чистота языка и красивость слога — великое дѣло! За нихъ прощается иногда поэту и пустота содержанія. Выраженіе счастливое, выраженіе сильное, даже, если оно и искусственно, заставляютъ иногда забывать ложность, или ничтожность мысли, самую пошлость ея и отсутствіе идеи. Но не станемъ гордиться нынѣшнимъ искусствомъ нашимъ легко и свободно выражаться. Не помню кто изъ французскихъ писателей,

кажется, Вольтеръ, сказалъ очень справедливо: „Нечего гордиться, что вы находите выраженія въ языкѣ, который за васъ думаетъ!“ — Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что въ языкѣ, образованномъ предшествовавшими писателями, многія формы выраженія уже готовы: остается только имъ слѣдовать; но предшественникамъ предстояло—ихъ изобрѣсти. Князь Долгорукой писатель не классической; но лѣтописи русской литературы не должны забыть его, какъ представляющаго собою одну изъ сторонъ ея полнаго характера, какъ черту ея физіономіи, не выраженную другими.

27 Іюня 1861.

ИЗДАНІЯ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

КНЯЗЯ ДОЛГОРУКАГО.

1. Философическихъ сновъ 2 части, переведенныя съ французскаго на россійской языкъ, Вольнаго россійскаго собранія Авскультантомъ, Княземъ Иваномъ Долгоруковымъ. Въ Москвѣ. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова. 1780. (8).

2. Любовное Волшебство. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Князя Ивана Долгорукаго. Москва. Въ типографіи Рѣшетникова. 1799. (8).

3. Каминъ, сочиненіе Князя Ивана Долгорукаго, съ французскимъ переводомъ Карла Авіата де Ватай. Москва. Въ тип. Ридигера и Клаудія. 1799. (8).

4. Бытіе сердца моего. Стихотворенія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Москва. Въ Университетской типографіи, у Люби, Гарія и Попова. 1802. (8).

5. Тожъ. — Изданіе 2. — Москва Въ типографіи Пономарева. 1808. (8).

6. Сумерки моей жизни. Сочиненіе Князя Ивана Долгорукаго. Москва. Въ Университетской типографіи. 1808. (8).

7. Разсужденіе о судьбѣ, взятой въ смыслѣ французскаго слова Fatalité, полатинѣ Fatum. Сочиненіе Князя Ивана Долгорукаго. Москва Въ Университетской типографіи. 1814. (8).

8. Филиберъ, или отношенія общественныя Сочиненіе Коцебу. Переводъ съ французскаго Князя Ивана Долгорукаго. 4 части. Москва. Въ Университетской типографіи. 1815. (12).

9. Невинность. Сочиненіе Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. С.-Петербургъ. Въ типографіи Плавильщикова. 1817. (8).

10. Тожъ.—Сочиненіе Князя Ивана Михайловича Долгорукаго, почетнаго члена Императорскаго Московскаго Университета и Общества Любителей Россійской Словесности, при ономъ учрежденнаго, въ которомъ сочиненіе сіе и было читано публично. Въ С.-Петербургѣ. Въ типографіи Ивана Глазунова. 1817. (8).

(Это должно быть второе, ширяевское изданіе, о которомъ упомянуто въ жизнеописаніи Князя Долгорукаго; первое мнѣ неизвѣстно; въ этомъ упомянуто о публичномъ чтеніи этихъ стиховъ, вѣроятно, потому, что общество боялось ихъ напечатать).

11. Бытіе сердца моего, или стихотворенія Князя Ивана Михайловича Долгорукаго. (Изданіе третіе, дополненное значительно, и съ портретомъ автора.) 4 части. Москва. Въ Университетской типографіи. 1817—1818. (8)

12. Стихи на кончину Ея Величества Королевы Виртембергской (Екатерины Павловны). Сочиненіе Князя Ивана Долгорукаго. Москва. Въ типографіи Семена. 1819. (8).

13. Сочиненія Долгорукаго (Князя Ивана Михайловича). Въ двухъ томахъ. Изданіе Александра Смирдина. С.-Петербургъ. Въ типогр. Импер. Академіи наукъ. 1849. (12).

(Это четвертое изданіе самое послѣднее, самое полное и самое худшее по множеству опечатокъ, какъ и всѣ дешевыя изданія Смирдина).

ДВА НЕНАПЕЧАТАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

КНЯЗЯ ДОЛГОРУКАГО.

ФАНАТИКЪ.

Прочелъ я много книгъ на свѣтѣ,
Внималъ глаголу мудрецовъ,
Учился въ школахъ, въ кабинетѣ,
И вздумалъ: буду философъ!
Богатство, славу презирая,
Отъ земнородныхъ удалюсь;
На небо взоры обращая,
Въ пустынѣ счастія добьюсь!

* *
*

Не стало смысла, какъ рѣшиться
На самый суетный предметъ:
Прилично ль страннику жениться?
Гласъ внутренній шепнулъ мнѣ: нѣтъ!
По всѣмъ разсчетамъ умозрѣнья,
Чтобъ зла пучину миновать,
Я для душевнаго спасенья
Рѣшился женщинъ убѣгать!

* *
*

И дѣло въ шляпѣ! Посохъ въ руки,
Подъ мышку сумочку съ добромъ,
За пазуху бумажны тюки,
Чернилъ бутылку взялъ съ перомъ;
Пошелъ не самымъ быстрымъ шагомъ,
И къ сумеркамъ седьмаго дня,
Въ дали туманной, за оврагомъ,
Нашелъ избенку изъ плетня.

* *
*

Представьте рѣчку подъ горою,
За нею кущи и луга,
И отражаемы волною
Луны серебряной рога;
Вблизи лѣсокъ благоуханный,
Гдѣ вся природа будто спитъ;

Какъ мистикъ, филинъ окаянный
Одинъ на версѣхъ горъ торчитъ!

* *
*

Подальше мрачная дубрава,
Холмы могильны надъ скалой,
И чертовщины вся приправа
За облачною синевой!
Тутъ волосъ дыбомъ становился
И всяку тварь коробилъ страхъ;
Тутъ геній вдругъ въ меня вселился:
Я зачалъ мудрствовать въ стихахъ!

* *
*

Противу міра раздраженный,
Сердитъ весь день, напуганъ въ ночь,
Не музой, чортомъ вдохновенный,
Какъ аспидъ, изливалъ я жолчь!
Въ пещерахъ дикихъ раздавался
Волковъ уединенныхъ вой,
И съ нимъ въ гармонію сливался
Гласъ вопіющій въ дебряхъ мой!

* *
*

Хотѣлъ, чтобъ птицы не летали
Въ пространствѣ воздуха вездѣ;
Поджавши крылья бы мечтали
Метафизически въ гнѣздѣ;
Хотѣлъ, чтобъ все созданье тлѣнно
Таинственная скрыла мгла;
Чтобъ дятелъ мыслилъ отвлеченно
И носомъ не долбилъ дупла.

* *
*

Трудясь, дабы въ окрестной сферѣ
Природѣ новый дать чеканъ,
Я прожилъ цѣлый годъ въ пещерѣ
И вышелъ самъ орангутанъ.
Исчезъ послѣдній лучь надежды
Въ сей дичи счастіе найтить,
И прежде, чѣмъ затмились вѣжды,
Опять вернулся къ людямъ жить.

* *
*

Добрелъ въ какой-то ближній городъ:
Увидѣлъ рынки и торги;
Сперва взманилъ приспѣшной смородъ,
Ресторатерски пироги;
А тамъ, какъ голодъ утолился,
Въ щекахъ румянецъ заигралъ,
Старинный бѣсъ зашевелился
И захотѣлося на балъ.

* *
*

А тамъ роскошныя забавы,
Очарованій всякихъ смѣсь
И взора женскаго отравы
Смутили мой разсудокъ весь;
А тамъ—извѣстно что—влюбился,
Повѣрилъ скоро, что я милъ,
Блаженствомъ рая насладился,
Съ подругой сердца—все забылъ!

* *
*

Такимъ ставъ опытомъ увѣренъ,
Что если въ людяхъ счастья нѣтъ,
Вотще искать его намѣренъ
Между звѣрей анахоретъ,
Въ свободѣ началъ предаваться
Порывамъ сердца и души,
И полно заживо спасаться
Между гробовъ, среди глуши!

* *
*

Къ пустынямъ нынѣ приспособить
Фанатикъ желчный хочетъ всѣхъ,
Насъ вживѣ мертвымъ уподобить,
Отнявъ сокровище утѣхъ,
Трансцендентально чтобъ спасая
Отъ пагубы грѣховной тли,
Отверзть онъ силится дверь рая
И въ небѣ жить ужь—на земли.

* *
*

Пустое! сколько ни скрывайтесь,
Страстямъ—что загородитъ слѣдъ?
Друзья мои! не соблазняйтесь!
Всѣ люди—люди; свѣтъ—все свѣтъ!
Душа, доколь въ союзѣ съ тѣломъ,
Того блаженства не вмѣститъ,
Какимъ лишь смерти за предѣломъ
Религія насъ наградитъ!

* *
*

Тогда задернется завѣса
Обмановъ, призраковъ, тѣней,
Въ которыхъ мы, волшебствомъ бѣса,
Игралище его затѣй;
Тогда, познавъ свое юродство,
Душа свободная отъ узъ
Вмѣститъ блаженства превосходство
И внидетъ въ ангельской союзъ.

* *
*

Но въ тѣлѣ станемъ жить тѣлесно,
Стараясь такъ распорядить,
Чтобъ сердцу было въ насъ не тѣсно,
Уму за разумъ не ходить.
Веселый духъ всѣмъ свойственъ нравамъ
И онъ отнюдь намъ не злодѣй;
Кого восторгъ влечетъ къ забавамъ,
Тотъ всѣхъ фанатиковъ добрѣй!

* *
*

Восторгъ, сокровище благое,
Которымъ движутся умы!
Онъ въ насъ урочище живое;
За нимъ лишь мракъ студеной тьмы!
И такъ—навыкнемъ покоряться
Его вліянію на насъ,
Доколь дано намъ здѣсь скитаться
И смерти не ударилъ часъ!

1821.

МОЯ ОТХОДНАЯ.

Теките, дни мои послѣдни,
Какъ чистый ключъ воды бѣжитъ;
Страстей разсѣялися бредни;
Воображеніе не мчитъ
Ума въ опасные обманы;
При двери гроба сердца раны
Врачуетъ опытъ многихъ лѣтъ,
И зрю, взглянувши за собою,
Что я съ безсмертною душою
Глумилъ, какъ игрище, весь свѣтъ!

* *
*

Когда я мыслью обтекаю
Всю жизнь прошедшую свою,
Съ Творцомъ бесѣдовать дерзаю
И укоризны къ небу шлю:
Почто въ бѣдахъ унылой жизни,
Какъ странникъ, внутрь своей отчизны
Безъ пользы призванъ былъ дышать;
Грѣхами юности покрыться,
Въ печаляхъ старости томиться
И счастья тѣнь одну лобзать!

* *
*

Почто, природы по закону,
Двухъ женъ соединя съ собой,
Внималъ ихъ горестному стону,
Некрасной отягчивъ судьбой!
Почто дѣтей составовъ нѣжныхъ
Страдать въ болѣзняхъ неизбѣжныхъ
Съ больною матерью родилъ;

И бытія имъ давши бремя,
Почто на жертву цѣло племя
Уничтоженью осудилъ!

* *
*

Почто, благое провидѣнье,
Ты чувства изостривъ мои,
За каждое ихъ искушенье
Влекло слезъ горкія струи?
Почто снабдило насъ познаньемъ
И соблазнительнымъ желаньемъ
Житейскихъ суетныхъ даровъ,
Коль на стезѣ, къ нимъ преткновенной,
Мечтой пустою обольщенный,
Я находилъ вездѣ враговъ?

* *
*

Увы! еще ли осуждаюсь,
Проживъ толико бурныхъ дней,
Которыхъ памятью терзаюсь,
Послѣдній вздохъ души моей
Предать въ тоскѣ изнеможенья,
И въ ризу мрачну сокрушенья
Одѣвши ближнихъ при себѣ,
Сомкнуть при нихъ сномъ вѣчнымъ вѣжды,
Не унося во гробъ надежды,
Что мной конецъ ихъ злой судьбѣ!

* *
*

О нѣтъ! Хоть Богъ и правосуденъ,
Не до конца враждуетъ намъ,
Въ громадахъ сферъ толико чуденъ,
Толь благъ къ смирившимся сердцамъ!
Ты воздыханія ихъ внемлешь,
Съ благоволеніемъ приемлешь
Въ чертогѣ выспренныхъ небесъ;
Ты ропотъ горести прощаешь,

Безъ лести на него взираешь,
Какъ на ребячьи капли слезъ!

* *
*

Ты благъ!—Но мыслить безразсудно
Не попущу себя вовѣкъ,
Чтобы жизни путь свершая трудной,
Твое созданье, человѣкъ,
Отъ дѣтской люльки до могилы,
Теряя всѣ душевны силы
Въ различныхъ казняхъ роковыхъ,
Еще бы долженъ былъ страшиться,
Въ ту пропасть пламенну валиться,
Котора ждетъ за гробомъ злыхъ!

* *
*

Ты благъ!—И въ этомъ убѣждаетъ
Не письменный одинъ законъ;
Душѣ природа вся вѣщаетъ,
Когда ея отчаянъ стонъ,
Что тотъ, кто создалъ все творенье,
Назначилъ намъ и возрожденье
Непостижимое вкусить;
Обитель въ небѣ намъ устроитъ,
За подвигъ вѣры удостоитъ
На лонѣ праведныхъ почить!

* *
*

Ты благъ!—и все, что̀ въ мірѣ создалъ,
Добра есть истый образецъ!
Ты смертнымъ участи всѣ роздалъ,
Проникнувъ склонность ихъ сердецъ!
На добродѣтели взирая
И путь ихъ къ небу затрудняя,
Для вѣчныхъ благъ намъ восхотѣлъ.
Чтобы тотъ, кто въ мірѣ семъ смирится,
Страстей лукавыхъ постыдится,
Какъ чистый духъ къ тебѣ летѣлъ!

* *
*

Пошли мнѣ въ старости надежду,
Мой Богъ, Творецъ и судія,
Что бросивъ тлѣнья здѣсь одежду,
Къ тебѣ взлетитъ душа моя;
Что ты ей дашь успокоенье,
За клевету въ вознагражденье
Небесна царства не лишишь!
Яви грядущу мнѣ судьбину
И дня послѣдняго кончину,
Когда предстать къ себѣ велишь!

* *
*

Когда же ангелъ смертоносный
Слетитъ зѣницы мнѣ закрыть
И старости недугъ несносный
На ложѣ скорбномъ прекратить,
Наполни мысль мою собою,
Союзъ расторгни съ суетою
И покаянью научи;
Давидову ему дай силу,
И тѣлу растворя могилу,
Духъ съ праведными сопричти.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ М. А. ДМИТРІЕВА.

Дозволено цензурой. Москва. Іюня 7 дня 1863 года.

тріевъ сличилъ главнѣйшія европейскія изданія De Arte poëtica, различные роды чтенія, принявъ тѣ, которые наиболѣе исправны, издалъ при переводѣ и оригиналъ; это заслуга: у насъ не было *отдѣльнаго изданія* этаго сочиненія Горація; прежнія не слишкомъ исправны. Читатель имѣетъ возможность тотчасъ повѣрять переводъ; за одну и ту же цѣну онъ получаетъ и подлинникъ.— Введеніе обнимаетъ всѣ мнѣнія ученыхъ коментаторовъ, отъ схоластиковъ до новѣйшихъ изслѣдователей: ихъ сочиненія очень рѣдки, недоступны большинству. Наконецъ, при переводѣ приложены примѣчанія: о лицахъ и мѣстахъ, поговоркахъ и намекахъ и проч., понятныхъ современникамъ поэта, но для насъ, раздѣленныхъ вѣками, недоступныхъ. — Желаемъ отъ души, чтобы это сочиненіе ожидалъ успѣхъ, который такъ заслуживаетъ оно »

САТИРЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА,

СЪ ЛАТИНСКАГО, ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ. МОСКВА. 1858.

Цѣна 1 руб. 75 коп. Съ пересылкою 2 руб.

Сей *полный* переводъ сатиръ Горація содержитъ въ себѣ слѣдующія сатиры: Книга *первая:* сат. 1. *Противъ любостяжанія.* — 2. *Отрывокъ.* — 3. *Противъ осуждающихъ чужіе недостатки.*—4. *Въ защиту сатиры.*—5. *Поѣздка въ Брундузіумъ.*—6. *О Благородствѣ.*—7. *Тяжба.*—8. *Эсквилійскія Волшебницы.*—9. *Встрѣча.*—10. *Противъ Луцилія.*—*Книга вторая:* сат. 1. *Совѣщаніе.*—2. *Объ умѣренности.*—3. *Стоики*—4. *Искусство пиршествъ.*—5. *Искатели наслѣдствъ.*—6. *Похвала сельской жизни.*—7. *Наставленіе отъ раба.*—8. *Ужинъ.*

Примѣчанія, приложенныя къ концу каждой сатиры, служатъ къ объясненію: именъ собственныхъ, лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, географическихъ и топографическихъ названій, обычаевъ, одежды, яствъ, поговорокъ, намековъ, нѣкоторыхъ постановленій и законовъ римскихъ, нѣкоторыхъ выраженій Горація, и наконецъ въ этихъ примѣчаніяхъ излагаются различныя мнѣнія объяснителей Горація.

Относительно вѣрности этого перевода, вотъ что̀ сказано было въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Іюнь 1858): «Достоинство этаго перевода можно выразить въ короткихъ словахъ Оно заключается въ добросовѣстности переводчика и замѣчательной близости къ подлиннику. Переводчикъ *не отступаетъ почти ни въ одномъ словѣ отъ своего оригинала*. Мы должны отдать полную справедливость его знакомству съ произведеніями и языкомъ римскаго поэта. *Намъ рѣдко случалось видѣть даже нѣмецкіе переводы Горація, которые бы отличались такою точностію* и соотвѣтственностью съ подлинникомъ — Г. Дмитріевъ снабдилъ свой переводъ обширными учеными примѣчаніями. — Примѣчанія эти, по своей многочисленности и ясности, не заставляютъ ничего болѣе желать. — Мы отъ души готовы отдать справедливость несомнѣннымъ достоинствамъ труда М. А. Дмитріева и признаемъ ученое значеніе и пользу его книги.»

Въ введеніи къ своему переводу переводчикъ говоритъ о примѣчаніяхъ слѣдующее: «Касательно моихъ примѣчаній скажу, что я имѣлъ въ виду именно *русскихъ* читателей, изъ которыхъ многимъ недостаетъ самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній о Гораціѣ, о римской литературѣ, о Римѣ —Есть примѣчанія, назначаемыя для ученыхъ; есть другія—для учащихся; мои—для всякаго, кто только слыхалъ о Гораціѣ. Но тѣмъ не менѣе я думаю, что они могутъ быть *небезполезны и для молодыхъ людей, изучающихъ Горація въ подлинникѣ*; ибо я извлекалъ, что̀ казалось мнѣ достовѣрнѣйшимъ изъ многихъ различныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ мнѣній. Такимъ образомъ, не присвоивая моимъ объясненіямъ характера ученыхъ изслѣдованій, я могу однако сказать по всей справедливости, что *немногіе иностранные переводы Сатиръ Горація представляютъ въ совокупности такую полноту объясненія*, хотя у нѣкоторыхъ переводчиковъ и объяснителей истолкованъ *каждый стихъ*, и примѣчанія гораздо обширнѣе моихъ.»

Въ Литературномъ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» (1858, № 83) объ этомъ переводѣ упомянуто такъ: «Г. Дмитріевъ изучилъ Горація вполнѣ. «Сатиры,» также какъ и «Наука поэзіи,» снабжены

множествомъ пояснительныхъ примѣчаній, необходимыхъ для современныхъ читателей и обличающихъ обширныя познанія переводчика. Предоставляемъ спеціалистамъ сказать свое мнѣніе о его переводѣ, намъ же остается только порадоваться, что появился въ печати трудъ, безъ всякаго сомнѣнія дѣлающій честь нашей литературѣ.»

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ.

МОСКВА. 1858.

Цѣна 80 коп., съ пересылкою 1 р.

Содержаніе: 1. *Дума.* — 2. *Семейные пиры.* — 3. *День въ Кремлѣ.* — 4. *Воспоминаніе молодости.* — 5. *Гегелисты.* — 6. *Правосудіе.*—7. *Взятки.*—8. *Пикники.*—9. *Кремль.*—10. *Домикъ въ предмѣстіи.*—11. *Ваганьковское кладбище.*—12. *Московская жизнь.*—13. *Всадница.*—14. *Купцы на гуляньѣ.*—15. *Старый домъ.*—16. *Семисотлѣтняя Москва.*—17. *Сухарева Башня.*—18. *Поклонная гора.*—19. *Крикуны.*—20. *Древнія стѣны.*—21. *Ополченіе 1812 года.*—22. *Балъ.*—23. *Площадь.*—24. *Купецкая свадьба.*—25. *Карты.*—26. *Прѣсненскіе пруды.*—27. *Дворцовый садъ.*—28. *Паркъ.*—29. *Слушатели поэта.*—30. *Языкъ поэзіи.*—31. *Монументы.*—32. *Маленькой вечеръ.*—33. *Купцы въ рощѣ.* — 34. *Память по Благословенномъ.* — 35. *Москва-рѣка.*—36. *Грустная мысль.*—37. *Молва и сплетни.*—38. *Въ память К И. М. Д.*—39. *Славянофилка.*—40. *Свѣтлое Воскресенье.*—41. *Визиты.*—42. *Новинское.*—43. *Старинные вельможи.*—44. *Вавилонскіе нравы.*—45. *Къ Европейцамъ.*—46. *Угощеніе.*—47. *Чиновники.*—48. *Марьина роща.*—49. *Разные вкусы.*—50. *Заключеніе.*

Объ этой книжкѣ, въ Литературномъ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» (1858. № 83) напечатанъ былъ слѣдующій отзывъ:

«Читая «Московскія Элегіи,» прежде всего видите вы въ авторѣ *истаго, давнишняго москвича, который знаетъ бѣлокаменную вдоль и поперегъ*, восхищается ея красотой,

знакомъ съ прелестью ея ландшафтовъ, даже въ самыхъ скромныхъ ея уголкахъ.—Онъ дорожитъ не одними великолѣпными видами Кремля, поражающими всякаго, но наслаждается и свѣжею зеленью Ваганькова, любуется и тремя дубами на Поклонной горѣ, вспоминаетъ и о живописномъ старинномъ кленѣ, распускавшемъ широкія вѣтви свои на берегу Прѣсненскаго пруда. *Передъ читателемъ проходятъ, какъ въ панорамѣ, виды зданій, гульбищъ и окрестностей дорогой нашей Москвы.*»

«Авторъ любитъ Москву не только какъ живописную мѣстность, но какъ проявленіе идеи, какъ лучшій историческій памятникъ Россіи, какъ средоточіе и сердце ея, любитъ ее потому, что въ ней все говоритъ уму и душѣ русскаго. Прекрасныя описанія природы г. Дмитріевъ оживляетъ историческими и собственными своими воспоминаніями. Въ послѣднихъ высказывается неподдѣльное, теплое чувство любви и благодарности къ людямъ давно уже умершимъ, но живымъ въ сердцѣ поэта.»

«Г. Дмитріевъ чуждъ пристрастія и односторонности.—Любя всѣмъ сердцемъ Москву, онъ не ослѣпленъ на счетъ недостатковъ и смѣшныхъ сторонъ московскаго общества. Пороки вообще находятъ въ немъ преслѣдователя убѣжденнаго и неумолимаго. Тутъ г. Дмитріевъ даетъ полный просторъ сатирическому своему таланту, который не былъ еще оцѣненъ у насъ по достоинству.—Прочтите, напримѣръ, піэсы: «*Правосудіе*» — «*Взятки*» — «*Купцы на гуляньѣ*»—и вы убѣдитесь, что онъ за много лѣтъ тому назадъ высказывалъ горькія истины, которыя стали попадать въ печать только недавно и вошли въ короткое время въ общественное сознаніе.»

«Если г. Дмитріевъ такъ хорошо знакомъ съ Москвой, какъ съ городомъ, то не менѣе близко знакомы ему и нравы московскаго общества. Зная всѣ его оттѣнки и причуды, онъ выставляетъ ихъ ярко и осязательно:—нѣтъ почти класса, который не былъ бы затронутъ хоть мимоходомъ.»

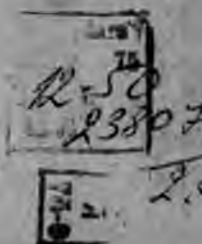
«Что̀ касается языка и стиховъ «Московскихъ Элегій», едва ли и противники г. Дмитріева не сознаются въ чистотѣ его языка и въ томъ, что размѣръ ихъ, удачно выбранный для такого

предмета, покорно повинуется автору. Мы нашли въ его книжкѣ не мало мѣстъ поэтическихъ.....»

Таковъ былъ отзывъ о «Московскихъ Элегіяхъ», которыхъ характеръ преимущественно состоитъ въ живописныхъ описаніяхъ мѣстности, въ воспоминаніяхъ старины и въ простодушномъ изображеніи нравовъ, перемѣшанномъ съ легкою, но колкою насмѣшкою.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. И. СТЕПАНОВОЙ.

30-

